ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ШАВЛАЙ Эллина Петровна

КИТАЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ В 1991-2021 ГГ.

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новая и новейшая история)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
д.ист.н., профессор,
Лунёв Сергей Иванович

Москва – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ... 3

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИЙСКО-КИТАЙСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В БИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД ... 24

1.1. «Индийцы и китайцы братья навек» (1949–1959 гг.) ... 25
1.2. «Тибетская трагедия» и пограничные споры (1959–1962 гг.) ... 35
1.3. Холодная война по-азиатски (1962–1988 гг.) ... 42
1.4. Нормализация отношений Нью-Дели и Пекина (1988–1991 гг.) ... 56

ГЛАВА 2. ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ И КИТАЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» ... 60

2.1. Военно-политическое сотрудничество/соперничество Индии и Китая ... 61
2.1.1. Военные потенциалы Индии и Китая ... 61
2.1.2. Сопоставление позиций двух стран на границе ... 72
2.1.3. Нормативно-правовые основы взаимодействия и механизмы диалога между Индией и КНР в военной и политической сфере ... 79
2.2. Индийско-китайские экономические отношения ... 84
2.2.1. Общая характеристика индийско-китайских экономических отношений на современном этапе ... 84
2.2.2. Проблемы и перспективы индийско-китайского экономического взаимодействия 92
2.3. Культурно-цивилизационные связи Индии и Китая в наши дни ... 102

ГЛАВА 3. КИТАЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ ... 115

3.1. Индийско-китайские отношения в Южной Азии ... 115
3.1.1. Треугольник Индия-Пакистан-Китай ... 118
3.1.2. КНР и континентальные страны Южной Азии: индийское видение ... 127
3.1.3. Морские страны Южной Азии между Индией и КНР ... 136
3.2. Индийская концепция Индо-Тихоокеанского региона: место Китая и российский фактор ... 144
3.2.1. Индийская версия Индо-Пацифики ... 144
3.2.2. Китай в индийских региональных внешнеполитических концепциях ... 149
3.2.3. Российский подход к ИТР ... 155
3.2.4. ИТР как основа сопряжения интересов РИК ... 160

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 167

БИБЛИОГРАФИЯ ... 173

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. В период усиления новых центров силы, возвышение которых началось ещё в конце прошлого века, анализ текущих отношений между ними, соотношения сил и возможных вариантов развития событий приобретает всё большее значение как на региональном уровне, так и на глобальном. В Азии, ещё недавно пребывавшей в постколониальном состоянии, стали вновь появляться экономические и военно-политические гиганты – и в первую очередь речь идёт о КНР и Индии. Китай – потенциальная сверхдержава, которая уже на сегодняшний день именуется главным противовесом гегемонии США, и Индия – восходящая великая держава, роль которой повышается, ввиду её геополитического положения, а также стремительно улучшающихся экономических и военно-политических позиций в системе международных отношений, представляют особый интерес для научного исследования. Роль Китая и Индии постоянно отмечает и глава российского государства В.В. Путин. В частности, в ежегодном Послании Федеральному Собранию в 2016 году об отношениях с Китаем он сказал: «В нынешних непростых условиях одним из ключевых факторов обеспечения глобальной и региональной стабильности стало российско-китайское всеобъемлющее партнёрство и стратегическое сотрудничество. Оно служит образцом отношений миропорядка, построенного не на идее доминирования одной страны, какой бы сильной она ни была, а на гармоничном учёте интересов всех государств»[1]. О значимости Индии для России свидетельствует Концепция внешней политики России, утверждённая Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г., в которой признается необходимость «дальнейшего углубления особо привилегированного стратегического партнерства с Республикой Индией, основанного на совпадении внешнеполитических приоритетов, исторической дружбе и глубоком взаимном доверии, а также за упрочения взаимодействия по актуальным международным проблемам и укрепления

[1] Послание Президента Федеральному Собранию, 2016 г. // Президент России – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53379

взаимовыгодных двусторонних связей во всех сферах»[2]. При этом Президент России неоднократно подчеркивал и важность трехстороннего взаимодействия Москвы, Нью-Дели и Пекина: «наше сотрудничество в формате РИК могло бы стать примером для создания современного, справедливого, многополярного мироустройства, отрицающего протекционизм, политику односторонних действий и нелегитимных санкций»[3]. Этому вторит и новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02.07.2021, отводящая особое место диалогу с Индией и Китаем «в целях создания в Азиатско-Тихоокеанском регионе надёжных механизмов обеспечения региональной стабильности и безопасности на внеблоковой основе»[4].

При этом важно понимать, что любому феномену всегда предшествует процесс формирования и развития. Историческая составляющая зачастую является одним из главных факторов происходящих изменений, что особенно важно принимать во внимание, когда анализируется политика Индии и Китая, для которых во многом характерна приверженность традиционализму и преемственности в действиях. Иными словами, рассмотрение современного состояния индийско-китайских отношений не только с двусторонней, но и с региональной перспективы, через призму эволюции подходов государств друг к другу представляется актуальным для развития исторической науки новейшего времени.

Хронологические рамки включают в себя период 1950–2021 гг., так как индийско-китайские отношения были установлены в 1950 г., а для более глубокого понимания эволюции отношений между Индией и Китаем необходимо уделить внимание их взаимодействию и в биполярный период. Тем не менее наиболее важным является рассмотрение взаимодействия двух государств именно на современном этапе: 1991–2021 гг. Выбор 1991 года обусловлен закреплением тренда на нормализацию отношений между Индией и Китаем, заложенного в 1988 году, а также сменой

---

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.). // Министерство иностранных дел Российской Федерации – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

[3] Выступление В.В. Путина на встрече лидеров России, Индии и Китая (Осака, 28.06.2019). // Президент России – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60846

[4] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". // Президент России – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf

миропорядка, повлекшей за собой в том числе перестраивание индийской внешней политики. Конец периода совпадает с началом работы над диссертационным исследованием и обусловлен наличием фактологического материала вплоть до этого года.

Территориальные рамки исследования на региональном уровне охватывают весь Индо-Тихоокеанский регион, которые в диссертации соответствует индийской трактовке этого термина (см. Главу 3). При этом особое внимание уделяется рассмотрению Южной Азии, поскольку Индия в первую очередь является региональной державой. В то же время будет использован термин «Азиатско-Тихоокеанский регион» (АТР; совокупность трёх субрегионов – Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана)[5], который в последнее время, ввиду усиления роли Индии, трансформируется в понятие «Индийско-Тихоокеанский регион» (ИТР)[6]. В понимании автора, ИТР, помимо стран АТР, включает в себя государства Южной Азии.

Объектом исследования являются индийско-китайские отношения, в то время как ***предметом*** – генезис, состояние, тенденции, проблемы и перспективы соперничества / взаимодействия Индии и КНР в Азии.

Исследовательский вопрос формулируется следующим образом: почему несмотря на наличие общих интересов и проблем в отношениях Индии и Китая превалирует соперничество, а не сотрудничество?

В этой связи ***цель*** кандидатской диссертации – выявить факторы, способствующие и препятствующие развитию индийско-китайских отношений на двустороннем и региональном уровне. Для её достижения следует выполнить ряд ***задач***:

---

[5] Воскресенский А.Д. Восточная Азия и/или АТР: состав региона. // [Торкунов А.В. (ред.). Современные международные отношения и Мировая политика.] – М.: МГИМО-Университет, 2004. – 408 с.

[6] Стрельцов Д.В. Индийско-тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений. / Д.В.Стрельцов // Международная жизнь. — 2018. — №9. — С. 65–74.

1. рассмотреть тенденции развития двусторонних отношений Индии и Китая в XX – начале XXI века;
2. выявить точки сближения и расхождения двух стран на двустороннем уровне в биполярный период, оказавшие влияние на их современное взаимодействие;
3. проанализировать военно-политическое, экономическое и культурно-цивилизационное сотрудничество двух государств в постбиполярный период;
4. изучить особенности стратегии Индии по отношению к Китаю в Индо-Тихоокеанском регионе;
5. исследовать воздействие экзогенного фактора на двусторонние отношения;
6. определить возможности и ограничения российского фактора в индийско-китайском диалоге.

Структура и основное содержание диссертационной работы обусловлены целью и задачами исследования. Диссертация включает в себя введение, основную часть, заключение и библиографию.

Во *введении* диссертации приводится обоснование актуальности представленного исследования, степень разработанности проблемы, теоретико-методологическая основа работы, цели и задачи исследования.

Основная часть разделена на три главы. В *первой главе* рассмотрен исторический срез индийско-китайского взаимодействия и влияние, оказываемое историческим контекстом на двусторонний уровень взаимодействия Нью-Дели и Пекина. *Вторая глава* посвящена современному сотрудничеству двух стран в разных областях: военно-политической, экономической и культурно-идеологической. В *третьей главе* проанализировано китайское направление стратегии Индии в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе и через призму нарастающего противостояния США и Китая, выявлены перспективы индийско-китайских отношений на региональном срезе при положительном влиянии российского фактора.

В *заключении* диссертации представлены результаты проведенного исследования, сформулированы основные выводы и рекомендации.

Библиография включает в себя список источников и литературы.

Тема диссертации соответствует ***Основным направлениям научных исследований*** МГИМО (У) МИД России, в частности, *1.3.2 Региональные подсистемы международных отношений, 1.3.3 Международные институты и организации, 1.5.1.1 Особенности политики крупных полупериферийных азиатских держав, 1.5.1.2 Перспективы взаимоотношений в треугольнике Россия-Китай-Индия, 1.5.1.6 Влияние процессов в Азии на систему международной безопасности, 1.5.4 Современная внешняя политика отдельных государств, 1.5.5 История внешней политики отдельных государств, 1.5.6 История политических систем отдельных государств, 1.7.3 Интеграционные процессы в Азии, 1.7.5 Интеграционные процессы в АТР, 4.2.12.8 Региональные конфликты.*

В качестве ***теоретического подхода*** была выбрана *теория международных отношений*, в рамках которой используется *неореализм* (понятия «баланс сил», «национальные интересы», «мощь») и *конструктивизм* (восприятие государствами себя и друг друга). Помимо этого, применяется ***системный*** подход, который позволяет сделать работу комплексной, а потому даёт возможность представления достаточно полной картины происходящего во взаимоотношениях Индии и КНР на двустороннем и региональном уровнях.

Неореализм (структурный реализм), нашедший свое отражение в работах Кеннета Уолтца[7], в первую очередь в «Теории международной политики» 1979 г., утверждает, что акторами являются государства, их целью является достижение национальных интересов – прежде всего, выживания, для которого производится максимизация собственной силы, отношения между странами являются конфронтационными, а система международных отношений в целом носит анархичный характер. При этом в отличие от классического реализма,

[7] Waltz K. Theory of International Politics/ Addison-Wesley Publishing Company – 24.10.2010. – URL: https://ru.scribd.com/doc/40007016/Kenneth-Waltz-Theory-of-International-Politics

представленного Э. Карром[8] и Г. Моргентау[9], который рассматривает исключительно силовой потенциал отдельных государств и баланс сил между ними, неореализм анализирует различные составляющие мощи государства (экономическую, политическую и военную – отдавая предпочтение последней), возможные объединения государств (слабые государства объединяются вокруг более сильных держав, образуя, таким образом, центры силы в международной политике и межгосударственные союзы) и формирующуюся таким образом структуру международных отношений (поэтому теория и называется структурной) – миропорядок, устанавливающий правила игры. Данный подход в наилучшей степени подходит для объяснения противостояния Индии и Китая на региональном уровне.

Другим подходом, который будет задействован в данной работе, является *конструктивизм*. В рамках этого направления, в том числе, и в науке о международных отношениях, разработанного Александром Вендтом[10], считается, что любое основополагающее явление внутри международной системы является конструктом, обусловленным особенностями субъекта анализа и его контекстуальным окружением. В данном исследовании конструктивизм способствует объяснению разного восприятия геополитических концепций не только Нью-Дели и Пекином, но и Москвой.

Системный подход стал важным связующим звеном, рассматривающим международные отношения как целостную систему, элементы которой находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Именно он позволил рассмотреть проблематику индийско-китайских отношений в рамках существующего миропорядка с учётом множества разных факторов, которые предопределяют «окружающую среду» этих государств.

Методологическую основу исследования составят *общенаучные* методы (статистический, компаративный, критический анализ текстов) и *исторические* (метод

---

[8] Carr E. The Twenty Years' Crisis/ MACMILLAN & CO. LTD – 10.09.2013. – URL: https://ru.scribd.com/doc/167060273/E-H-Carr-the-Twenty-Years-Crisis-1919-1939-an-Introduction-to-the-Study-of-International-Relations-1946

[9] Morgenthau H. Politics among nations/ Mc Graw Hill Higher Education – 2005. – URL: http://www3.nd.edu/~cpence/eewt/Morgenthau2005.pdf

[10] Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics/ International Organization, Vol. 46, № 2. (Spring, 1992). – P. 391-425. – 30.11. 2007. – URL: https://ic.ucsc.edu/~rlipsch/Pol272/Wendt.Anarch.pdf

периодизации, историко-генетический и историко-системный), поскольку они представляются наиболее подходящими для достижения поставленных цели и задач.

Статистический метод предназначен для рассмотрения и анализа экономических, военных и иных показателей Индии и КНР.

Компаративный метод применялся в данной работе с целью сравнения индийской и китайской стратегий на региональном и на глобальном уровнях, для сопоставления их возможностей и перспектив, для выделения общего и особенного в подходах Индии и КНР к восприятию друг друга, а также анализа изменений, произошедших во взаимоотношениях двух государств после распада биполярной системы.

Критический анализ текстов – один из наиболее важных методов, используемых в диссертации, поскольку на нём основано исследование эволюции отношений между Индией и Китаем, изменений в их позициях по отношению друг к другу, приоритетов государств в разное время, понимание их аргументации.

Метод периодизации был необходим для выделения исторических этапов развития индийско-китайский отношений в годы Холодной войны, позволивших отразить динамику их взаимодействия на фоне изменения экзогенной и эндогенной среды.

Историко-генетический метод способствовал объяснению исторических причин сегодняшних отношений индийского и китайского руководств, дал возможность понять закономерности построения внешнеполитических стратегий, а также проследить истоки позитивных и негативных тенденций, наблюдаемых сегодня в диалоге Нью-Дели с Пекином.

Историко-системный метод позволил обобщить историческое становление взаимодействия между Индией и КНР, объединив множество фактов и факторов, влиявших на него, в единую систему.

Теоретическая значимость диссертации определяется недостаточной освещенностью индийско-китайских отношений как в историческом ключе, так и на современном этапе. Ограниченное число исследований затрагивает и ставшую

предметом отдельного рассмотрения со стороны автора двустороннюю повестку дня – обычно предпочтение отдаётся общерегиональному и глобальному противостоянию Индии и Китая, при этом роль первой зачастую сводится исследователями к малому партнеру Вашингтона в его соперничестве с последним. Диссертация призвана заполнить лакуны и в изучении южноазиатского измерения соперничества между Нью-Дели и Пекином, которое также остается слабо исследованным, особенно в отечественной науке, хотя представляет всё большую актуальность ввиду усиления Индии и роста вовлеченности Китая в зону Индийского океана. Интерес представляет и использованный автором подход к рассмотрению Индо-Тихоокеанского региона через призму неореалисткой и конструктивистской парадигмы, позволяющий перевести российские и индийские взгляды по этому вопросу в единую систему координат.

Практическая ценность исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при подготовке необходимых в образовательном процессе учебных пособий и лекционных материалов для ведения курсов по современному востоковедению. Кроме того, они будут полезны российским ведомствам, занимающимся выработкой и имплементацией внешнеполитических стратегий государства. Выводы могут также иметь значение для экспертного сообщества и дипломатов Индии и Китая с целью переосмысления некоторых вопросов двусторонней и региональной повестки дня, а также принятия соответствующих мер для комплексного решения имеющихся проблем. Автор также оставляет поле для дальнейших исследований в этой области с учетом уже полученных результатов, в том числе с применением полевых исследований, политологических и социологических качественных и количественных методов (контент-анализа, ситуационных анализов, социологических опросов и пр.).

Выборка источников. В данном исследовании были использованы:

- архивные материалы, содержащие тексты соглашений, договоров, писем и телеграмм индийских и китайских политических деятелей, а также рассекреченных докладов и оценок американской разведки;
- документы, информационные материалы и доклады, издаваемые государственными органами Индии;
- документы, информационные материалы и доклады, издаваемые государственными органами КНР;
- документы, информационные материалы и доклады, издаваемые международными организациями;
- заявления и выступления официальных лиц Индии, Китая и России;
- сообщения и репортажи информагентств;
- сборники официальной статистической информации, издаваемые МВФ, ООН и другими организациями, позволяющие проследить динамику индийско-китайских торгово-экономических и военно-политических отношений, а также составить представление о перспективах развития обоих государств.

Среди ***критериев*** репрезентативной выборки можно выделить следующие:

- *объективность* (по возможности: непредвзятость, идеологическая беспристрастность);
- *авторитетность* (компетентность источника информации в предоставлении информации);
- *доступность* (возможно найти в печатном или электронном виде).

Степень разработанности темы. Возвышение Азии и соответственное повышение интереса к региону в целом и Индии с Китаем в частности приводит к постепенному увеличению количества работ, посвященных рассматриваемой тематике. В целом, научные исследования, имеющие отношение к данному исследованию, можно разделить на *следующие кластеры*:

1. История индийско-китайских отношений;
2. Двустороннее взаимодействие Индии и Китая на современном этапе;
3. Взаимодействие/соперничество Индии и Китая в Азии.

Что касается *первого кластера*, то среди *отечественных* исследователей индийско-китайских отношений в исторической ретроспективе следует выделить ученых «советской школы востоковедения»: В.Я. Белокреницкого[11], М.С. Капицу[12], В.С. Кузнецова[13], Лунева С.И.[14], В.Н. Москаленко, Е.Д. Степанова[15], В.Ф. Терехова[16], Т.Л. Шаумян[17], Ф.Н. Юрлова и Е.С. Юрлову[18]. *Зарубежная наука* представлена работами индийских (К. Гупта[19], Г. Дешингкар[20], Д. Джайшанкар[21], К.Р. Пиллаи[22], С. Рамачандран[23]), китайских (Я. Куйсун[24], С. Лю[25], Ф. Минсин[26], Х. Сяовэнь[27], Ч. Цзянь[28]) и западных (Д. Кукс[29], П.М. МакГарр[30], С. Талботт[31], А.С. Уайтинг[32], В.В. Экелен[33]) учёных.

---

[11] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.А. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. – 368 с.
[12] Капица М.С. КНР: три десятилетия — три политики. М.: Политиздат, 1979. — 576 с.
[13] Кузнецов В.С. Китайско-индийские отношения 1950–1963 гг. М.: ИДВ, 2013. – 272 с.
[14] Лунев С.И. Индия и США. Межгосударственные отношения. М.: «Наука», 1987.
[15] Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949–1984 гг.). М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1986. – 348 с.
[16] Терехов В. Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние. // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). – С. 57–76.
[17] Шаумян Т.Л. Индийско-китайская граница: перспективы урегулирования проблемы. // Азия и Африка сегодня. 2001. № 9. С. 27–32.
[18] Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. / Ф.Н.Юрлов, Е.С.Юрлова – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 920 с.
[19] Gupta K. Sino-Indian Agreement on Tibetan Trade and Intercourse: Its Origin and Significance. // Economic and Political Weekly – Vol. 13, № 16 (Apr. 22, 1978). – P. 696–702.
[20] Deshingkar G. India-China Relations: The Nehru Years. China Report, 27(2) – 1999. – P. 85–100.
[21] Jaishankar D. 1962's Other Crisis: India and China go to War. The Diplomat – 20.10.2012 – URL: https://thediplomat.com/2012/10/seeing-china-through-indian-eyes-the-legacy-of-1962/
[22] Pillai K.R. The Political Triangle: Pakistan, India and Britain. New Delhi: Abhinav Publications, 1970.
[23] Ramachandran S. Decision-making in Foreign Policy. New Delhi: Northern Book Centre, 1996. – 297 p.
[24] Yángkuísōng. "Xīn zhōngguó de gémìng wàijiāo sīxiǎng yǔ shíjiàn". [Ян Куйсун «Идеи и практика революционной дипломатии в Новом Китае»]. – URL: http://ww2.usc.cuhk.edu.hk/PaperCollection/webmanager/wkfiles/7564_1_paper.pdf
[25] Xuecheng L. Look Beyond the Sino-Indian Border Dispute. // China Report, 2011. Vol. 47, № 2. – P. 147–158.
[26] Mingxing F. Qingmo minchu zhongying (yin) guanxi zhong de xizang wenti – Qingmo minchu zhongguo zhengfu weihu xizang zhuquan de nuli. // Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 4. 2011. – P. 90–99. [Фань Минсин. Проблема Тибета в китайско-британских (индийских) отношениях в конце династии Цин и начале КР. // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2011. № 4. – С. 90–99].
[27] Xiaowen H. The 1950s in China–India relations. // Bajpai K., Ho S., Miller M.C. Routledge Handbook of China-India Relations, 1st Edition, London: Routledge, 2020. – 634 p.
[28] Jian C. The Tibetan Rebellion of 1959 and China's Changing Relations with India and the Soviet Union. // Journal of Cold War Studies – Vol. 8, Issue 3, Summer 2006. – P. 54–101. – URL: https://sites.fas.harvard.edu/~hpcws/jcws.2006.8.3.pdf
[29] Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991. Washington, DC: National Defense University Press, 1993. – 526 p.

Среди отечественных работ, посвящённых динамике исторического взаимодействия Индии и Китая, хочется прежде всего обратить внимание на монографии советских китаистов: «КНР: три десятилетия — три политики» М.С. Капицы и «Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949–1984 гг.)» Е.Д. Степанова. Обе работы не лишены идеологической окрашенности, обусловленной периодом их написания, однако являют собой примеры глубокого анализа китайской внутренней и внешней политики, а также лежащих в её основе философских, исторических и культурных предпосылок.

Территориальные противоречия двух стран стали предметом исследования целого ряда ученых, однако наиболее нетривиальным можно считать статьи известного индийского китаеведа Гири Дешингкара, который сумел показать не только разные трактовки соглашений Британской Индии с Китаем и Тибетом, но и роль личности в истории. Речь идёт о Джавахарлале Неру, который, по мнению автора, недооценил китайскую угрозу и не придал должного внимания советам своих коллег ввиду своих завышенных ожиданий от индийско-китайского потенциального альянса. Иными словами, индийский премьер-министр слишком долго выдавал желаемое за действительное, а потому оказался не готов к реальному военному конфликту с северным соседом, приведшему к катастрофическим последствиям для Нью-Дели в регионе и мире.

Книга «Привлечение Индии: дипломатия, демократия, и бомба», написанная президентом Института Брукингса С. Талботтом, охватывает довольно важную сферу: ядерную программу азиатской державы и в этой связи её отношения с региональными акторами. С одной стороны, ядерный фактор безусловно способствовал укреплению положения индийской стороны во внешней политике. А с другой стороны, он привел к критике со стороны мирового сообщества, нарастанию соперничества с Китаем, а также усилению противоречий с Пакистаном.

---

[30] McGarr P.M. The Cold War in South Asia: Britain, the United States and the Indian Subcontinent, 1945-1965. Cambridge University Press, 2013. – 391 p.
[31] Talbott S. Engaging India: Diplomacy, Democracy, and the Bomb. Brookings Institution Press, 2006. – 270 p.
[32] Whiting A.S. China Crosses the Yalu: The Decision to Enter the Korean War. Stanford: Stanford University Press, 1990 – 225 p.
[33] Eekelen W. Indian Foreign Policy and the Border Dispute with China: A New Look at Asian Relationships. Leiden: BRILL, 2015. – 354 p.

Второй кластер охватывает различные направления сотрудничества Нью-Дели и Пекина – от военно-политического до культурно-цивилизационного. Российские исследователи Васильев Е.Л.[34], Н.В. Галищева[35], Лунёв С.И.[36], Терехов В.Ф.[37], Уянаев С.В.[38], индийские С.К. Моханти[39], Дж.Г. Редди[40], М.Л. Сали[41], Н. Саху[42], Т. Сен[43], китайские Ч. Синьин[44], Ч. Сюйтун[45], Л.С. Фан[46], Ху Юйвэй[47], Э. Яу[48], а также западные Э.Ш. Девадасон[49], И. Рейман[50], С. Уолперт[51] оказали основную помощь при написании второй главы диссертации.

Двусторонняя повестка дня носит противоречивый характер и зачастую увязывается экспертами с общерегиональным контекстом индийско-китайского диалога, а потому довольно мало работ, непосредственно описывающих двусторонний

---

[34] Васильев Е.Л. К вопросу о территориальных спорах Китая. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2017. Т. 22. № 22. – С. 172–186.

[35] Галищева Н.В. Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы. // Вестник МГИМО-Университета. 2017;(2(53)). – С. 71–89. DOI: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89; Внешняя торговля Индии в 1950-2000х гг. // Вестник МГИМО-Университета – 2012. – № 1(22). – С. 181-186; Проблема дисбалансов в экономике Индии. // Вестник МГИМО-Университета. — 2015. — № 4 (43) – С. 242–254.

[36] Лунёв С.И. Южная Азия и Китай. // Отв. ред. – Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М.: Наука, 2007. – 327 с.; Территориальные и пограничные проблемы Южной Азии. // Под ред. Д.В. Стрельцова. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. – 319 с.

[37] Терехов В.Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние. // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4. – С. 57-76.

[38] Уянаев С.В. Китай–Индия: отношения в начале нового столетия. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. – С. 19–30.

[39] Mohanty S.K. India-China Bilateral Trade Relationship. // Research and Information System for Developing Countries. – 01.2014. – URL: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/India%20china%20report.pdf

[40] Reddy J.G. Dynamics of India and China Relations. Implications for New World Order: UGC Centre for Southeast Asian and Pacific Studies, Sri Venkateswara University, 2016. – 484 p.

[41] Sali M.L. India-China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector. APH Publishing, 1998. – 313 p.

[42] Sahoo N. India, China and the ironies of Maoism. // Observer Research Foundation – 05.2017. – URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/indian-china-ironies-of-maoism/

[43] Sen T. Buddhism, Diplomacy, and Trade: The Realignment of Sino-Indian Relations, 600-1400 (2003; 2016); India, China, and the World: A Connected History (2017); Sen T., Mair V.H. Traditional China in Asian and World History (2012).

[44] Xinying Z. More Indians studying in China. // China Daily: Education – 2015 – URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/25/content_20807203.htm

[45] Zhāngxùtōng. Xīyóu jì duì zhōngguó rén sīxiǎng de yǐngxiǎng [Чжан Сюйтун "Влияние "Путешествия на Запад" на китайскую мысль"]. – URL: http://www.zhongguozhihui.com/discourses/articles/TopicArticle2.html

[46] Fan L.S. The Economy and Foreign Trade of China. // 38 Law and Contemporary Problems. (Summer 1973). – P. 249–259. – URL: https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol38/iss2/7

[47] Yuwei H. China, India resume annual counter-terrorism exercise amid improved military trust. // The Global Times English Edition: China, World – 2018. – URL: http://www.globaltimes.cn/content/1133407.shtml

[48] Yau E. Why Indian films like Dangal and Toilet are so popular in China: similar problems. // South China Morning Post – 2018. – URL: https://www.scmp.com/culture/film-tv/article/2177193/why-indian-films-dangal-and-toilet-are-so-popular-china-similar

[49] Devadason E.S. Enhancing China-India Trade Cooperation: Complementary Interactions? // China Review, vol. 12, № 2, 2012. – P. 59–83. – URL: www.jstor.org/stable/23462217

[50] Rehman I. A Himalayan Challenge: India's Conventional Deterrent and the Role of Special Operations Forces along the Sino-Indian Border. // Naval War College Review. Winter 2017. Vol. 70. № 1. – P. 104-142.

[51] Wolpert S. A New History of India. New York: Oxford University Press, 1997.

уровень их отношений – в основном такие работы посвящены каким-то отдельным аспектам. Так, возможности и ограничения двух государств в приграничных областях исследует И. Рейман, который в статье «Гималайский вызов: индийские обычные вооружения и роль сил специального назначения на китайско-индийской границе» достаточно подробно осветил основные параметры индийских и китайских приграничных позиций: инфраструктуру, обеспеченность оружием, стратегические особенности и так далее.

Что касается торгово-экономического среза отношений, то на данный момент большинство российских исследователей отмечают либо глобальные и региональные тренды экономического роста Индии и Китая, либо рассматривают экономику этих стран как самостоятельное явление. Среди последних видное место занимают работы Н.В. Галищевой, в которых она подробно изучает внутренние дисбалансы индийской экономики и их влияние на взаимодействие Индии с внешним миром. В частности, в статье «Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы» она отмечает исторические стадии интеграции Индии в мировую экономику и характеризует достижения и проблемы индийской экономической политики на современном этапе.

Среди тех немногих работ, которые затрагивают культурно-цивилизационную сферу, следует отдельно выделить, пожалуй, монографии директора Центра изучения глобальной Азии, профессора истории Тансена Сена, который действительно глубоко анализирует культурные связи двух стран через призму их исторической динамики с древних времен до настоящего времени. Особенно интересна его работа «Индия, Китай и мир: общая история», где автор в том числе рассуждает об общем и особенном в восприятии буддизма в Азии в целом и в двух азиатских гигантах в частности, показывая, насколько отличным, можно сказать, параллельным было развитие этого учения даже в соседних государствах.

Наиболее широкий спектр литературы относится к *третьему кластеру*. Это обусловлено тем, что на данный момент большинство исследователей анализируют именно региональные тренды, возникающие в отношениях Индии и Китая, как наиболее актуальные на фоне их экономических, военно-политических и иных успехов. В частности, индийско-китайское взаимодействие в регионе изучали В.Я.

Белокреницкий[52], Н.А. Замараева[53], М.В. Казанин[54], С.Н. Каменев[55], А.В. Куприянов[56], А.А. Ледков[57] и С.И. Лунёв[58]. Из индийских исследователей отметим С.С.Биндру[59], Д. Джайшанкара[60], С. Джайшанкара[61], Ч.Р. Мохана[62] и Д.К. Сингха[63], из китайских – С. Пу[64], Х. Сяоюна[65], Т. Фанга[66], из западных – Ш. Мирского[67], Т.В. Пола[68], Д. Скотта[69] и А.Дж. Теллиса.

Среди южноазиатских исследований, подробно характеризующих отношения Нью-Дели с малыми и средними государствами региона, следует особо выделить монографию В.Я. Белокреницкого, В.Н. Москаленко и Т.Л. Шаумян «Южная Азия в мировой политике». Книга представляет собой системный анализ роли Индии в региональном ключе и повышения её статуса на мировой арене, где она всё стремительнее начинает играть роль великой державы. Интересным представляется и

---

[52] Белокреницкий В.Я. Предпосылки и начальные этапы китайско-пакистанского экономического взаимодействия. // Восточная аналитика. 2018. №3. – С. 19-28.

[53] Замараева Н.А. Индия и проект Китайско-пакистанского экономического коридора. // Восточная аналитика. 2018. №3. – С. 60-66; КНР на Ближнем и среднем Востоке и в Южной Азии (проект Китайско-пакистанского экономического коридора). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. – С. 207–224. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10012

[54] Казанин М.В. Китай и Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века. Москва: Институт Ближнего Востока, 2017. – 104 с.

[55] Каменев С.Н. Рост населения Пакистана и его влияние на социальные процессы. // Доклад на конференции ЦИСБСВ 26.11.2018. – С. 447-453.

[56] Куприянов А.В. Индо-Пацифика и Россия: не упустить свой шанс. // Клуб «Валдай» – 11.2018 – URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-patsifika-rossiya/

[57] Ледков А.А., Лунёв С.И. История Непала. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 384 с.

[58] Лунев С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. – М.: Издательство Юрайт, 2019; Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. №17. – С. 112–139; Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы Европы. 2020. Т. 27. № 1. – С. 182–212.

[59] Bindra S.S. Chinese Strategy in South Asia. // The Indian Journal of Political Science, 2009. Vol. 70, № 4. – P. 1163–1178.

[60] Jaishankar D. Acting East: India in the Indo-Pacific. // Brookings Institution India Center, October 2019.

[61] Jaishankar S. The India Way: Strategies for an Uncertain World. HarperCollins India, 2020. – 240 p.

[62] Mohan C.R. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. New Delhi: Oxford University Press, 2013. – 329 p.

[63] Singh D.K. Stateless in South Asia: The Chakmas between Bangladesh and India. SAGE Publications India. 2010. – 320 p.

[64] Pu X. Ambivalent accommodation: status signalling of a rising India and China's response. // International Affairs, 2017. 93:1. – P. 147–163. DOI: 10.1093/ia/iiw002

[65] Xiaoyong H. Cooperation or confrontation? The way ahead for the region. // The Straits Times, 2020. – URL: https://www.straitstimes.com/opinion/cooperation-or-confrontation-the-way-ahead-for-the-region

[66] Fang T. The Past, Prospects and Problems of Forming the 'Chindia' Alliance. // Naidu G.V.C., Chen M., Narayanan R. India and China in the Emerging Dynamics of East Asia. Springer, 2014. – 178 p.

[67] Tellis A.J., Mirski S. Crux of Asia: China, India, and the Emerging Global Order. // Carnegie Endowment for International Peace, 2013.

[68] Paul T.V. Chinese-Pakistani Nuclear/Missile Ties and the Balance of Power. // The Nonproliferation Review, 10 (2), 2003. – URL: https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/102paul.pdf

[69] Scott D. The Great Power 'Great Game' between India and China: 'The Logic of Geography'. // Geopolitics. Vol. 13. 2008. – P. 1–26.

рассмотрение конкуренции Индии с Китаем, рост которого обусловливает усиление соперничества за влияние в регионе, а также с Пакистаном, который всё больше стремится к утверждению в Азии – во многом за счёт сотрудничества с Пекином. В работе также рассматривается эволюция Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), показываются основные проблемы и перспективы взаимодействия региональных акторов.

Особую ценность представляет собой и работа Ш. Мирского и А.Дж. Теллиса «Суть Азии», поскольку в ней представлен комплексный обзор роли Индии и Китая в системе международных отношений, рассматривается глобальный и региональный срез их отношений с другими центрами силы, региональный баланс сил и иные относящиеся к этой теме вопросы. Оба государства (Индия и КНР), по мнению авторов, являют собой те силы, которые способны изменить и постепенно трансформируют мировой порядок. В монографии анализируются позиции обеих стран по различным глобальным вызовам, сравниваются те проблемы, которые обоим государствам предстоит решить, и оцениваются перспективы дальнейшего развития ситуации.

Ключевое же значение при работе над третьей главой имела книга «Путь Индии: стратегии неопределенного мира», написанная действующим министром иностранных дел Индии Субраманьямом Джайшанкаром. В ней он рассматривает основополагающие элементы индийского стратегического видения, в том числе индийское понимание концепции Индийско-Тихоокеанского региона. Его работа способствовала созданию целостной картины индийской политического, экономического, культурно-цивилизационного и силового аспектов, исторической эволюции её внешнеполитического курса, взаимоотношения с Китаем, США и другими важными акторами международных отношений, что, в конечном счёте, помогло достичь поставленной цели.

И всё же, несмотря на кажущееся значительное количество трудов по индийско-китайской тематике, большинство из них ограничиваются рассмотрением отдельных аспектов. Так, в историческом ключе наибольшее внимание уделяется индийско-

китайской войне 1962 г., территориальным спорам, ядерному фактору. Что касается двусторонних связей, то здесь вообще нет работ, которые бы давали целостную картину диалога между Нью-Дели и Пекином, поэтому автору приходилось выстраивать её из целого ряда статей, посвященных более широким или, напротив, слишком узкопрофессиональным темам. Чуть лучше ситуация складывается с региональным измерением индийско-китайских отношений, поскольку именно оно сейчас становится наиболее перспективным в свете последних международно-политических событий, но и в данном случае практически полное отсутствие специалистов по Южной Азии, особенно по малым странам, как в России, так и за рубежом сказывается на ограниченном числе публикаций. Кроме того, большая часть из имеющихся сосредоточены либо на каждой стране в отдельности, либо на американо-китайском противостоянии, где Индия – лишь одно из звеньев, либо на геополитическом соперничестве двух стран в общем. Относительную малочисленность трудов именно по индийско-китайскому диалогу можно объяснить как недостаточным вниманием к индийско-китайским двусторонним отношениям в целом, так и крайней степенью политизированности любых работ на данную тематику. В связи со всем перечисленным диссертационное исследование призвано заполнить лакуну отечественной историографии и создать более или менее целостную картину китайского направления индийской внешней политики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Китайское направление индийской внешней политики начало формироваться в биполярный период, поскольку до получения независимости контакты между Индией и Китаем носили ограниченный характер.

2. В годы Холодной войны страны пережили различные стадии двустороннего взаимодействия – от сближения на фоне паназиатских настроений до войны 1962 г. Поражение в войне стало водоразделом в двустороннем взаимодействии, до сих пор воспринимающимся индийцами как «нож в спину». Именно такой контраст предопределил укоренение фактора недоверия в

индийско-китайском диалоге, усилившегося в связи с развитием сотрудничества КНР с Пакистаном.

3. Двусторонний диалог сопряжён, главным образом, с исторически сложившимся недоверием стран друг к другу, территориальными спорами и региональным соперничеством. На современном этапе к ним добавилась латентная «гонка вооружений» и попытка закрепить свои позиции посредством наращивания военно-политической мощи, в том числе в ядерной сфере. Торгово-экономические связи, оказывая определенное позитивное воздействие на двусторонние отношения, одновременно не соответствуют имеющемуся потенциалу и увеличивают и без того существенный экономический дисбаланс в пользу Китая, что создает негативный образ страны в индийском обществе; а недостаточное внимание контактам по культурной линии и нехватка страноведов препятствуют разрушению мифов и укореняют устоявшиеся восприятия акторами друг друга.

4. Однако на фоне новых геополитических реалий вполне закономерным является постепенное налаживание контактов между Дели и Пекином, которые стали укрепляться благодаря обоюдному участию в различных интеграционных группировках и отстаиванию схожих позиций на формальных и неформальных площадках. Обе стороны ощущают близость мирополитических установок и отмечают сопоставимость их культурно-цивилизационного багажа, насчитывающего тысячелетия и внёсшего огромный вклад в развитие всего человечества. Торговля между Дели и Пекином тоже имеет положительный эффект, так как отвечает запросам развивающихся экономик. Территориальные споры страны по-прежнему стараются решать путём дипломатических переговоров, несмотря на периодическое усиление напряженности на приграничных участках (Доклам 2017, Ладакх 2020).

5. Региональный уровень является и будет продолжать оставаться наиболее конфронтационным, особенно в связи с усилением фактора малых стран, старающихся лавировать между азиатскими гигантами, зачастую, по сути, сталкивая их между собой, при реализации их собственных региональных

стратегий. На этом уровне преломляются и тренды двустороннего уровня, в результате чего формируется противоречивая картина индийско-китайских отношений на современном этапе.

6. С одной стороны, каждая из сторон с недоверием относится к действиям другой в своей сфере влияния. С другой стороны, общие вызовы и угрозы, стоящие как непосредственно перед государствами, так и в целом перед Индо-Тихоокеанским регионом, вынуждают если не сотрудничать напрямую, то хотя бы действовать в одном направлении. Это касается экономического развития региона, борьбы с террористическими угрозами и пиратством, предотвращения изменения климата и ряда других значимых вопросов.

7. В рамках индийско-китайских отношений значимую роль может сыграть и фактор России, которая может выступить некоторым «фасилитатором» их диалога посредством формата Россия-Индия-Китай. В текущих обстоятельствах она могла бы сформулировать своё видение Индо-Тихоокеанского региона и обсудить его в рамках РИК, выработав общий подход к новому геополитическому конструкту. Это позволило бы нашей стране повысить свой международный статус за счёт укрепления своего положения в двух океанах, что особенно важно в условиях конфронтации с Западом и реализации российской стратегии поворота на Восток.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- проведён полноценный анализ динамики развития индийско-китайских отношений с 1950 г. по современность – ранее исследования охватывали меньшие отрезки времени, не давая общую картину их взаимодействия;
- дана характеристика военного потенциала двух стран и их военно-стратегического положения на пограничных участках, что стало возможным благодаря изучению и обобщению результатов целого ряда аналитических докладов и статей, посвященных отдельным направлениям

военно-технического развития каждой из стран и особенностям географических, климатических и иных условий, имеющих важное значение в случае их военного конфликта;

- рассмотрены торгово-экономические связи Индии и Китая, которые получили ограниченное освещение как в отечественной, так и в зарубежной литературе, при этом особый акцент сделан на причины непропорционального сотрудничества между ними, обусловленные преимущественно внутренними дисбалансами индийской экономики, на что экспертное сообщество по-прежнему обращает недостаточное внимание;
- изучены особенности культурно-цивилизационного сотрудничества между азиатскими гигантами, являющегося наиболее недооцененным аспектом индийско-китайского диалога, который по-прежнему находит отражение лишь в немногочисленных научных статьях и монографиях российских и зарубежных авторов;
- обоснована позиция индийского правительства в отношении Китая в Южной Азии с учетом роли малых и средних государств региона в соперничестве между Нью-Дели и Пекином;
- дана характеристика военного потенциала двух стран и их военно-стратегического положения на пограничных участках, что стало возможным благодаря изучению и обобщению результатов целого ряда аналитических докладов и статей, посвященных отдельным направлениям военно-технического развития каждой из стран и особенностям географических, климатических и иных условий, имеющих важное значение в случае их военного конфликта;
- разработан алгоритм рассмотрения российского и индийского подходов к Индо-Тихоокеанскому региону как новому геополитическому конструкту, позволяющая пересмотреть устоявшиеся внешнеполитические стереотипы

и открывающая новые перспективные направления российско-индийско-китайского сотрудничества в Азии;

- сделаны выводы относительно текущего двустороннего и регионального взаимодействия Индии и Китая, а также перспектив их дальнейшего диалога, в том числе с учетом влияния российского фактора.

Степень достоверности и апробация. Достоверность работы обеспечена использованием репрезентативной выборки источников, позволивших аккумулировать значительный объем фактологического материала, а также широкого круга научной литературы, способствовавшего объективации авторского анализа. Результаты, полученные в ходе проведения диссертационного исследования, были апробированы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,

1. входящих в перечень ***ВАК*** Министерства образования и науки Российской Федерации:

- Шавлай Э.П. Экономический вектор в отношениях Дели и Вашингтона: победит ли «химия» «математику»? // Актуальные проблемы Европы, № 1, 2020. – С. 155–181. DOI: 10.31249/ape/2020.01.08.
- Шавлай Э.П., Васильев Д.В. Южно-Китайское море в противостоянии КНР и США в Азии. // Азия и Африка сегодня. №7, 2020. – С. 61–66. DOI: 10.31857/S032150750010107-9.
- Шавлай Э.П. Культурно-цивилизационные связи Индии и Китая в наши дни. // Концепт: философия, религия, культура. – 2021. – № 2. – С. 89–99. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-2-18-89-99

2. индексируемых в международных базах цитирования ***Web of Science/Scopus***:

- Lunev S., Shavlay E. Russia and India in the Indo-Pacific. // Asian Politics & Policy. — 2018 — Volume 10. — Number 4. — P. 713–731.

- Шавлай Э.П. Китайский фактор в индийско-американских отношениях. // Сравнительная политика. — 2020. — Т. 11. №2. — С. 57–67. — DOI: https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10019 (в т. ч. ВАК).
- Шавлай Э.П. Военно-политическое сотрудничество Индии и Китая в тени недоверия. // Восток. Афро-азиатские общества. – 2020. – № 5. – С. 185–195 (в т. ч. ВАК).
- Шавлай Э.П. Индийско-американские отношения в Южной Азии – из прошлого в будущее. // ЭНОЖ «История» – 2020. – Том 11. – Выпуск 12 (98). Часть II. DOI: 10.18254/S207987840009475-1 (в т. ч. ВАК).
- Шавлай Э.П. История индийско–китайских отношений 1950–1991 гг. // Восток (Oriens). – 2021. – № 3. – С. 168–180. DOI: 10.31857/S086919080015077-1 (в т. ч. ВАК).
- Shavlay E.P. India’s and Russia’s Approaches to the Indo- Pacific—Marrying the Two. // Russia in Global Affairs – Vol. 19, No. 1 (January – March), 2021. – P. 98–116.

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ИНДИЙСКО-КИТАЙСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ В БИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

Отношения Индии и Китая трудно назвать простыми. Два азиатских гиганта, несмотря на географическую близость, прошли через очень разные этапы исторического становления, заложившие особенности их политического устройства, стратегической культуры, экономической системы и социальной иерархии. И хотя, безусловно, есть и общие черты, позволяющие сопоставлять эти два государства, такие как древность и мощь цивилизации или положение в экономической мир-системе, всё же два государства разительно отличаются друг от друга. Среди прочего, это обусловлено тем фактом, что в историческом срезе контакты между двумя государствами характеризовались низкой интенсивностью вплоть до середины XX века, соответственно и взаимовлияние было крайне ограниченным, тем более что Китай и Индия представляют собой абсолютно разные цивилизации (соответственно эгалитаризм и элитарность, коллективизм и «срединный» путь и пр.)[70]. Стоит добавить, что и о государственности Индии и Китая в её современном понимании можно говорить лишь с конца 1940-х гг. прошлого столетия, когда они обрели реальный суверенитет и стали независимыми субъектами международного права.

Официальная история взаимодействия Дели и Пекина началась в 1950 г., когда страны установили дипломатические отношения. Однако ещё несколько ранее, в 1949 г., Индия стала одним из первых несоциалистических государств, признавших Китайскую Народную Республику (КНР) суверенным государством, имевшим единоличное право на представление Китая в Организации Объединённых Наций (ООН)[71]. До этого и вплоть до 1971 г. его место занимала поддерживаемая США Китайская республика (более известная как Тайвань), во

[70] Лунев С.И., Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ воздействия цивилизационных особенностей сверхкрупных стран на социально-политическое и экономическое развитие. // Сравнительная политика. – 2016 – № 3. С. 85-106. – URL: http://www.comparativepolitics.org/jour/article/view/484/446

[71] India-China Bilateral Relations, p.1. // Ministry of External Affairs, Government of India – 09.2019 – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf

главе которой стоял Гоминьдан, проигравшая сторона в Гражданской войне в Китае, чье руководство было вынуждено эмигрировать на остров Формоза[72]. Именно этим фактором продиктована нижняя граница рассматриваемого периода – 1950 г., в то время как верхняя граница обозначает условное окончание прежнего миропорядка, повлекшего за собой и начало новой «эры» индийско-китайского сотрудничества, которую с уверенностью можно обозначить как современный этап двустороннего взаимодействия, продолжающегося по сей день.

Критерием выделения периодов стала политическая подсистема отношений, так как она является определяющей для всех остальных видов сотрудничества между Дели и Пекином – именно смена политического курса становилась причиной изменения «сезона». В целом же, учитывая историческую преемственность внешнеполитического курса обеих стран, период 1950-1991 гг. представляет собой весьма ценный материал для анализа последующего развития двустороннего трека взаимодействия Дели и Пекина.

1.1. «Индийцы и китайцы братья навек» (1949–1959 гг.)

Главным архитектором китайского направления индийской внешней политики закономерно считается первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Индийский лидер был убеждённым сторонником паназиатизма, который он понимал как единую судьбу азиатских народов, призванных отстаивать свою независимость и своё понимание глобального мироустройства, отличного от империалистских держав[73]. По его мнению, именно Индия и Китай – как древнейшие цивилизации – должны были стать, своего рода, «столпами» азиатского мира, которые будут вести остальные деколонизировавшиеся государства за собой в светлое будущее[74]. В этой связи вполне закономерно, что

[72] Struggle to restore China's lawful seat in the United Nations. // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18013.shtml
[73] Deshingkar G. India-China Relations: The Nehru Years, p. 89. // China Report, 27(2) – 1999. – P. 85–100.
[74] Janardansahu, Kumar A. India's China policy under Manmohan Singh, p. 407. // G. J. Reddy. Dynamics of India and China Relations: Implications for New World Order, Centre for Southeast Asian and Pacific Studies, 2016. – 469 P.

Индия стала одним из первых некоммунистических государств, которые признали Китайскую Народную Республику (о чём было объявлено 30 декабря 1949 г.[75]), и установила с ней дипломатические отношения 1 апреля 1950 г.[76] Добавим, что даже после визита в Вашингтон осенью 1949 г. Дж. Неру не изменил решения о признании КНР, хотя это было условием американского истеблишмента для предоставления помощи, в которой индийцы крайне нуждались[77].

В начале 1950-х гг. стали развиваться торгово-экономические связи между Индией и Китаем[78]. Основу торговли составляли товары сельского хозяйства: рис, соевые бобы, шелк-сырец с китайской стороны и соответственно джутовые мешки, табак, шеллак, черный перец – с индийской[79]. Развивались также научные, культурные, спортивные и образовательные связи двух государств. Так, в 1951 г. Индия стала первым несоциалистическим государством, принимавшим у себя делегацию представителей Китайской академии наук, что положило начало дальнейшему расширению научного сотрудничества[80]. В Индии проходили различные художественные выставки и фестивали, где показывались китайские фильмы, среди которых можно выделить «Седая девушка» (Bai mao nu), «Стальные воины» (Gangtie zhanshi) и «Безграничный свет» (Guangmang wanzhang); а в КНР были продемонстрированы индийские кинокартины «Два бигха земли» (Do Bigha Zamin), «Сезон дождей» (Barsaat) и «Бродяга» (Awaara)[81]. Организовывались поездки индийских и китайских спортивных команд, поощрялись студенческие обмены, проводилось языковое обучение[82].

Вместе с тем 1950–1951 годы внесли некоторые сложности в отношения двух государств в связи с тибетским вопросом, которые, однако, вскоре были несколько нивелированы. Ещё с момента появления на политической карте мира в

---

[75] Капица М.С. КНР: три десятилетия — три политики, с. 43. // М.: Политиздат, 1979. – 576 с.
[76] India-China Bilateral Relations, p.1. // Ministry of External Affairs, Government of India – 09.2019. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf
[77] Лунев С.И. Индия и США. Межгосударственные отношения, с. 16-17. М.: «Наука», 1987.
[78] Кузнецов В.С. Китайско-индийские торгово-экономические отношения в середине XX века, с. 100-101. // Вестник НГУ, Том II., Вып. 10, 2012 – С. 100–105.
[79] Там же, с. 102-103.
[80] Ghosh A. Before 1962: The Case for 1950s China-India History, p. 15. // The Journal of Asian Studies, 76(03), 2017. – P. 697–727.
[81] Ibid., pp. 2, 14.
[82] Ibid., p. 13.

качестве независимого государства Китайская Народная Республика стала продвигаться вглубь Тибета с целью её «освобождения»[83]. На деле же Китай планировал подчинить себе территории, которые он рассматривал как «утраченные» в XIX веке (что объяснялось империалистским гнётом со стороны колониальных держав), или по крайней мере установить особые отношения с государствами, частью которых эти территории стали[84]. Развитие событий в Тибете вызывало беспокойство в индийских политических кругах, которые и ранее отмечали угрозу, надвигавшуюся со стороны усиливавшегося северного соседа, а после введения войск и вовсе стали бить тревогу относительно последствий тибетского сценария для Индии – среди ключевых оппонентов курса Неру на сближение с Китаем был Валлабхаи Патель[85], который неоднократно рекомендовал премьер-министру пересмотреть свои взгляды, подчеркивая, что успешность реализации китайских геополитических планов приведёт к плачевным последствиям для индийской стороны в будущем[86]. Опасения были вызваны и чисто геополитическими соображениями – теперь Индия и Китай граничили без буферного государства, напрямую, а граница стала протяжённостью четыре тысячи километров. Однако индийский лидер стремился выстраивать долгосрочную стратегию и искренне верил в губительность, а потому и немыслимость столкновения двух азиатских гигантов, а потому продолжал налаживать добрососедские отношения с КНР, не придавая большого значения «первым звоночкам» будущего серьёзного конфликта, вместо этого готовясь к более реальной, по его мнению, войне с Пакистаном[87]. Урегулирование тибето-китайских отношений посредством «Соглашения из 17 пунктов» 1951 г., в котором Китай обещал не только предоставить Тибету статус автономии, но и всячески способствовать развитию нового района, было оптимистично

[83] Терехов В. Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние, с. 61. // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 57–76.
[84] Капица М.С. КНР: три десятилетия — три политики, с. 44. // М.: Политиздат, 1979. – 576 с.
[85] Известный как «сардар», «железный человек» Индии, в честь которого в 2018 г. в индийском штате Гуджарат была построена самая высокая в мире статуя (240 м).
[86] Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке, с. 866. // М.: Институт экономических стратегий, 2009. – 1224 с.
[87] Там же, с. 867.

воспринято в Индии, которая надеялась на выполнение КНР своих обязательств перед тибетским народом[88].

1954 год и вовсе запомнился некоторым «повтором» Индии в сторону коммунистических стран. Кульминацией индийско-китайского диалога стало заключение 29 апреля ***Соглашения о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией***, в преамбуле которого были закреплены пять принципов мирного существования, именуемые «панча шила»: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное существование – и именно с его подписанием стали звучать лозунги о китайско-индийском «братстве» («хинди-чини бхай-бхай»)[89]. Это соглашение обозначило явное желание азиатских лидеров играть по «азиатским правилам», а не заимствовать идеи с Запада, принципы были позже закреплены и дополнены на Бандунгской конференции 1955 г. и стали, своего рода, путеводными для «движения неприсоединения» на долгие годы[90]. С другой стороны, немаловажно отметить, что Индии отказалась от особых привилегий на Тибет[91] и де-факто признала его включение в состав КНР, но не выдвинула на повестку дня вопрос о признании китайской стороной линии Мак-Магона, что даст о себе знать уже через несколько лет, при чем в негативную для индийского государства сторону –

---

[88] Капица М.С. КНР: три десятилетия — три политики, с. 44. // М.: Политиздат, 1979. – 576 с.

[89] Agreement on Trade and Intercourse with Tibet Region of April 29, 1954. // Ministry of External Affairs, Government of India – 09.2019. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7807/Agreement+on+Trade+and+Intercourse+with+Tibet+Region

[90] Лунев С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. // Портал Перспективы – 04.2010 – URL: http://www.perspektivy.info/book/vneshnaja_politika_indii_i_vozdejstvije_na_neje_vnutrennih_faktorov_2010-04-21.htm

[91] Имеются в виду привилегии, которые индийцы получили в наследство от британцев, полученные ими по Лхасской конвенции 1904 г. В частности, речь идёт о невозможности тибетского правительства принимать внешнеполитические решения относительно занятия тибетской территории каким бы то ни было государством, вмешательства иностранных держав в тибетские дела и предоставления каких-либо привилегий или концессий другим странам без согласия британского правительства. После ухода Британской Империи, Индия считалась правопреемницей договора, так как, по сути, именно Британская Индия была стороной-подписантом соглашения. Важное замечание: центральное правительство Китая тогда не признало договоренности, как и последующие правительство, которые никогда не соглашались с британо-тибетскими соглашениями.

в 1959 г. в Тибете вспыхнет восстание, которое приведёт к обострению споров Дели и Пекина о границе в Гималаях[92].

В июне 1954 г. китайский премьер-министр Чжоу Эньлай совершает официальный визит в Нью-Дели, в ходе которого стороны обмениваются мнениями относительно событий, происходивших в то время вокруг Индокитая, и приходят к единому заключению о том, что необходимо превратить Юго-Восточную Азию в «зону мира», в которой определяющую роль будут играть Индия и Китай, собственным примером показывающие преимущества принципов «панча шила»[93]. По словам премьера Государственного административного совета и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая, таким образом два государства «смогут пресечь попытки Соединённых Штатов организовать военные блоки в этом регионе»[94]. В свою очередь, Джавахарлал Неру отметил, что несмотря на то, что и у Индии, и у Китая «свое особенное культурное наследие», и что «во многом они разные», они «были и остаются хорошими соседями и друзьями», которые «не вступали друг с другом в конфликт на протяжении двухтысячелетней истории»[95].

В октябре того же года Джавахарлал Неру наносит ответный визит в Китай, где он поднял вопрос об изменении китайских карт, отмечавших регион Ладакх на севере Кашмира как часть КНР. Однако Чжоу Эньлай поспешил успокоить индийского лидера, заявив, что это временное недоразумение будет исправлено в новых изданиях карт[96]. К сожалению, Джавахарлал Неру отказался включать этот вопрос в совместное коммюнике, так как считал, что нет никакого

---

[92] Gupta K. Sino-Indian Agreement on Tibetan Trade and Intercourse: Its Origin and Significance, p. 701. // Economic and Political Weekly – Vol. 13, № 16 (Apr. 22, 1978). – P. 696–702.

[93] Conversation with Chou En-lai (II), p. 12 // Second session, New Delhi, 10 pm to midnight, 25 June 1954. V.K. Krishna Menon Papers, NMML. Extract. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2017/01/195406VisitZhouinDelhi.pdf

[94] Ibid.

[95] Sino-Indian Cooperation for World Peace, p. 33. // Speech at a State Banquet given in honour of Chou En-lai. New Delhi, 26 June 1954. From Press Information Bureau. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2017/01/195406VisitZhouinDelhi.pdf

[96] Nehru J. 'Note on Visit to China and Indo-China', November 14, 1954, p. 4. // History and Public Policy Program Digital Archive, National Archives Department of Myanmar, Ascension Number 203, Series 12/3, “Letter from Jawaharlal Nehru to U Nu, relating to Note on Visit to China and Indo-China (16.11.54)” – Digital Archive: International History Declassified, Wilson Center – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121651.pdf?v=d7e143cb60346614a337c648500cf3a7

территориального вопроса и всё давно определено – это позднее приведет к территориальному конфликту с Китаем[97].

В июне 1955 г. Неру совершает визит в Советский Союз и становится первым некоммунистическим лидером, выступившим с речью перед советскими гражданами по телевидению[98]. Москва подчеркивала свое уважение к «самостоятельной внешней политике Индии, направленной на укрепление национальной независимости и сохранение мира» и даже высказывала идею о включении Индии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН[99]. Последнее, однако, было отклонено Неру, так как подобное действие могло бы вызвать негативную реакцию со стороны международного сообщества[100]. В том же году, но уже в ноябре-декабре, Н. Хрущев вместе с Н. Булганиным наносят ответный визит в Индию. Индийцы радушно принимали советскую делегацию, особенно после того, как Хрущев перестал придерживаться прежнего нейтралитета в вопросе о Кашмире и выразил открытую поддержку Индии в этом деле, а также в принадлежности ей Гоа[101]. Советский Союз также предложил экономическую помощь Индии, которой была нужна поддержка в реализации пятилетнего плана 1956-1961 гг.[102].

Таким образом, руководство южноазиатской страны стало воспринимать социалистические страны в позитивном ключе. Между тем и СССР давал явный сигнал китайскому руководству о необходимости выстраивания сотрудничества с индийцами, хотя позже – на фоне всё больших расхождений между ЦК КПСС и КПК после XX съезда и развенчания культа личности – поддержка Советским Союзом Индии как одного из лидеров национально-освободительного движения (как это трактовалось в марксистско-ленинской теории) окажет обратный эффект.

---

[97] Ibid., pp. 5-8.
[98] Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991, p. 118. // Washington, DC: National Defense University Press, 1993. – 526 p.
[99] Иванов И.С. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802—2002: В 3 т. Т. 2., с. 379.
[100] Там же.
[101] Пресс-конференция Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Дели. // Красное знамя № 246 (9842), с. 3. – 16.12.1955 – URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000024359/1955/1955_246.pdf
[102] Совместное советско-индийское экономическое коммюнике. // Красное знамя № 246 (9842), с. 1. – 16.12.1955 – URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000024359/1955/1955_246.pdf

Стремление Дж. Неру к проявлению азиатской солидарности побуждало его к всяческой поддержке Пекина и налаживанию тесного взаимодействия с ним не только на двустороннем треке, но и в общемировом масштабе. Так, индийский премьер-министр был убежден в том, что Индия, впитавшая в себя элементы восточной и западной культуры, должна стать «мостом», соединяющим Восток и Запад, а потому вполне логичной реализацией этой идеи стала её посредническая деятельность на международной арене.

Наиболее ярким примером проявления этого подхода является участие индийской стороны в качестве медиатора в переговорном процессе между Вашингтоном и Пекином. Прежде всего, отметим, что Дели, несмотря на изначальное отправление военнослужащих (нонкомбатантов) в американскую армию, в конечном счете не поддержал позицию США по Корейской войне: президент Г. Трумэн считал её продолжением политики Китая в отношении Формозы (Тайваня), в то время как Индия выступала за разделение двух конфликтов и поддерживала включение Тайваня в состав КНР[103]. Более того, по мнению Дж. Неру, именно политика США, а не Китая, грозила усугублением ситуации вокруг корейского полуострова и превращением ее в войну за интересы Запада[104]. Индия отказалась обвинять Китай в агрессивном поведении, в том числе и при голосовании по соответствующей резолюции в ООН (только Индия и Бирма/Мьянма поддержали тогда коммунистический Пекин), несмотря на давление со стороны Вашингтона[105]. Тем не менее китайцы использовали индийцев исключительно как «обходной» канал взаимодействия с США, так как основной – через СССР – напрямую зависел от состояния советско-американских отношений. При этом они рассчитывали на Индию только до того момента, пока её посреднические услуги позволяли китайскому руководству доносить свою позицию до американцев, и когда индийские действия перестали «приносить

[103] Whiting A.S. China Crosses the Yalu: The Decision to Enter the Korean War, p. 60. // Stanford: Stanford University Press, 1990. – 225 p.
[104] Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991, p. 73. // Washington, DC: National Defense University Press, 1993. – 526 P.
[105] Ibidem, p. 75.

пользу», китайцы стали усматривать в Индии расположение к американцам, ведь Дж. Неру в глазах маоистов был «буржуазным лидером»[106].

Следующим шагом навстречу Китаю на глобальном уровне стало бойкотирование Индией Сан-Францисской мирной конференции в 1951 г. Этому было несколько причин, среди которых следует выделить отсутствие КНР в списке «приглашённых», но главным образом тот факт, что текст мирного договора не предполагал возвращение Тайваня (Формозы) в состав Китая и недостаточно явно указывал на передачу Курильских островов и южного Сахалина – СССР, что Индия считала несправедливым и недопустимым[107]. Американцы заявили, что позиция индийского премьера вызвала «б***о***льшее разочарование… чем решение России принять участие[108]» в конференции, и подчеркнули, что положительный образ Джавахарлала Неру в их глазах стремительно развенчивается[109]. И всё же Индия не изменила своего решения даже в условиях зависимости от экономической помощи, предоставляемой Соединенными Штатами, особенно в связи с неурожайными годами и последующим голодом (в рамках плана Маршалла за 1947–1953 гг. индийцы получили 248,7 млн долл. США)[110], и сильнейшего давления со стороны стран Запада.

Ещё одной иллюстрацией индийского стремления выступить в роли медиатора и оказать поддержку дружественному китайском народу можно считать Бандунгскую конференцию 1955 г. Этот форум прошел 18–24 апреля в Индонезии; участие в нем приняли двадцать девять стран Азии и Африки[111]. Джавахарлал Неру старался способствовать выходу КНР из международной

---

[106] Deshingkar G. India-China Relations: The Nehru Years, p. 90. // China Report, 27(2) – 1999. – P. 85–100.
[107] Relations of the United States: Diplomatic Papers, p. 1306. // U.S. Government Printing Office, Vol. VI ‘Asia and the Pacific’ (in two parts), 1951. – 1478 P.
[108] Поскольку СССР отказался подписывать договор, то в итоге советское участие было воспринято американцами негативно.
[109] Judd W.H. Pacific Pacts Tied to Japan Treaty Are United States Reply to Soviet: Extension of Remarks, p. A5611. // Congressional Record: Proceedings and Debates of the 82nd Congress – U.S. Government Printing Office, 1951, Vol. 97. – P. A4317 – A5638.
[110] Sultana S., Alqama S.K., Farooq M. U.S. Economics Assistance to India & Pakistan: A Comparative Study, p. 26. // Pakistan Journal of Social Sciences, Vol. 33, № 1., 2013, P. 25–35.
[111] BANDUNG CONFERENCE, 1955. // Digital Archive: International History Declassified, Wilson Center – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/16/bandung-conference-1955

изоляции – именно индийская сторона обеспечила присутствие китайских представителей на конференции и представила их остальным участникам из стран Азии и Африки[112]. Между тем китайское руководство лишь воспользовалось расположением Индии, отстоявшей участие КНР, несмотря на возражения со стороны других участников Афро-азиатской конференции[113]. Так, харизматичный премьер-министр Чжоу Эньлай выступил с идеями о том, что «как бы ни отличались конкретные условия в каждой из наших стран, большинству из нас одинаково необходимо преодолеть состояние отсталости, вызванное господством колониализма» (ранее первоочередной задачей было поставить все страны на путь построения коммунизма, а уже потом обсуждать остальные вопросы)[114]. По его мнению, хотя государства Азии и Африки следуют разным политическим курсам, это «не должно влиять на достижение общих желаний» – «защищать мир во всем мире, завоевывать и сохранять национальную независимость и, соответственно, содействовать дружественному сотрудничеству между народами»[115]. При этом он вторил Дж. Неру, утверждая, что этого можно достичь посредством следования пяти принципам мирного сосуществования, изложенным в преамбуле индийско-китайского договора о Тибете[116]. Заявление о миролюбивом внешнеполитическом курсе было продуманной тактикой китайских политиков и сразу же дал свои плоды – Пакистан, изначально выразивший сомнение относительно целесообразности присутствия китайской делегации на конференции, сделал первый шаг навстречу северному соседу (в ходе встречи с Чжоу Эньлаем премьер-министр Пакистана М.А. Богра заверил, что Пакистан никогда не будет угрожать соседу, несмотря на участие в военных блоках, созданных США),

---

[112] Xiaowen H. The 1950s in China–India relations, p. 93. // Bajpai K., Ho S., Miller M.C. Routledge Handbook of China-India Relations, 1st Edition, London: Routledge, 2020 – 634 p.
[113] Ampiah K. The Political and Moral Imperatives of the Bandung Conference of 1955: The Reactions of the US, UK and Japan, p. 32. / Global Oriental, 2007. – 264 p.
[114] MAIN SPEECH BY PREMIER CHOU EN-LAI [Zhou Enlai], HEAD OF THE DELEGATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA, DISTRIBUTED AT THE PLENARY SESSION OF THE ASIAN-AFRICAN CONFERENCE. // Digital Archive: International History Declassified, Wilson Center – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121623.pdf?v=e1cd06384e2e67bdff11f809ead78849
[115] Ibid.
[116] Fang T. The Past, Prospects and Problems of Forming the ‘Chindia’ Alliance, p. 77. // Naidu G.V.C., Chen M., Narayanan R. India and China in the Emerging Dynamics of East Asia. Springer, 2014. – 178 P.

который через полвека привел к «всепогодной дружбе» между ними[117]. Но главная задача, стоявшая перед КНР в то время, состояла в том, чтобы заявить о своей роли в Азии и в мире, сплотив вокруг себя государства Третьего мира. На этом фоне китайское руководство меняет свою внешнеполитическую стратегию и проводить курс на сближение с Индией, считая себя достаточно сильным актором на международной арене, который не нуждается в чьей-либо посреднической деятельности[118].

Бандунгская конференция считается пиком индийско-китайской дружбы, основанной на борьбе с колониализмом и империализмом и закрепленной в принципах мирного сосуществования[119]. После 1955 г. сотрудничество продолжалось скорее инерционно, при этом всё больше усиливалось напряжение в связи с начавшимся расколом социалистического лагеря по линии СССР – КНР и большей степенью конфликтности Китая с соседними государствами по территориальным вопросам. Прагматизм Китая, почувствовавшего готовность к укреплению своих позиций в мире и отстаивать собственную линию, независимую ни от «ревизионистского» Советского Союза, ни от «империалистических» Соединенных Штатов, нашел отражение и в смене политического курса: период «склонения в одну сторону» (1949-1956 гг.) трансформировался в «удар двумя кулаками» (1956-1966 гг.)[120]. Это имело самые негативные последствия для Нью-Дели, наиболее ярко проявившиеся с 1959 по 1962 гг. – период, именуемый автором «осенью» индийско-китайских отношений.

---

[117] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век, с. 119–121. // М: Институт Востоковедения РАН, 2008. – 576 с.
[118] Frankel F. When Nehru Looked East: Origins of India-US Suspicion and India-China Rivalry, p. 225. // Oxford University Press, 2019. – 384 p.
[119] Bordone S. The Relations Between China and India from Bandung to the “New Silk Road”, p. 30. // ed. Beretta S., Berkofsky A., Zhang L. Understanding China Today: An Exploration of Politics, Economics, Society, and International Relations. Springer, 2017. – 357 p.
[120] Виноградов А. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949 – 1976 гг. // Перспективы – 08.2016. – URL: http://www.perspektivy.info/history/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949__1976_gg_2016-08-15.htm

1.2. «Тибетская трагедия» и пограничные споры (1959–1962 гг.)

Начало периода очень условно датируется 1959 г., поскольку первые разногласия относительно демаркации границы возникали и несколько раньше, однако именно тибетские события радикально изменили характер двустороннего диалога между Дели и Пекином, так как противоречия перешли из латентной формы в открытую.

Как отмечалось ранее, со второй половины 1950-х гг. происходит изменение внешнеполитической концепции КНР, расширился и инструментарий. Советский китаист Е.Д. Степанов очень метко охарактеризовал китайскую стратегию как «ползучую агрессию», осуществляемую посредством заселения китайцами малонаселенных окраин соседних государств с последующим включением соответствующих территорий в состав Китая и обозначением таковых на издаваемых картах[121]. Этот традиционный метод «вгрызания», получивший название «цаньши», или «постепенное поедание земель соседей подобно тому, как шелковичный червь поедает листья», был последовательно применен в отношении всех приграничных государств, а также в акваториях Южно-Китайского моря[122]. Поскольку для подтверждения своих территориальных претензий китайцы выпускали соответствующие карты, то эти акты также именуются «картографической агрессией», широко практиковавшейся ещё гоминдановским режимом с середины 1920-х гг.[123]

С присоединением Тибета в 1951 г. КНР начинает наращивать своё присутствие в регионе и строить инфраструктуру, связывающую его с остальным Китаем. Между тем китайцы не ограничились приобретенными территориями – в 1951–1957 гг. они проложили стратегически значимую дорогу между Синьцзяном и Тибетом, которая прошла через спорный район Аксай Чина, который Индия

---

[121] Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949–1984 гг.), с. 113-114. // М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1986. – 348 с.
[122] Там же.
[123] Там же, с. 109.

считала и продолжает считать своим[124]. Индийцы не сразу обнаружили занятие этой высокогорной области по объективным причинам – ввиду её труднодоступности и соответственно непригодности для проживания, там лишь изредка появлялись военные патрули; а кроме того, как пишет Дж. Неру в своём письме премьер-министру КНР от 16 ноября 1959 г., индийцы и «не ожидали какой-либо агрессии в приграничных районах» и «не считали необходимым устанавливать контрольно-пропускные пункты прямо на международной границе»[125]. Китайское же руководство держало реализацию своих проектов в тайне до тех пор, пока не появлялось достаточных, по их мнению, оснований для аргументирования своих территориальных притязаний. Однако некоторых «утечек» всё же не удавалось избежать, в связи с чем индийское посольство регулярно направляло ноты китайскому правительству, впрочем, все они заканчивались ничем.

Переломным же моментом стало восстание в Тибете в марте 1959 г., когда местное население, недовольное политикой КПК, которая противоречила соглашению 1951 г., выступило против коммунистического режима, который жестоко подавил мятеж, однако до начала карательной операции со стороны центрального правительства Китая последовало бегство Далай-ламы в Индию[126]. Не вдаваясь в подробности причинно-следственных связей тибетских событий 1959 г., отметим, что именно они стали той «точкой невозврата», обнажившей существовавшие противоречия между Пекином и Дели как в территориальном, так и в идеологическом поле, после которой индийско-китайские отношения так и не смогли оправиться.

Бегство тибетского религиозного лидера с семью тысячами последователей в соседнее государство и принятие его индийцами было воспринято в КНР как

---

[124] 新藏公路.Синьцзан гунлу [Синьцзян-Тибетское шоссе]. // Baidu – URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%96%B0%E8%97%8F%E5%85%AC%E8%B7%AF

[125] Letter from the Prime Minister of India to the Prime Minister of China, 16 November 1959, p. 74. // Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 3 (November 1959 – March 1960) – 12.2016. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper3NEW.pdf

[126] Jian C. The Tibetan Rebellion of 1959 and China's Changing Relations with India and the Soviet Union, p. 54. // Journal of Cold War Studies – Vol. 8, Issue 3, Summer 2006. – P. 54-101 – URL: https://sites.fas.harvard.edu/~hpcws/jcws.2006.8.3.pdf

предательство принципов мирного сосуществования, и Мао Цзэдун перешёл в активное сопротивление «антикитайским действиям Индии» и выразил уверенность в необходимости «резко критиковать Неру», «не боясь привести его в раздражение или спровоцировать разрыв с ним»[127]. КНР обвинила Индию во вмешательстве во внутренние дела Китая и в подготовке тибетских повстанцев наряду с ЦРУ США.

Индийский премьер-министр, со своей стороны, хотя и испытывал глубочайшую симпатию к тибетцам в их стремлении отстоять своё право на религиозные убеждения и сохранение устоев традиционного тибетского общества и считал настоящей трагедией то, что происходило в Тибете, всё же считал нужным воздерживаться от критики северного соседа (в чём он пытался убедить не только политическую элиту, но и средства массовой информации) и сохранять с ним дружеские отношения[128].

Однако расхождения двух стран по территориальному вопросу неминуемо толкали их к конфликту, суть которого заключалась в разной трактовке британской ноты 1899 г. относительно пограничной линии Индии и Китая[129]. КНР, как уже было отмечено выше, не предъявлял никаких претензий на территории Кашмира и даже (хотя бы на словах) был готов переиздать карты с указанием спорных территорий как индийских, однако с 1959 г. Китай взял жёсткую линию на отстаивание своих прав на Аксай Чин, а Индия не соглашалась с таким положением дел[130]. Индийская сторона считала и продолжает считать границей так называемую линию Мак-Магона, которая, в том числе, подразумевала включение Аксай Чина в состав индийского государства[131]. Более того, она отказывалась ставить этот вопрос на повестку дня, каждый раз повторяя о том, что этот «вопрос давно решён», подразумевая, прежде всего, Симлское

---

[127] Ibid., p. 87.
[128] 27 April 1959. Lok Sabha Debates. Second Series, Vol. XXX, cols 13493-13503. // Selected Works of Jawaharlal Nehru, Series II, Vol. 48. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/SW-Vol-48.pdf
[129] Юрлов Ф.Н. От Восхода до Заката: Династия Неру-Ганди. Книга первая. Мотилал и Джавахарлал Неру, с. 416. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – 520 с.
[130] Там же.
[131] Das S. The Sino-Indian Border Dispute: What Role for The European Union? URL: http://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/02/EIAS_Briefing_Paper_2014-2_Das.pdf

соглашение 1914 г., которое КНР отказывается признавать как одно из проявлений «колониализма», которое китайское руководство считает неправомерным и требующим пересмотра[132].

В целом, индийская позиция была выражена Дж. Неру в его письме Чжоу Эньлаю от 14 декабря 1958 г. словами «пограничные вопросы не поднимались, и у нас сложилось впечатление, что между нашими странами не было пограничных споров…», и что «китайско-индийское соглашение, которое было успешно заключено в 1954 г., решило все нерешенные проблемы между нашими двумя странами»[133]. Ответом на это письмо 23 января 1959 г. китайский премьер впервые открыто выразил мнение КНР по территориальной проблеме, заявив, что китайское правительство никогда не признавало линию Мак-Магона[134] как наследие «агрессивной политики Британии по отношению к Тибету»[135]. Тибетские события способствовали активизации переписки между Джавахарлалом Неру и Чжоу Эньлаем, которая стала придавать всё более отчётливые очертания подходам двух стран к территориальной проблеме. 22 марта 1959 г. премьер-министр Индии намного конкретнее обозначил географические (рельеф, водоразделы), картографические (множественные издания индийских карт и некоторые китайские карты с соответствующим обозначением границ) и юридические аргументы (в том числе правовые обычаи), на которых базируется индийское видение индийско-китайской границы[136]. Он

---

[132] Терехов В. Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние. – С. 58. // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9).

[133] To Chou En-lai. December 14, 1958, p. 8. // SELECTED WORKS OF JAWAHARLAL NEHRU, Vol. 45, Series II. – 12.2016. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/SW45.pdf

[134] Линия Мак-Магона была проведена на карте секретарем по иностранным делам Британской Индии Генри Мак-Магоном и была зафиксирована в Симлской конвенции 1914 г., подписанной представителями британского правительства Индии и Тибетом. Китайцы же с самого начала отказывались признать эту границу, аргументируя это вассальным статусом Тибета по отношению к Китаю и соответственно отсутствием у тибетцев права подписывать подобные документы без санкции центрального китайского правительства [подробнее см. Шаумян Т.Л. Противостояние в Гималаях: территориальные проблемы в исторической перспективе, с. 292–295. // Труды Института востоковедения РАН, № 12, 2018. – С. 287–306.].

[135] Letter from the Prime Minister of China to the Prime Minister of India, 23 January 1959. // Wilson Center: Digital Archive, International History Declassified – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/175951.pdf?v=c7406f575e54d87dec8e6c4d0b95306a

[136] Letter to the Prime Minister and Foreign Minister of People's Republic of China. // Reproduced from Government of India, Ministry of External Affairs, Notes, Memoranda and Letters Exchanged and Agreements Signed Between the Governments of India and China, 1954-1959. White Paper (n.p., n.d.) [New Delhi, 1959]. – P. 55–57. – Selected Works of Jawaharlal Nehru Vol. 47, Series II (March 1-31, 1959). – URL: http://www.archieve.claudearpi.net/maintenance/uploaded_pics/SW47.pdf

напомнил премьер-министру КНР о том, что отдельные участки границы зафиксированы в соответствующих соглашения: Англо-китайская конвенция 1890 г.; договор 1842 г. между Кашмиром, китайским императором и Далай-ламой; Симлское соглашение 1914 г.[137] Остальное индийский лидер считал возможным урегулировать путём переговоров с учётом документальных подтверждений, предоставленных индийской стороной[138]. Но лишь ответное письмо Чжоу Эньлая от 8 сентября 1959 г., на которое, ввиду необходимости глубокого анализа сложившейся ситуации, по его собственному признанию, ему пришлось затратить много времени, наконец раскрыло фундаментальные различия в подходах двух стран к территориальному вопросу. В нем глава Госсовета КНР изложил ключевое условие для того, чтобы признать имеющиеся соглашения – они должны быть признаны центральным китайским правительством, а поскольку названные индийским премьером документы не отвечают этому условию, то их нельзя считать веским основанием для демаркации границы[139].

Иными словами, индийская позиция заключалась в том, что как «правопреемники» Британской Индии они на законных основаниях владеют территориями, закрепленными несколькими соглашениями ещё при британцах[140]. Китай же последовательно придерживался непризнания этих соглашений, так как ни одно из них не было ратифицировано китайским центральным правительством и было навязано Британской империей двум странам, тогда не имевшим полной независимости. Однако китайская трактовка аргументируется и тем, что Тибет, выступавший одной из сторон-подписантов, не был независимым государством и находился под вассалитетом Китая, а значит его действия нельзя считать законными[141]. При этом китайский представитель не был допущен до тайных

---

[137] Ibid.
[138] Ibid.
[139] Premier Chou En-lai's Letter to Prime Minister Nehru. (September 8, 1959). // Wilson Center: Digital Archive, International History Declassified. – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/175958.pdf?v=bfc618a2773b51fbbe159096697b640a
[140] Mishra K. Rapprochement Across the Himalayas: Emerging India-China Relations in Post Cold War Period (1947-2003), p. 12. Kalpaz Publications, 2004.
[141] Mingxing F. Qingmo minchu zhongying (yin) guanxi zhong de xizang wenti – Qingmo minchu zhongguo zhengfu weihu xizang zhuquan de nuli. // Chengdu: Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 4. 2011. – P. 9099. [Фань Минсин.

переговоров об индийско-тибетской границе[142]. Сама же линия Мак-Магона, даже если допустить её легитимность, вызывала определенные возражения китайской стороны, поскольку, во-первых, она имела большее отношение к китайско-тибетской[143], а не китайско-индийской границе, а во-вторых, носила изначально спорный характер (было выпущено несколько карт, отмечавших различное прохождение границы)[144]. В общем-то ряд этих противоречий высказывался уже упоминавшимся нами В. Пателем, но вплоть до конца 1950-х гг. индийское руководство не считало нужным их обсуждать – в результате каждая из сторон считала свои доводы единственно верными, свои действия – легитимными, а их принятие противоположной стороной как само собой разумеющееся. В этой связи никто не видел необходимости в озвучивании своей позиции до того момента, пока противоречия не стали явными, а государства не оказались вынужденными наконец открыто заявить о своих территориальных претензиях.

Ситуация на границе стала всё более усложняться. Постоянно ухудшались условия торговли в Тибете для индийских предпринимателей: значительно увеличился поток китайских товаров в Индию, в то время как индийцы сталкивались с убытками, тибетская серебряная валюта была заменена китайскими бумажными деньгами[145], а обсуждения проблем не давали никаких результатов[146]. При этом китайские действия лишь усугубляли и без того проблемное состояние индийско-китайских отношений – препятствуя нормальному функционированию индийских консульств и торговых представительств, они лишь усиливали напряженность в приграничных

Проблема Тибета в китайско-британских (индийских) отношениях в конце династии Цин и начале КР. // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2011. № 4. С. 90-99].

[142] Anand D. Remembering 1962 Sino-Indian Border War: Politics of Memory, p. 236. // Journal of Defence Studies, 2012. Vol. 6, Issue 4. – P. 229–248.

[143] Weiping Zh. Bainian zhongyin guanxi. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, 2006, c. 97. [Чжоу Вэйпин. Отношения между Китаем и Индией за 100 лет].

[144] Xuecheng L. Look Beyond the Sino-Indian Border Dispute, p. 150. // China Report, 2011. Vol. 47, № 2. – P. 147–158.

[145] Это было невыгодно индийцам, так как переход на новую валюту означал проблемы с валютным курсом – непонятно, по какому курсу делать обмен, ведь обменных пунктов не было, а тибетцы могли назначать собственный курс (на фоне чего наверняка возникали множественные валютные спекуляции). Появилась и проблема применения новых денег в Индии: серебро всё-таки твёрдая валюта, а бумажные деньги другой страны на внутреннем рынке не нужны (то есть потратить их некуда, кроме как на тибетские/китайские товары).

[146] Кузнецов В.С. Китайско-индийские торгово-экономические отношения в середине XX века, с. 104. // Вестник НГУ, Том 11, Вып. 10, 2012. – С. 100-105.

районах[147]. Уже через несколько месяцев после тибетского восстания, 28 июля 1959 г., несколько китайских формирований вторглись на северо-восточную территорию Индии Ладакх, арестовали шестерых индийских полицейских и несколько оттеснили индийскую патрульную группу. В ответ на это 11 августа со стороны индийского правительства последовала нота протеста, но вместо принятия соответствующих действий, 26 августа китайские военнослужащие перешли в открытый конфликт с индийскими военными, что привело к противостоянию с периодическими стычками на границе, которое продолжалось до осени [148]. Впрочем, китайская сторона обвинила в нападении индийцев, а свои действия назвала оборонительными. Ещё одним серьёзным инцидентом стало нападение китайских военных на индийскую полицию 20 октября 1959 г. недалеко от перевала Конгка Ла (плато Ладакх), в результате которого несколько индийцев погибли, несколько были взяты в плен, где, по сообщениям индийской стороны, они содержались в ужасающих условиях, и возвращены на Родину только 14 ноября[149].

Эти события вызвали общественный резонанс не только в Индии, но и в мире, при этом страной-агрессором Запад считал Китай (социалистический лагерь занял позицию нейтралитета). В связи с этим китайское руководство приняло решение об убеждении индийцев в необходимости переговоров, дабы снизить репутационные издержки, вызванные конфликтом, и постараться прийти к компромиссу[150]. Нельзя не указать на то, что Китай действительно предлагал разумное политическое решение территориального вопроса и стремился не допустить очередного использования военной силы без особой необходимости, считая вполне возможным урегулирование споров мирными средствами. Так, в ходе визита в Дели в 1960 г. Чжоу Эньлай предложил Индии сохранить за собой

[147] Kavic L.J. India's Quest for Security: Defence Policies, 1947-1965, pp. 66–67. // University of California Press, 1967. – 263 p.
[148] Ibid, p. 67.
[149] Eekelen W. Indian Foreign Policy and the Border Dispute with China: A New Look at Asian Relationships, pp. 108–109. Leiden: BRILL, 2015. – 354 p.
[150] Lüthi L. Sino-Indian Relations, 1954-1962, p. 113. // Eurasia Border Review, V. 3, Special Issue, 2012. – P. 93–119. – URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/eurasia_border_review/Vol3SI/luthi.pdf

Аруначал–Прадеш в обмен на передачу Аксай Чина Китаю[151]. Между тем индийское руководство считало территориальные уступки недопустимыми. В результате переговоры между индийским и китайским руководством не давали никаких результатов – каждая из сторон стояла на своем и стремилась укрепиться на спорных территориях, что впоследствии вылилось в вооруженное столкновение КНР и Республики Индия[152].

Таким образом, разновекторность стратегий двух государств, а также ряд сопутствующих факторов, таких как ухудшение условий приграничной торговли в ущерб индийской стороне, выдвижение требований на спорные территории со стороны Китая, само возникновение территориальной проблемы, которая раньше замалчивалась обеими сторонами как якобы «несуществующая», привели к неминуемому охлаждению между сторонами, а китайцы стали постепенно вставать на тропу войны.

1.3. Холодная война по-азиатски (1962–1988 гг.)

Нет сомнений, что самым главным событием, повлиявшим на сотрудничество Индии и Китая, стала война 1962 г. Однако расстановка сил накануне конфликта не оставляла никаких сомнений в исходе противостояния двух стран с крупнейшим населением: китайские силы в регионе в разы превышали индийские, были хорошо экипированы и адаптированы к низкому атмосферному давлению в горной местности, при этом в случае необходимости (поставки дополнительного оборудования, подкрепление и пр.) они могли воспользоваться построенной недалеко от Тибета дорогой[153]. Индийцы же были малочисленны, слабо подготовлены, недостаточно обеспечены провизией и вооружением, а возглавлявший их генерал-лейтенант Б.М. Кауль заболел горной

[151] Horimoto T. India’s Wars: The Indo-Pakistani Wars and the India-China Border Conflict, p. 98. // 2015 International Forum on War History: Proceedings – 07.2015 – URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/event/forum/pdf/2015/07.pdf
[152] Scott D. Sino-Indian Territorial Issues: The “Razor's Edge”?, p. 199. // ed. Pant H.V. The Rise of China: Implications for India – New Delhi: Cambridge University Press India, 2012. – 270 p.
[153] Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991, p. 203. Washington, DC: National Defense University Press, 1993, 526 P.

болезнью из-за проблем с акклиматизацией к высоте[154]. Что касается, «подзарядки» военных формирований, то возможности были ограничены – в расположении индийцев была лишь узкая, крутая горная дорога, что осложняло доставку вооружения и продовольствия [155]. Причину поражения индийских войск объяснил сам Джавахарлал Неру: «Мы теряли связь с реальностью современного мира и жили в искусственной атмосфере, которую сами и создали»[156]. Иными словами, индийцы считали военный конфликт в принципе невозможным, полагали, что Пекин де-факто признал линию Мак-Магона, и что совсем в крайнем случае они отразят нападение, но вышло всё иначе. 20 октября китайские военные атаковали индийские позиции, в начале ноября взяли под контроль всю ту территорию, которую считали «китайской», а уже 22 ноября в одностороннем порядке отвели войска, оставив за собой Аксай Чин и ожидая от индийцев конструктивных переговоров и признания своих прав на территории[157]. Впрочем, КНР обвинила индийцев в развязывании войны[158].

Столь недолгое военное столкновение имело, однако, долгосрочные последствия. С одной стороны, перед лицом реальной военной угрозы на фоне катастрофической слабости индийской армии Неру обратился к США за военной помощью, оговорившись, однако, что подобная просьба не означает готовность Индии заключить военный союз с американцами. Таким образом, прежняя политика нейтралитета и неприсоединения внешне пошатнулась[159]. Соединенные Штаты с пониманием отнеслись к ситуации и открыто выразили свою поддержку индийской стороне, как в связи с общим желанием Дж. Кеннеди сблизиться с Индией, так и в связи с тем, что рассматривали конфликт не просто как территориальный, а как глобальный в рамках «противостояния коммунизму»[160]. С

---

[154] Ibidem.
[155] Ibidem.
[156] Sarvepalli G. Jawaharlal Nehru: A Biography, p. 223. / Cambridge, MA: Harvard University Press, Vol. III, 1976.
[157] Юрлов Ф.Н. История Индии. XX век, с. 684. // М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 920 с.
[158] Chinese Answer Soviet Criticism of Chinese Position in Sino-Indian Border Dispute, p. 91. // Translations on International Communist Developments № 541. U.S. Joint Publications Research Service – Indiana University Libraries, 2018.
[159] Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991, p. 204. Washington, DC: National Defense University Press, 1993. – 526 p.
[160] Ibid, p. 205.

другой стороны, лидер социалистического лагеря Советский Союз не мог пойти против своего идеологического союзника КНР и занял позицию нейтралитета, что было отражено в Заявлении ТАСС – это вызвало неодобрение с китайской стороны, но в очередной раз убедило Индию в правильности укрепления дружеских отношений с СССР[161]. Именно отсутствие поддержки со стороны Москвы и жёстко антикитайская позиция Вашингтона (а значит и всего капиталистического мира в целом) заставили Пекин отказаться от продолжения конфликта, поскольку он, по сути, оказался один против всего мира.

Поражение в индийско-китайской войне заставило индийское руководство пересмотреть свою военную политику, увеличив военные расходы, и модернизировать технологии, в том числе и те, которые США отказывались поставлять, а СССР предлагал их поставку по выгодным ценам[162]. Для того чтобы не допустить подобных ситуаций, индийский лидер был вынужден «принять определенные меры, которые нам (индийцам – прим. авт.) не нравились», а именно «военные расходы должны увеличиться более чем вдвое и вырасти ещё больше»[163].

Однако главным образом исход войны сказался на имидже Индии не только как лидере движения неприсоединения, но и как суверенном субъекте международных отношений – страна показала свою крайнюю слабость и не могла претендовать на лидерство в Азии, национальная гордость оказалась ущемлена; индийцы довольно долго не могли оправиться от такого тяжкого удара[164]. Пострадал и индийский премьер-министр Неру, «выдающаяся международная политическая фигура», «легендарный отец самой большой демократии в мире», «выразитель идей деколонизации и прав человека» и «главный отец-основатель движения не присоединения» – как характеризует его Деннис Кукс – так никогда

[161] Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии, с. 96. М.: Наука, 1993.
[162] Там же, с. 433.
[163] Юрлов Ф.Н. От Восхода до Заката: Династия Неру-Ганди. Книга первая. Мотилал и Джавахарлал Неру. – С. 421. // М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – 520 с.
[164] Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991, pp. 208, 212, 213. Washington, DC: National Defense University Press, 1993 – 526 p.

и не пришел в себя после роковых просчетов индийского руководства, повлекших катастрофические последствия для страны.

Так или иначе, война 1962 г. стала водоразделом индийско-китайских отношений на «до» и «после» – весь период до 1991 г. был олицетворением Холодной войны между азиатскими гигантами. Иными словами, хотя некоторые контакты всё же осуществлялись, а во второй половине 1970-х гг. и в 1980-х гг. даже предпринимались попытки нормализовать связи на дипломатическом уровне, взаимодействие двух государств было практически прервано.

Сообщество афро-азиатских государств попыталось внести свой вклад в урегулирование конфликта между Индией и Китаем, в декабре 1962 г. организовав конференцию в Коломбо, посвящённую обсуждению соответствующих спорных вопросов. В ней приняли участие Бирма (Мьянма), Камбоджа, Гана, Индонезия, Объединенная Арабская Республика (союзное государство Египта и Сирии в 1958–1971 гг.) и Цейлон (Шри-Ланка)[165]. В ходе дискуссий были предложены 6 пунктов, суть которых сводилась к прекращению огня, отведению войск на линию фактического контроля и предложению определить границы по секторам в рамках двусторонних мирных переговоров[166]. Однако никаких особых результатов эта конференция не имела: если Индия согласилась с положениями, то Китай сначала принял их, а через пару дней отказался от предложенного плана[167].

В том же году произошло событие, навсегда изменившее природу индийско-китайских отношений, добавив в них ещё одно звено – Пакистан. 2 марта 1963 г. КНР и Пакистан подписали соглашение о границе, по которому государства, по сути, обменялись территориями: пакистанцы получили небольшие отрезки китайских пастбищ, а китайцы – относительно небольшую область на севере Кашмира (5 тыс. кв. км, расположенных на почти километровой

[165] Bandaranaike S. A Profile, p. 24. // Socialist India: Indian National Congress. All India Congress Committee., V. 8, 1973 – 50 p.
[166] Colombo Conference Proposals on Indian-Chinese Border Dispute. // HeinOnline – URL: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/intlm2&div=27&id=&page=
[167] Kumar R. Panchsheel was noble, but did China embrace it ever? // IDSA – 08.2017 – URL: https://idsa.in/idsacomments/panchsheel-was-noble-but-did-china-embrace-it-ever_rkumar_180817#footnote7_9dsag89

высоте)[168]. Между тем последние представляют собой спорные участки между Пакистаном и Индией, именно поэтому Равалпинди (столица Пакистана до конца 1960-х гг.) передал Пекину свои права на часть кашмирских территорий. Он надеялся использовать ослабление Индии после конфликта с КНР и заручиться поддержкой северного соседа в Кашмирском вопросе, что было крайне отрицательно воспринято индийцами, объявившими пакистано-китайское соглашение нелегитимным[169]. Оставшись после войны с Индией в одиночестве, Китай тоже был заинтересован в союзнике, а потому с этого момента началось китайско-пакистанское сближение. Вскоре сотрудничество распространилось на целый ряд секторов, в том числе на военный (что особенно беспокоит индийцев), которое не прерывается и по сей день. Учитывая характер отношений между Индией и Пакистаном, пакистанский фактор стал оказывать значительное негативное влияние на диалог между Дели и Пекином[170].

[168] THE BOUNDARY AGREEMENT BETWEEN CHINA AND PAKISTAN, 1963. // Anna Maria Baldussi, Università degli Studi di Cagliari – 04.2015. – URL: https://people.unica.it/annamariabaldussi/files/2015/04/China-Pakistan-1963.pdf
[169] Cheema P.I. SIGNIFICANCE OF PAKISTAN – CHINA BORDER AGREEMENT OF 1963, p. 48. // Pakistan Horizon, Vol. 39, № 4, Focus on: Sino-Pakistan Relations (Fourth Quarter 1986). – P. 41-52.
[170] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М: Институт Востоковедения РАН, 2008. – 576 с.

Рис. 1. Карта индийско-китайской границы с указанием спорных участков на 1963 год[171]

Следующий 1964 год ещё кардинальнее изменил баланс сил в регионе – КНР провела испытания ядерного оружия, став пятым и последним государством в клубе легитимных ядерных держав. Этот факт был крайне болезненно воспринят всем миром, и уж тем более в Индии, которая сочла это фундаментальным нарушением принципов мирного сосуществования. Особенно возмутительным индийцы считали тот факт, что КНР «пытается использовать силы науки не для мирных целей повышения уровня жизни шестисот пятидесяти миллионов человек в Китае, а для служения шовинистическим, экспансионистским, мечтам о китайской великодержавности»[172]. Позже именно угроза со стороны ядерного соседа станет одним из аргументов индийской стороны в оправдание создания собственного ядерного оружия[173].

Очередной кризис индийско-китайских отношений связан с индийско-пакистанской войной 1965 г. Стычки на границе начались весной (в зоне Качского Ранна), а уже в августе пакистанцы решили действовать более решительно: они задумали спровоцировать восстание в той части Кашмира, которая контролировалась индийской стороной, посредством отправки туда около семи тысяч боевиков 5 августа. Эта операция получила кодовое название «Гибралтар» и была обусловлена ощущением успешности весенних столкновений. При этом Пакистан был уверен, что Индия не станет отвечать военным путем, либо из-за своей слабости в целом, либо из страха, что КНР, с которым пакистанские руководители сближались всё больше, может вмешаться в конфликт. Но президент Пакистана Айюб Хан просчитался во всех вышеперечисленных пунктах: индийцы не только разгадали замысел пакистанцев, но и приняли ответные военные меры, в результате которых пакистанская

[171] China-India border. // Library of Congress. Washington : Central Intelligence Agency, 1963. URL: https://www.loc.gov/resource/g7821f.ct002822/?r=0.089,0.468,1.136,0.588,0

[172] Note given by the Ministry of External Affairs, New Delhi, to the Embassy of China in India, 7 October, 1964. // Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 11 (January 1964 – January 1965) – 12.2016. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper11NEW.pdf

[173] Talbott S. Engaging India: Diplomacy, Democracy, and the Bomb, p. 51. // Brookings Institution Press, 2006. – 270 p.

кампания провалилась. Проиграв первый этап, пакистанцы принимают решение об эскалации конфликта в соответствии с планом операции «Большой шлем», которую они попытались реализовать в сентябре, однако и эти манёвры не были успешными, Индия отстояла Кашмир, не уступив Пакистану ни по одной из позиций. 23 сентября 1965 г. обе стороны согласились с требованием Совета Безопасности ООН установить режим прекращения огня[174].

В данном случае крайне значима роль, которую сыграла КНР. По сути, война 1965 г. стала первым испытанием китайско-пакистанской дружбы. Надо сказать, что ещё до начала конфликта Китай выражал открытую поддержку пакистанцам, о чём нетрудно догадаться, учитывая весьма спорное соглашение между Пекином и Равалпинди в 1963 г., которое, по сути, означало признание китайцами пакистанских прав на Кашмир, а также договорённостей, достигнутых между двумя государствами посредством взаимных визитов пакистанских и китайских представителей, в том числе в отношении поставок оружия[175]. Однако китайская сторона не ограничилась вербальной поддержкой Пакистана в войне с Индией в августе-сентябре 1965 г. КНР напрямую обвинила индийцев в агрессии, стала укреплять пограничные районы и даже предъявила Дели ультиматум о выводе индийских войск, которые якобы пересекли границу Сиккима и оказались на китайской территории, демонтаже индийских военных сооружений с приграничных районов и возврате якобы похищенных тибетцев Китаю – «в противном случае правительство Индии должно понести полную ответственность за все вытекающие из этого серьезные последствия»[176]. Тон китайского правительства вызвал естественное негодование в Дели, который счёл что «позиции Китая по Кашмиру и нынешнему прискорбному конфликту между Индией и Пакистаном – это ничто иное, как вмешательство со стороны Китая,

---

[174] Schofield J. Pakistan, Direct Militarization, and the 1965 War, pp. 33, 46-47. // Militarization and War. Initiatives in Strategic Studies: Issues and Policies. Palgrave Macmillan, New York. 2007.

[175] Sino-Pakistani Cooperation in the Kashmir War, pp. 1-10. // Central Intelligence Agency: SC № 10519/653, 14 October 1965 – URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000632167.pdf

[176] Note given by the Ministry of Foreign Affairs, Peking, to the Embassy of India in China, 8 September, 1965. // Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 12 (January 1965 – February 1966) – 12.2016. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper12NEW.pdf

рассчитанное на продление и усиление конфликта»[177]. Между тем, КНР не отступала от своего ультиматума – вопрос снялся сам собой после урегулирования индийско-пакистанской войны, однако подобные шаги со стороны северного соседа усугубили и без того крайне натянутые индийско-китайские отношения, хотя и упрочили связи с Пакистаном. Индия же стала опасаться действительной угрозы войны на два фронта.

Между тем важно рассмотреть и реакцию международного сообщества в целом. Так, в сентябре Вашингтон приостановил поставки вооружений обеим сторонам конфликта[178], а СССР придерживался нейтралитета, при этом вместе с США он сдерживал Китай от вмешательства в индо-пакистанский конфликт[179]. На дипломатическом уровне сложилась удивительная ситуация – капиталистический блок совместно с социалистическим возложил надежды по урегулированию конфликта на ООН[180]. Тем не менее медлительность ооновской «машины», недовольство Дели и Равалпинди предлагаемыми условиями, а также нежелание США вмешиваться в проблемы Южной Азии на фоне вьетнамских событий в конечном счете привели к тому, что посредником стал Советский Союз. Индия сразу приняла кандидатуру СССР в качестве медиатора. Пакистан же решил подождать результатов китайского ультиматума, а не получив желаемого, обратился к Вашингтону, но и там не добился поддержки[181]. Более того, американцы порекомендовали пакистанцам согласиться с посредничеством СССР, поскольку считали, что «им нечего терять»: удастся Советскому Союзу добиться мира на субконтиненте – Соединенные Штаты от этого только

---

[177] Note given by the Ministry of External Affairs, New Delhi, to the Embassy of China in India, 17 September, 1965. // Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 12 (January 1965 – February 1966) – 12.2016. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper12NEW.pdf

[178] 259. Special National Intelligence Estimate. // Central Intelligence Agency, Job 79–R01012A, ODDI Registry of NIE and SNIE Files. Secret; Controlled Dissem; Limited Distribution. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v25/d259

[179] Интересно отметить, что премьер-министр Л.Б. Шастри утверждал, что Великобритания открыто обвинила Индию в агрессии, но британские власти категорически отрицали, что они односторонне осуждали Индию (Brines R. The Indo-Pakistani Conflict, p. 330. London: Pall Mall Press, 1968).

[180] Chakravorty P.K., Kanwal G. Operation Gibraltar: An Uprising that Never Was, p. 35. // Journal of Defence Studies, Vol. 9, № 3 (July-September 2015). – P. 33–52.

[181] Ganapathy V. Military Lessons of the 1965 Indo-Pakistan War, p. 166. // Scholar Warrior. – Autumn 2014. – URL: http://www.claws.in/images/journals_doc/1959557320_VGanapathy.pdf

выиграют, не удастся – советское руководство получит негативный опыт, который американцы испытывают на протяжении 20 лет[182]. В итоге, к ноябрю 1965 г. обе стороны приняли предложение СССР встретиться в Ташкенте. Это стало единственным исключением для индийской политики, которая не предполагала и до сих пор не предполагает вовлечение в решение региональных споров третьих стран, будь то Россия, США или какая бы то ни было иная держава – ранее и после Ташкента Индия всегда отказывалась от посредников при решении двусторонних проблем. Недаром Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину стоило, по выражению самих же индийцев, “титанических усилий” убедить двух лидеров подписать Совместную Декларацию, но этот документ, подписанный в столице Узбекистана 10 января 1966 г., стал поистине уникальным. Ташкентская декларация предписывала отвод войск и занятие довоенных позиций обеими сторонами конфликта, обмен пленными и укрепление доверия между Дели и Равалпинди. К сожалению, дипломатический успех омрачился смертью Лала Бахадура Шастри, скончавшегося всего несколько часов спустя после подписания знаменательного соглашения[183].

1965–1967 годы вызвали и другие противоречия между Индией и Китаем[184]. На этот раз в центре спора оказался Сикким, который в тот период был под протекторатом Индии и находился под её защитой. Ещё со второй половины 1965 г. Пекин стал предъявлять обвинения Дели о нарушениях сиккимо-тибетской границы, похищении овец, яков и людей, при этом индийцы предлагали провести совместное расследование, выражали готовность предоставить опровержения и

---

[182] McGarr P.M. The Cold War in South Asia: Britain, the United States and the Indian Subcontinent, 1945-1965, p. 342. // Cambridge University Press, 2013. – 391 p.

[183] India-Pakistan War 1965, p. 314. // History Division, Ministry of Defence, Government of India – URL: https://www.bharat-rakshak.com/archives/OfficialHistory/1965War/1965Chapter11.pdf.

[184] Заметим, что китайская внешняя политика 1960-1970х гг. в целом была достаточно агрессивной. После разрыва с СССР, КНР оказалась меж двух огней: США и Советского Союза, в результате чего китайское руководство сделало ставку на развитие отношений со странами Третьего мира (избирательно). При этом Китай считал необходимым проведение жёсткой внешнеполитической линии, поскольку называемая «революционная дипломатия», являвшаяся продуктом концепции «классовой борьбы» и предполагавшая разделение мира на угнетаемых и угнетённых, неизбежно вела к конфликту. (Подробнее см. 杨奎松 "新中国的革命外交思想与实践", Yángkuísōng"xīn zhōngguó de gémìng wàijiāo sīxiǎng yǔ shíjiàn". [Ян Куйсун «Идеи и практика революционной дипломатии в Новом Китае»]. – URL: http://ww2.usc.cuhk.edu.hk/PaperCollection/webmanager/wkfiles/7564_1_paper.pdf)

заявляли о нарушениях с китайской стороны. В 1966 г. переписка между двумя странами стала приобретать всё более обвинительный характер: стороны постоянно обменивались списками нарушений границы, требовали немедленных изменений, однако китайские ноты были буквально пронизаны угрожающими выпадами в сторону Индии, которая, в свою очередь, старалась сдерживать китайское правительство, заявляя о недопустимости подобной агрессивности в адрес индийского правительства и о том, что антииндийской пропагандой КНР не добьётся положительных результатов[185]. В июле 1967 г. Китай выслал двух индийских дипломатов и заблокировал индийское посольство, на что Индия ответила высылкой китайских дипломатов и введением ограничений на передвижение дипломатических сотрудников. Санкции индийской стороны были сняты в ответ на прекращение блокады индийского посольства в Пекине[186]. Наконец в сентябре-октябре 1967 г. споры вылились в вооружённые столкновения у горных перевалов Нату-Ла и Чо Ла – они стали последними кровопролитными сражениями на индийско-китайской границе вплоть до настоящего времени[187]. Надо отдать должное индийцам: на этот раз они смогли отразить атаки со стороны Китая и отстоять свои позиции, и в итоге Дели и Пекин сохранили статус-кво на границе Сиккима (позднее ставшего штатом Индии) и Тибета.

Несмотря на конфликты, с конца 1960-х гг. в курсе индийского правительства наметились изменения. Укрепление Индии под руководством сильного лидера Индиры Ганди как в военно-политическом отношении, так и в плане восприятия и позиционирования себя в мире на фоне охлаждения отношений с США и решения СССР о поставках вооружений в Пакистан обусловили готовность Дели к некоторому пересмотру внешнеполитической линии в отношении Китая. В 1968 г. Министерство иностранных дел пришло к

---

[185] Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 13 (February 1966 – February 1967) – 12.2016. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper13NEW.pdf

[186] Sali M.L. India-China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector, p. 101. // New Delhi: APH Publishing, 1998. – 313 p.

[187] Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 14 (February 1967 – April 1968) – 12.2016. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper14NEW.pdf

выводу о необходимости выстраивания стратегии, предполагавшей мирное сосуществование с КНР. В этой связи Индира Ганди прекратила публикацию так называемых Белых книг, в которых публиковались документы по индийско-китайским отношениям, а 1 января 1969 г. она заявила о готовности Индии начать переговоры с КНР без каких-либо предварительных условий[188]. Китайское руководство сначала критически отнеслось к подобным инициативам, но вскоре последовало некоторое потепление отношений: в конце 1970 г. были восстановлены неформальные контакты между индийскими и китайскими дипломатами, в октябре 1971 г. Индия поздравила Китай с принятием в ООН, а в ноябре китайцы пригласили индийскую делегацию на Афро-Азиатский турнир по настольному теннису. Некоторая нормализация отношений позволила индийцам донести свою позицию по Восточному Пакистану и немного смягчить критику Дели в индо-пакистанской войне 1971 г. по сравнению с риторикой 1965 г.[189].

Не вдаваясь в детали военного конфликта, стоит отметить, что в результате Бангладеш получила независимость – во многом это стало возможным благодаря индийской победе в войне 1971 г. Исламабад же лишился почти пятой части своей территории и половины населения. И это при том, что пакистанцы получали помощь от США, которые открыто обвинили Индию в начале агрессии. Более того, в доказательство своей решимости помочь Пакистану и как рычаг давления на индийцев американцы направили в Бенгальский залив атомный авианосец «Энтерпрайз» во главе ударного соединения 7-го флота США, что надолго стало символом враждебности между Вашингтоном и Дели[190]. Советский Союз же, напротив, прекратил политику балансирования в регионе между Индией и Пакистаном, сделав однозначный выбор в пользу первой[191]. В конечном итоге, Индия одержала победу, добившись независимости Бангладеш и вернув себе статус сильной региональной державы, а США проиграли в отношениях с Дели –

---

[188] Ramachandran S. Decision-making in Foreign Policy, pp. 91-92. // New Delhi: Northern Book Centre, 1996. – 297 p.
[189] Sali M.L. India-China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector, p. 102. // New Delhi: APH Publishing, 1998. – 313 p.
[190] Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991, pp. 303, 305, 307. / Washington, DC: National Defense University Press, 1993. – 526 p.
[191] Shrivastava S. 1971 India Pakistan War: Role of Russia, China, America and Britain. // The World Reporter – 30.10.2011. – URL: http://www.theworldreporter.com/2011/10/1971-india-pakistan-war-role-of-russia.html

индийцы стремились снизить американское влияние на образование, отказаться от экономической помощи (сохранилось лишь сотрудничество в продовольствии в соответствии с Законом 480) и стали активнее сближаться с СССР[192].

Желание диалога с китайской стороны было связано с негативным имиджем КНР на международной арене, сложившимся в результате Культурной революции, и со снижением влияния в регионе после подписания индийско-советского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, а также ослабления его союзника Пакистана после поражения в войне 1971 г.[193] Однако 1970-е гг. всё же не принесли кардинальных изменений в отношения сторон: некоторые намёки на нормализацию вскоре сменились очередной серией разногласий. Пекин продолжал активно поддерживать Исламабад, особенно с учётом того, что он стал каналом налаживания взаимодействия с Вашингтоном (именно благодаря посредничеству Пакистана Киссинджер совершит тайный визит в Пекин)[194]. Кроме того, в 1974 г. Индия стала седьмой ядерной державой (после США, СССР, Великобритании, Франции, Китая и Израиля[195]), проведя испытания, известные как «Улыбающийся Будда», на полигоне Покхран[196]. Пакистан тут же открыто заявил о намерениях развивать собственную ядерную программу в целях защиты от индийской ядерной угрозы (правда, Исламабад принял это решение ещё на секретном заседании в Мултане в 1972 г. после поражения в войне), а помогать ему в этом стал именно Китай[197]. С одной стороны, Дели в некотором роде уравнял свой статус с Пекином, а с другой – вновь поставил на повестку дня и даже обострил ядерный вопрос в регионе. 1973–1975 гг. были отмечены рядом событий вокруг Сиккима, которые вызвали неодобрение со стороны Китая: именно в этот период Сикким превратился из королевства в северо-восточный

[192] Лунев С.И. Дипломатия в Южной Азии, с. 99-102. М.: Наука, 1993.
[193] Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке, с. 877. // М.: Институт экономических стратегий, 2009. – 1224 с.
[194] Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991, pp. 280-281. / Washington, DC: National Defense University Press, 1993. – 526 p.
[195] Хотя насчёт ядерного статуса последнего до сих пор ведутся споры.
[196] Talbott S. Engaging India: Diplomacy, Democracy, and the Bomb, p. 14. // Brookings Institution Press, 2006. – 270 p.
[197] Ibid., pp. 17–18.

штат Индии[198]. Маоистское же руководство считало это гималайское княжество одним из «пяти пальцев» Тибета наряду с Ладакхом, Непалом, Бутаном и Аруначал–Прадешем (бывшее Северо-восточное пограничное агентство), а потому именно китайское правительство вынашивало планы на объединение Трансгималайского района под своим контролем[199].

Между тем во второй половине 1970-х гг. вновь появились признаки нормализации отношений. Так, в 1976 г. страны восстановили дипломатические связи. Индия и Китай стали возрождать культурные, спортивные и торгово-экономические контакты[200]. Смена внутриполитических курсов в обеих странах также способствовала некоторому «потеплению»: в Индии к власти ненадолго (1977-1979 гг.) приходит оппозиционная коалиция партий (включавшая Бхаратию Джан Сангх, после распада коалиции преобразовавшуюся в Бхаратия Джаната парти, или БДП), которая была заинтересована в поддержании добрососедских отношений с Китаем, а в КНР происходит радикальные перемены, связанные с реформами Дэн Сяопина, подразумевавшие смещение акцента на решение внутренних проблем и максимальное нивелирование внешних конфликтов[201]. Отметим, что именно в правление Дэн Сяопина КПК перестаёт поддерживать маоистские движения в Индии, что связано с отходом от следования идеям Мао в самом Китае. Проблема наксалитов (название происходит от места первого крупного восстания радикальных маоистских группировок – деревни Наксальбари, штат Западная Бенгалия)[202], возникшая на фоне «культурной революции» в КНР, до сих пор беспокоит индийское руководство; однако прекращение поддержки извне оказало положительное влияние на индийско-китайский диалог. Таким образом, визит в Китай министра иностранных дел Индии Атала Бихари Ваджпаи в 1979 г. стал логичным продолжением

---

[198] Gupta R. Sikkim: The Merger with India, p. 788. // Asian Survey, Vol. 15, № 9, 1975. – P. 786–798.
[199] Chaudhuri S. Maoist Betrayal India: A Case Study, p. 41. New Delhi: Sterling Publishers Pvt. Ltd., 1980.
[200] Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке, с. 877-878. // М.: Институт экономических стратегий, 2009. – 1224 с.
[201] Malone D.M., Mukherjee R. India and China: Conflict and Cooperation, pp. 142–143. // Survival, vol. 52, № 1, February–March 2010. – P. 137–158.
[202] Sahoo N. India, China and the ironies of Maoism. // Observer Research Foundation – 05.2017. – URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/indian-china-ironies-of-maoism/

положительной динамики взаимодействия, но он был вынужден прервать свой визит в связи с китайским вторжением во Вьетнам, и соответственно в очередной раз «разрядка» не состоялась[203].

1980-е годы запомнились серией переговоров по пограничной проблеме, которые, однако, не привели ни к каким продвижениям в её решении. В 1981 г. Индию посетил министр иностранных дел Хуан Хуа. КНР снова выдвигала идею сделки: индийской стороне предлагалось отказаться от Аксай Чина в обмен на признание китайцами линии Мак-Магона. Индийское правительство не соглашалось с предложениями Пекина, считая недопустимым уступать свои территории на каких бы то ни было условиях[204]. При этом обнаружились и другие расхождения между позициями двух государств (например, китайско-вьетнамский конфликт, решение Непала об импорте вооружений из КНР и др.). Последний конфликт биполярного периода разразился в 1986–1987 гг. в связи с тем, что Индия законодательно закрепила Аруначал–Прадеш в качестве двадцать четвертого индийского штата. Китайские войска на семь километром вторглись в восточный сектор – в долину Самдуронг Чу, так как права на эту территорию оспариваются КНР. Подобные действия привели к напряжению на границе, которое, к счастью, не переросло в военные столкновения[205]. Оба государства понимали, что их противоречия невозможно решить военным путём, однако можно установить определенные правила игры, которые бы позволили избегать или по крайней мере нивелировать конфликтные ситуации – эта установка способствовала выходу Дели и Пекина из критического положения, а впоследствии дала возможность осуществить «разрядку».

Таким образом, «холодная война» между Индией и Китаем стала следствием «горячей» войны 1962 г., в которой формально оказалась проигравшей стороной первая, но, как показала история, в действительности проиграли обе. В то время Дели не мог претендовать на статус лидера афро-

[203] Indo-China political relations. // Hindustan Times. – 11.2006. – URL: https://www.hindustantimes.com/india/indo-china-political-relations/story-wnbPhLjKjBQcM9QJw0H11J.html
[204] Sali M.L. India-China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector, pp. 104-105. // New Delhi: APH Publishing, 1998. – 313 p.
[205] Ibid., pp. 109-110.

азиатского мира, Пекин остался без союзников, а двусторонние контакты были практически заморожены. При этом непосредственно территориальный спор не только не был решён – его усугубил фактор тотального недоверия сторон друг другу. В дальнейшем индийско-китайские отношения хоть и претерпевали некоторые положительные изменения, однако либо напрямую, либо опосредованно страны неизменно возвращались к конфронтации. Во второй половине 1970-х гг. стороны начали искать возможность налаживания диалога, однако лишь конец 1980-х гг. показал, что Индия и КНР готовы к нормализации, особенно в условиях новых внутриполитических и международных изменений, пик которых пришёлся на 1991 г., когда закончился практически полувековой период биполярности, и двум азиатским гигантам предстояло найти своё место в новой системе международных отношений.

1.4. Нормализация отношений Нью-Дели и Пекина (1988–1991 гг.)

1988 г. стал действительно значимым для индийско-китайских отношений, так как именно в этом году произошло окончательное восстановление диалога между двумя государствами на всех уровнях. Символом нового этапа двустороннего взаимодействия стал официальный визит премьер-министра Индии Раджива Ганди в Китай 19-23 декабря 1988 г. Впервые за 34 года индийский премьер-министр посетил Китай – последним был Джавахарлал Неру в октябре 1954 г.[206]

Этот визит также стал знаковым, потому что изменил основополагающий принцип китайского направления индийской политики после войны 1962 г., заключавшийся в том, что нормализация отношений возможна лишь после решения территориальной проблемы: Дели и Пекин условились развивать сотрудничество во всех направлениях, независимо от разрешения пограничных споров, которые с 1988 г. было решено вынести в отдельный формат обсуждений.

[206] Indian Prime Minister Rajiv Gandhi visited China. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18017.shtml

Иными словами, осознавая неразрешимость территориальных вопросов в ближайшем будущем, стороны пришли к выводу о том, что необходимо налаживать взаимодействие в остальных сферах, а спорные вопросы обсуждать в рамках переговорного процесса, в связи с чем была образована Совместная рабочая группа (СРГ) по пограничному вопросу, в ведение которой была передана выработка двусторонних соглашений о границе[207].

В ходе визита стороны договорились о ежегодных встречах министров иностранных дел, решили создать совместные комитеты на уровне министерств для развития различных направлений индийско-китайского диалога и подписали соглашения о сотрудничестве в сфере науки и технологии, в области культуры и по вопросам гражданской авиации.[208]

1991 г. стал последним рассматриваемым годом по трем взаимосвязанным причинам. Во-первых, на глобальном уровне произошла кардинальная смена мирового порядка, которая отразилась на всех акторах международных отношений. В новой системе Дели и Пекин выявили общность взглядов по мирополитическим вопросам, что стало дополнительным импульсом для укрепления их взаимодействия. Во-вторых, Индия встала на путь либерализации, что, как некогда реформы Дэн Сяопина, также оказало положительный эффект на политическое сотрудничество двух азиатских держав, поскольку способствовало укреплению экономических связей. И, наконец, именно 1991 г. стал годом визита китайского премьер-министра Ли Пэна в Индию – первым после 31-летнего перерыва – что закрепило тенденцию на нормализацию отношений на двустороннем уровне [209].

Таким образом, современный этап взаимодействия Индии и Китая был положен визитом Раджива Ганди в Пекин в 1988 г. С этого момента стороны обмениваются регулярными визитами, налаживают экономическое, культурное, научное и другие направления сотрудничества, а также стремятся к минимизации

[207] Sali M.L. India-China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector, p. 8. // New Delhi: APH Publishing, 1998. – 313 p.
[208] Prime Minister Rajiv Gandhi's Visit to China, pp. 198-199. // China Report, 25(2), 1989. – P. 187–200. https://doi.org/10.1177/000944558902500209
[209] Ghosh P. International Relations, p. 421. // New Delhi: PHI Learning Pvt. Ltd, 2013. – 512 p.

негативного воздействия исторически сложившихся противоречий. Если раньше территориальный вопрос был камнем преткновения, препятствовавшим прогрессу в других областях двустороннего взаимодействия, то теперь политическая воля руководства обоих государств способствовала выделению имеющихся споров в отдельную плоскость и расширению спектра сфер для укрепления партнёрских отношений. Трансформация международной системы и внутриполитические перемены в 1990-х гг. закрепили успех второй половины 1980-х и устойчивость позитивной динамики взаимодействия Индии и Китая, несмотря на сохранение разногласий по территориальным вопросам, усиление регионального соперничества и неизменность фактора недоверия между ними.

Итак, период 1950–1991 гг. показал, насколько разными могут быть отношения между Дели и Пекином. Некогда стремившиеся к достижению общих целей освобождения афро-азиатского мира от колониализма и империализма, они совместно выработали принципы «панча шила» и стремились к консолидации развивающихся стран в духе Бандунгской конференции. Индийский премьер-министр Джавахарлал Неру, считавший не только возможным, но и естественным лидерство двух древнейших азиатских цивилизаций в новом, деколонизованном мире, стремился активно поддерживать КНР, де-факто находившейся в то время в изоляции в силу своих идеологических установок. Однако дружба индийского и китайского народов продлилась не долго: после Бандунгской конференции положительная динамика их взаимодействия пошла на спад. Усиление разногласий и нежелание ни одной из сторон идти на уступки привели к индийско-китайской войне 1962 г., после которой отношения так и не стали прежними.

Послевоенное время лучше всего характеризует понятие «холодная война», и хотя несколько «горячих» конфликтов всё же имели место, они носили крайне ограниченный характер. Стороны осознавали бессмысленность военных методов в решении спорных вопросов и необходимость поддерживания modus vivendi, поэтому не стали разрывать отношения и стремились не допускать военные столкновения. Именно политическая воля руководств в Индии и Китае позволяла

сдерживать конфликтный потенциал, а впоследствии способствовала и нормализации отношений. Однако к территориальной проблеме и фактору недоверия в этот период добавились китайский и пакистанский ядерные факторы, которые усложнили и без того непростую структуру региональной безопасности и усилили геополитическое соперничество между Индией и КНР.

Вместе с тем ближе к концу биполярного периода Дели и Пекин стали искать пути налаживания диалога, чему способствовали перемены во внутренней политике, стремление стран к большей открытости и внутреннему развитию, подразумевавшему минимизацию внешних конфликтов, а также укрепление их позиций на международной арене. В результате в 1988 г. сначала высшее индийское руководство делает шаг навстречу, а в 1991 г. происходит ответный шаг со стороны Китая, закрепивший начавшуюся «разрядку» на двустороннем уровне, при этом изменения мирового масштаба также содействовали сближению двух государств по вопросам глобальной повестки дня.

В целом, можно говорить о том, что, хотя территориальные проблемы были заложены в колониальный период, большинство фундаментальных противоречий и проблем в отношениях Индии и КНР появились или обострились именно в период 1950-1991 гг. Учитывая тот факт, что они продолжают оказывать влияние на их взаимодействие и на современном этапе, анализ истории их взаимодействия необходим для понимания текущего состояния индийско-китайского диалога.

ГЛАВА 2. ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИИ И КИТАЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Как было обозначено в предыдущей главе, 1991 год закрепил тенденцию на выстраивание индийско-китайских отношений в конструктивном ключе. И действительно вплоть до настоящего времени страны придерживаются линии на сотрудничество, даже несмотря на периодические разногласия по территориальным вопросам, экономическому сотрудничеству или геополитическим проектам.

В целом, с точки зрения периодизации, можно выделить определенные подэтапы, хотя они и не очень четко прослеживаются. Так, 1991-1998 гг. характеризовались постепенным укреплением двусторонних отношений и укреплением взаимосвязей на региональном уровне (включая отказ Пекина от однозначной поддержки Пакистана в его противостоянии южному соседу). Ядерное испытание, проведенное Индией в 1998 г., привело к существенному охлаждению отношений, однако политический диалог не был прерван. С 1999 г. азиатские гиганты стали проявлять значительный интерес к концепции треугольника Россия – Индия – Китай, выдвинутой Россией, что диктовало необходимость нормализации взаимных отношений. Апофеозом стал 2005 г., когда Пекин признал принадлежность Сиккима Индии, а Дели впервые подписал документ, в котором Тибет именовался Тибетским автономным районом[210]. Во втором десятилетии нового века напряженность в двусторонних отношениях вновь стала возрастать, что было связано, в первую очередь, с резким ростом значения мировых гигантов в мировой системе, особенно КНР – на первый план стало выходить соперничество двух держав. Несмотря на деятельность БРИКС, получение Индией статуса полноценного члена ШОС, а Китаем – наблюдателя в СААРК, а также выход КНР на первое место среди торговых партнеров Индии, существенно укрепилась подозрительность южноазиатской страны в отношении

[210] Лунёв С.И. Территориальные и пограничные проблемы Южной Азии, с. 203. // Под ред. Д.В. Стрельцова. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. — 319 с.

своего соседа, который стал реализовывать инициативу «Один пояс, один путь» в Индо-Тихоокеанском регионе. КНР, в свою очередь, настороженно относится к возрождению стратегического четырехугольника США – Япония – Австралия – Индия и возможности создания ими «антикитайского блока». Пограничные столкновения 2017 и 2020 гг. также не способствовали укреплению доверия между Нью-Дели и Пакистаном, однако стороны по-прежнему привержены дипломатическому урегулированию споров и рассматривают политический диалог как неотъемлемую часть двустороннего взаимодействия.

Таким образом, поскольку в Индии существует надпартийный консенсус по внешнеполитическим вопросам, то и китайское направление внешней политики страны отличается преемственностью, независимо от того, кто приходит к власти. В этой связи автор счел целесообразным рассматривать современное состояние двусторонних связей не хронологически – поскольку вектор на укрепление партнерства был задан ещё в 1988-1991 гг., – а через призму проблемного подхода, отражающего те факторы, которые наиболее негативно отражаются на диалоге Нью-Дели и Пекина и препятствуют развитию имеющегося потенциала.

2.1. Военно-политическое сотрудничество/соперничество Индии и Китая

2.1.1. Военные потенциалы Индии и Китая

Согласно ежегодному докладу американских экспертов GlobalFirepower, в 2020 г. по ***индексу военной мощи*** (Powerindex – Global Military Strength) Китай и Индия занимают 3 и 4 позиции рейтинга соответственно. Данный рейтинг, будучи одним из наиболее авторитетных показателей, основывается на анализе более 50 факторов, среди которых важное место отведено географическим факторам, естественным ресурсам и степени развития промышленности. В то же время этот индекс не принимает в расчёт ядерные арсеналы, хотя и признает их значимыми. Впрочем, в отличие от Индии, КНР на законных основаниях обладает ядерным оружием, что лишь усиливает и без того прочные позиции китайской армии,

которая практически по всем параметрам в количественном отношении намного превосходит индийскую. Исключение составляют: численность лиц, ежегодно достигающих призывного возраста (Индия занимает первое место в мире, Китай – второе); потенциальный мобилизационный резерв (Индия на третьей строчке, Китай – на двенадцатой); а также общий боевой и численный состав военно-транспортной авиации (3 и 4 позиции в общемировом рейтинге)[211].

Индийская и китайская ***армии*** являются самыми многочисленными в мире, что вполне естественно, учитывая население обоих государств. Так, на действующей службе в Индии находится 1 444 000 военнослужащих, из них на сухопутные войска приходится 1 237 000, военно-морской флот – 67 000, военно-воздушные войска – 127 200, береговая охрана – 12 600 человек. По этому показателю Индия уступает только Китаю, для которого этот показатель находится на уровне чуть более 2,1 млн человек, из которых на сухопутные войска приходятся 975 тыс., военно-морской флот – 250 тыс., военно-воздушные войска – 395 тыс., стратегические ракетные войска – 120 тыс., силы стратегического обеспечения – 145 000, другие виды войск – 145 тыс. человек. Помимо этого, в стране насчитывается 1 155 000 солдат и офицеров запаса, а также 941 000 человек из военизированных формирований (здесь она занимает второе место после России, где их число составляет 2 млн. человек), в то время как КНР располагает 510 и 660 тысячами человек соответственно[212].

Безусловно, количественное различие отражает разницу в ***военных бюджетах*** двух стран: в 2018 г. Пекин выделил на военные цели практически 250 млрд долл. США, в то время как Дели почти в 4 раза меньше – 66,5 млрд долл. США[213]. Согласно данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, за двадцать лет военный бюджет Индии увеличился почти в 3 раза: с 24,3 млрд. долларов в 1998 г. до 43,8 в 2008 году и 66,5 млрд. долл. США в 2018 г. (в соответствии с постоянными ценами в долларах США

[211] 2020 Military Strength Ranking. // Global Firepower – URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp
[212] The Military Balance 2019. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics, p. 26, 256, 266. London: The International Institute for Strategic Studies. Routledge, 2019. – 520 p.
[213] Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. // Oxford University Press, 2019. – 704 p.

2017 г.)[214]. В Китае за период 1989-2018 гг. военные расходы возросли с 19,3 млрд до 249,9 млрд. долл. США, или почти в 13 раз[215]. Несмотря на столь существенные суммы, обе страны пока не могут сравниться с американцами, военный бюджет которых составил около 649 млрд долл. США (36% общемировых военных расходов), хотя и входят в тройку стран с крупнейшими военными расходами. Это показывает значимость этой статьи расходов для обоих государств, хотя вкладываемых ресурсов всё же недостаточно, чтобы кардинально изменить соотношение сил[216]. Стоит, однако, отметить, что в процентном соотношении (военный бюджет как процент от ВВП) ситуация несколько иная: для Индии – 2,4%, для Китая – 1,9%[217]. При этом доля военных расходов в валовом внутреннем продукте постепенно снижалась: в Индии с 3,7% в 1988 г. до 2,6% в 2008 г. и 2,4% в 2018 г.; а в КНР – с 2,5% в 1989 г. до 1,9% в 2018 г.[218]. В любом случае, учитывая размеры китайской экономики, которая в несколько раз масштабнее индийской, количественный перевес в пользу КНР не выглядит удивительным. Вместе с тем проблема индийского военного бюджета состоит не столько в его объёме, сколько в распределении на различные нужды. С учетом пенсионных затрат примерно три четверти всего оборонного бюджета идёт на выплаты заработной платы и пособий, соответственно лишь 25% приходится на поддержание имеющейся техники и модернизацию[219], при этом численность индийской армии продолжает расти, что негативно отражается на

[214] Military expenditure by country, in constant (2017) US$ m., 1988-2018. // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) – 2019. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932018%20in%20constant%20%282017%29%20USD%20%28pdf%29.pdf
[215] Ibidem.
[216] Shukla A. Boots on the Ground Need Bucks in the Wallet. // Business Standard – 06.2019. – URL: https://www.business-standard.com/article/opinion/boots-on-the-ground-need-bucks-in-the-wallet-119062500030_1.html.
[217] Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. // Oxford University Press, 2019. – 704 p.
[218] Military expenditure by country as percentage of gross domestic product, 1988-2018. // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) – 2019. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932018%20as%20a%20share%20of%20GDP%20%28pdf%29.pdf
[219] India Spends a Fortune on Defense and Gets Poor Value for its Money. // The Economist – 03.2018. – URL: https://www.economist.com/asia/2018/03/28/india-spends-a-fortune-on-defence-and-gets-poor-value-for-money

развитии военной сферы и её конкурентоспособности[220]. Для сравнения: на финансирование армии Китай тратит около 30% военного бюджета[221], США – примерно 25%[222]. Интересным фактом является и распределение средств между различными родами индийских войск (оценки приведены на 2017/2018 гг.): армия – 55,9%, авиация – 22,5%, флот – 14,6%[223], – и это в условиях того, что именно последние два являются столпами на пути достижения Индией желаемого статуса «морской державы», а военно-воздушные силы ещё и находятся в авангарде защиты сухопутных границ. На исследования и разработки выделяется всего 5,7%, что явно недостаточно для прорывных результатов в этой сфере[224].

Отметим, что арсеналы двух стран кардинально отличаются друг от друга, что обусловлено их историческим становлением и экономическим подкреплением. К примеру, в отличие от Индии Китай обладает пусковыми установками межконтинентальных баллистических ракет (70 ед.) и тяжёлыми бомбардировщиками (193 ед., что больше, чем в США и РФ)[225] – и те, и другие изначально базировались на советских аналогах, поскольку технологии передал СССР[226]. В остальном спектр вооружений индийских и китайских военных в общем-то схож, с той лишь разницей, что, помимо артиллерии, последние во всём превосходят первых[227].

Всё это вполне объяснимо, если становление вооруженных сил рассматривать в исторической ретроспективе. КНР была образована в результате

---

[220] Kelkar A. What the defence budget 2019 says about the Indian Army. // Observer Research Foundation – 02.2019 – URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/what-the-defence-budget-2019-says-about-the-indian-army-48210/

[221] Cordesman A.H., Kendall J. Estimates of Chinese Military Spending, p. 6. // Center for Strategic and International Studies – 09.2016. – URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160928_AHC_Estimates_Chinese_Military_Spending.pdf

[222] Military Personnel. // Congressional Budget Office – URL: https://www.cbo.gov/topics/defense-and-national-security/military-personnel

[223] Defence Manufacturing. // Invest India, National Investment Promotion and Facilitation Agency of India. – URL: https://www.investindia.gov.in/sector/defence-manufacturing

[224] Ibid.

[225] The Military Balance 2019. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics, p. 26. / London: The International Institute for Strategic Studies. Routledge, 2019. – 520 p.

[226] DF-1. // Global Security: Weapons of Mass Destruction (WMD) – 07.2011. – URL: https://www.globalsecurity.org/wmd/world/china/df-1.htm; China's Air Force: from Shield to Sword. // Russian International Affairs Council – 01.2016. – URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/vvs-kitaya-ot-shchita-k-mechu/

[227] The Military Balance 2019. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics, p. 26. / London: The International Institute for Strategic Studies. Routledge, 2019. – 520 p.

Гражданской войны, соответственно руководство страны изначально прекрасно осознавало всю важность развития вооружений для отстаивания собственной независимости, а Советский Союз помогал идеологически дружественной стране и в дальнейшем укреплении военного потенциала, особенно на фоне жёсткого противостояния с капиталистическим миром во главе с США в условиях биполярной системы. Что касается Индии, то её история обретения суверенитета также весьма показательна: Джавахарлал Неру был последовательным сторонником идей М. Ганди о ненасильственном пути развития, руководствуясь принципами идеализма, в том числе и во внешней политике[228]. Первоочередной приоритет отдавался решению социально-экономических проблем, в связи с чем остальные направления уходили на второй план. Война с Китаем в 1962 г. вынудила индийское правительство пересмотреть свой подход в отношении военного потенциала страны – индийский премьер заявил о необходимости создания вооруженных сил, «всеми способами, имеющимися в… распоряжении»[229]. Существенная ***модернизация***, однако, стала предприниматься обеими сторонами уже в постбиполярный период, когда изменилась международная архитектура безопасности и возникла острая необходимость не просто в наращивании военного арсенала, но и в значительном качественном обогащении его инновационными разработками как иностранного, так и отечественного происхождения. Экономическое развитие сыграло не последнюю роль в модернизации военных сил: по этому параметру Пекин (реформы Дэн Сяопина 1970-х – 1980-х гг.), как известно, опередил Дели (либерализация началась в 1991 г.) более чем на десятилетие, что предопределило в том числе и военное превосходство[230]. Таким образом, уже изначальные условия

[228] Sahu J., Kumar A. India's China policy under Manmohan Singh: Responsive Engagement, p. 407. // Reggy G.J. Dynamics of India and China Relations: Implications for New World Order – UGC Centre for Southeast Asian & Pacific Studies, 2016. – 484 P.

[229] Цит. по.: Юрлов Ф.Н. История Индии. XX век, с. 386. / Ф. Н. Юрлов, Е. С. Юрлова. – Москва: ИВ РАН, 2010. – 910 с.

[230] Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949–2014 гг., с. 112. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. – С. 106–129. – URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/255/KASHIN_4_2013.pdf

формирования военной политики стран отличаются, что отразилось и на составе их вооружений.

Индийские и китайские ВПК входят в список крупнейших в мире. Среди военных гигантов Индии отметим такие, как ведущая индийская авиастроительная компания Hindustan Aeronautics, группа компаний по производству боеприпасов Indian Ordnance Factories, один из крупнейших поставщиков электронной аппаратуры для индийской армии Bharat Electronics и один из индийских производителей боеприпасов и ракетных систем Bharat Dynamics[231]. Из китайских выделим следующие: Корпорация авиационной промышленности Китая, крупнейший в стране производитель самолетов; Китайская корпорация аэрокосмической науки и промышленности, главный производитель ракетных и космических систем; Китайская корпорация электронных технологий, ведущий производитель электроники и компонентов для военных товаров (таких, как радары, программное обеспечение); Китайская северная промышленная корпорация и Китайская южная промышленная корпорация, производящие самую разнообразную сложную военную технику (гранатометы, легкая и бронированная техника, танки, самолеты, беспилотные летательные аппараты, артиллерия, системы ПВО, высокоточные ударные системы, ракеты и т.д.); а также такие судостроительные компании, как Китайская судостроительная корпорация и Китайская государственная судостроительная корпорация[232].

Между тем в новом столетии Индия стала абсолютным лидером по пакету заказов на ***импорт продукции военного назначения***: за период 1998-2018 гг. она импортировала вооружений на сумму 50 млрд. долл. США, КНР за этот же период оказался вторым с 38,6 млрд. долл. США. При этом в относительных цифрах в 2014-2018 гг. на первую страну пришлось 9,5% мирового импорта вооружения (лидером по этому показателю является Саудовская Аравия с 12%),

[231] SIPRI Arms Industry Database. // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) – 2019. – URL: https://www.sipri.org/databases/armsindustry
[232] Estimating the Arms Sales of Chinese Companies, p. 3. // SIPRI Insights on Peace and Security № 2020/2 – 01.2020. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-01/sipriinsight2002_0_0.pdf

на вторую – 4,2% (6 строчка рейтинга)[233]. Это связано с тем, что азиатские гиганты пока не могут самостоятельно преодолеть инновационно-технологический разрыв с развитыми государствами за счет внутренних возможностей, а логика геополитической конкуренции вынуждает проводить модернизацию ускоренными темпами, соответственно новейшие технологии импортируются из стран-лидеров в военной сфере как в форме закупок вооружений, так и посредством трансфера технологий, либо же организовываются совместные компании (российско-индийский завод по выпуску автоматов Калашникова Indo-Russian Rifles Private Limited[234]; российско-китайское производство тяжёлых вертолётов[235]).

Нельзя не сказать и о ***ядерном факторе***, который, как известно, осложняет отношения двух государств и потому требует отдельного рассмотрения. Так, Индия стала ядерной державой еще в мае 1974 г., хотя тогда руководство страны заявляло о «мирном характере» испытаний[236], объявив о военной ядерной программе лишь после тестов 1998 г.[237]. С КНР ситуация обстоит несколько иначе: Пекин, не без помощи Советского Союза, стал ядерной страной в 1964 г., и в момент подписания ДНЯО Китай стал одним из пяти государств, обладающих ядерным оружием на законных основаниях[238]. В отличие от индийцев китайцы с самого начала преследовали именно военные цели и стали развивать ядерную программу, в связи с чем и индийское руководство приняло решение о начале ядерной программы, хотя свою роль в этом сыграла и смерть Неру в тот же год,

---

[233] SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Summary, p. 9. // Oxford University Press, 2019 – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/YB16-Summary-ENG.pdf

[234] Индия начала делать автоматы Калашникова вместо своих винтовок. // Lenta.ru – 03.2019. – URL: https://lenta.ru/news/2019/03/03/kalash/

[235] Milenkovic A. China-Russia heavy helicopter cooperation: Making the rotorcraft of the future. // CGTN: Technology – 04.2019. – URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d674e7a4d544f33457a6333566d54/index.html

[236] Weinraub B. India Becomes 6th Nation to Set off Nuclear Device, p. 1. // The New York Times – 05.1974. – URL: https://www.nytimes.com/1974/05/19/archives/india-becomes-6th-nation-to-set-off-nuclear-device-india-signed.html

[237] Burns J.F. India Sets 3 Nuclear Blasts, Defying a Worldwide Ban; Tests Bring a Sharp Outcry, p. 1. // The New York Times – 05.1998. – URL: https://www.nytimes.com/1998/05/12/world/india-sets-3-nuclear-blasts-defying-a-worldwide-ban-tests-bring-a-sharp-outcry.html

[238] Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance. // The Arms Control Association – 07.2019. – URL: https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswhohaswhat

когда прошло китайское испытание[239]. Отметим, что Индия, считавшая Договор о нераспространении ядерного оружия дискриминационным по отношению к неядерным государствам, а ядерное оружие – непременным элементом «великих» держав и необходимым фактором для вступления в Совет Безопасности ООН, а также необходимой мерой для защиты от ядерных соседей, настаивала на признании мировым сообществом ядерного статуса и обещала отказаться от ядерного оружия, когда и остальные члены «ядерного клуба» от него откажутся[240]. Кратко индийскую позицию по ***Договору о нераспространении ядерного оружия*** можно охарактеризовать так: договор неравноправный для ядерных и неядерных держав, так как первые не делают шаги по разоружению (хотя по сокращению делают) и не берут обязательства передачи ядерных установок под международный контроль, в то время как последние должны не только отказаться даже от возможности производства ядерного оружия, но и обязаны передать всю атомную энергетику под международные гарантии[241]. С другой стороны, документ не содержит и никаких гарантий в случае нападения ядерной державы на неядерную – Дели был особенно обеспокоен угрозой со стороны ядерной КНР[242]. В 1996 г. Индия, в отличие от Китая, не подписала ***Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний*** (ДВЗЯИ), хотя в 1993 г. выступила одним из его инициаторов[243]. Это было обусловлено двумя факторами: во-первых, индийское предложение о включении в текст документа сроков ликвидации всего ядерного оружия внесен не был, а во-вторых, Нью-Дели не хотел связывать себе руки, считая, что другие страны, по сути, только формально декларировали свою приверженность ядерному разоружению[244].

---

[239] Parthasarathy G. Beware the China-Pakistan nuclear axis. // The Hindu Business Line – 11.2017. – URL: https://www.thehindubusinessline.com/opinion/beware-the-china-pakistan-nuclear-axis/article22220540.ece1#

[240] Юрлов Ф.Н. История Индии XX век, с. 743–744. / Ф. Н. Юрлов, Е. С. Юрлова. – Москва: ИВ РАН, 2010. – 910 стр.

[241] Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991, p. 263. Honolulu: University Press of the Pacific, 1993.

[242] Ibid, p. 264.

[243] Арбатов А.Г., Белокреницкий В.Я., Москваленко В.Н., Чуфрин Г.И., Шаумян Т.Л. Ядерное противостояние в Южной Азии Арбатов, с. 11. // Под. ред. А. Арбатова, Г. Чуфрина. Московский Центр Карнеги – 2005.

[244] Там же.

В 2008 г. Индия, по оценкам экспертов, имела от 60 до 70 ядерных боезарядов[245], а в 2018 г. Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (SIPRI) оценил их количество в 130-140[246]. Китай, в свою очередь, располагал 176 ядерными боезарядами в 2008 г.[247], а к 2018 г. их количество увеличилось до 290[248]. Индия использует преимущественно плутоний для ядерного оружия, КНР – и плутоний, и обогащённый уран[249]. В последнее время Дели также стал наращивать мощности по производству высокообогащенного урана, которые необходимы преимущественно для программы развития атомных подводных лодок[250]. Ещё в 1999 г. Дели заявил о необходимости наличия всей триады доставки ядерного оружия – воздушной, сухопутной и морской[251]. В декабре 2008 г., 10 лет спустя ядерных испытаний 1998 г., Индия заявила об успешном формировании ядерной триады, последним компонентом которой стала атомная подводная лодка типа «Арихант»[252]. КНР же ещё в 1987 г. достигла этой цели, введя в строй лодку-ракетоносец проекта 092 (типа «Ся»)[253]. При этом Дели с самой первой ядерной доктрины (1999 г.) придерживается принципа «неприменения первым»[254] – принцип, который взял на себя Пекин ещё с момента обретения ядерного оружия[255]. На сегодня Индия добилась ряда достижений в ракетной сфере. Так, страна уже обладает несколькими типами баллистических

---

[245] SIPRI Yearbook 2008: Armaments, Disarmament and International Security. Summary, p. 367. // Oxford University Press, 2008. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/YB08%20366%2008A.pdf
[246] SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Summary, p. 11. // Oxford University Press, 2019. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/YB16-Summary-ENG.pdf
[247] SIPRI Yearbook 2008: Armaments, Disarmament and International Security. Summary, p. 367. // Oxford University Press, 2008. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/YB08%20366%2008A.pdf
[248] SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Summary, p. 11. // Oxford University Press, 2019. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/YB16-Summary-ENG.pdf
[249] Ibidem.
[250] Countries: India. // International Panel on Fissile Materials – 02.2018. – URL: http://fissilematerials.org/countries/india.html
[251] India Moves Closer to Nuclear Triad. // The Arms Control Association – 08.2012. – URL: https://www.armscontrol.org/act/2012-08/india-moves-closer-nuclear-triad
[252] INS Arihant completes India's nuclear triad, PM Modi felicitates crew. // The Economic Times – 12.2018. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/ins-arihant-completes-indias-nuclear-triad-pm-modi-felicitates-crew/articleshow/66509959.cms?from=mdr
[253] Богданов К.В. Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики, с. 88. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2018. Т. 11. № 6. – С. 81–95.
[254] India's Draft Nuclear Doctrine. // The Arms Control Association – 07.1999. – URL: https://www.armscontrol.org/act/1999-07/indias-draft-nuclear-doctrine
[255] Евстафьев Г.М. Неприменении ядерного оружия первыми. // ПИР-Центр – URL: http://www.pircenter.org/sections/view/section_id/147

ракет наземного базирования: Prithvi-II и Agni-I ближнего радиуса действия, Agni-II промежуточного радиуса действия и Agni-III среднего радиуса действия; а Agni-IV среднего радиуса действия и межконтинентальная ракета Agni-V (по крайней мере к таковым её относит Международный институт стратегических исследований, однако до 5500 км она не долетает около 200-300 км) всё ещё находятся в стадии испытания[256]. Дели также обладает одной ракетой морского базирования – Dhanush с радиусом действия 400 км, в разработке находятся K-15 (Sagarika) радиусом действия 700 км и K-4 с радиусом около 3500 км[257]. Основным самолетом для нанесения ядерного удара по-прежнему считаются Mirage 2000H и Jaguar IS, которые постепенно устаревают, а значит уже не могут конкурировать на равных с возможностями других ядерных держав[258]. Впрочем, Индия постепенно модернизирует и пополняет свой арсенал, при этом современные направления ядерных разработок говорят о том, что руководство учитывает возможность потенциального конфликта с Китаем[259]. КНР обладает значительно большим спектром ядерного арсенала, нацеленного на «минимальное сдерживание», нежели Индия, при этом радиусы действия китайских ракет рассчитаны преимущественно на противодействие региональным игрокам, хотя на вооружении имеются и межконтинентальные баллистические ракеты (по оценкам экспертов, около 80 из них могут достичь континентальной территории США)[260]. Китай рассматривается мировым сообществом и военными стратегами как потенциальная сверхдержава, в том числе с учётом текущих трендов модернизации и перспектив наращивания ядерного потенциала, который, несмотря на то что на данном этапе довольно сильно отстаёт от российского и американского, всё же развивается достаточно активно. В скором будущем ожидается, что китайский ядерный арсенал превысит французский, занимающий

[256] The Military Balance 2019. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics, p. 267. London: The International Institute for Strategic Studies. Routledge, 2019. – 520 p.
[257] Kristensen H. M., Korda M. Indian nuclear forces, p. 365. // Bulletin of the Atomic Scientists, 2018. 74(6). – P. 361–366. DOI: 10.1080/00963402.2018.1533162
[258] Ibid., p. 362.
[259] Ibid., p. 361.
[260] Kristensen H.M., Korda M. Chinese nuclear forces, pp. 172-174. // Bulletin of the Atomic Scientists, 2019. 75(4). – P. 171–178. DOI: 10.1080/00963402.2019.1628511

третью позицию в мире и опережающий китайский не более чем на 20 ядерных боезарядов[261]. На этом фоне Индия пока представляется, скорее, «догоняющей» страной, нежели реальным конкурентом.

Что касается новейших технологий в сфере ***кибербезопасности***, то оба государства добились достаточно значительных успехов на этом направлении. Тем не менее, если Индия более известна программным обеспечением в гражданской сфере, тогда как военные разработки в этой направлении пока не носят приоритетный характер, то Китай зарекомендовал себя именно как государство, развивающее программы по укреплению безопасности в киберпространстве и осуществляющее кибератаки на другие государства, которые зачастую именуются, хотя это и не правомерно, «полномасштабной войной»[262]. Несмотря на то, что большая часть кибератак на Индию происходит именно с китайской стороны (по оценкам 2018 г. – 35%), индийцы продолжают воздерживаться от ответных шагов. Они придерживаться оборонительной, а не наступательной позиции, и по-прежнему рассматривают конвенциональный конфликт с Пакистаном и соперничество с Китаем в геополитической сфере как более значимые[263]. По ***беспилотным летательным аппаратам*** (БЛА), которые приобретают всё большее значение для реализации военных целей, КНР уже зарекомендовала себя как «восходящая держава», представив несколько видов дронов (в том числе подводный) достаточно высокого уровня на военном параде, посвящённом 70-летию Республики[264]. Дели на данный момент обладает примерно 100 БЛА, но, как и в случае с кибертехнологиями, пока не интегрирует их использование в свои военные доктрины и не полностью реализовывает имеющийся потенциал, что является необходимым в условиях протяжённой

[261] Ibid., p. 171.
[262] Куприянов А.В. Индия в эпоху кибервойн. // РСМД: Аналитические статьи – 07.2019. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-epokhu-kibervoyn/
[263] Radziszewski E., Hanson B., Khalid S. India's Response to China's Cyber Attacks. // The Diplomat – 07.2019. – URL: https://thediplomat.com/2019/07/indias-response-to-chinas-cyber-attacks/
[264] China exhibits advanced drones, unmanned underwater vehicles in military parade. // Xinhua – 10.2019. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-10/01/c_138439078.htm

границы с Китаем и Пакистаном, а также усиления роли морских путей[265]. ***Космическая программа*** в обеих странах также активно развивается, хотя по технологическим достижениям КНР и здесь опережает Индию, единственным превосходством которой является достижение орбиты Марса – с первой попытки и с минимальной стоимостью (74 млн долларов[266]) Индия стала четвёртой космической державой в мире, запустившей космический аппарат на Марс[267]. Оба государства работают над ***спутниковой навигацией*** регионального масштаба как альтернативами американской системе GPS (ни та, ни другая страна не хотят зависеть от американцев в вопросе получения данных), – но и на этом направлении Пекин пока впереди: китайские спутники Бэйдоу постепенно выводятся на орбиту (на данном этапе целью является формирование системы сети 5G), а с 2011 г. Китай коммерциализировал их использование, в то время как индийские IRNSS всё ещё проходят стадию «догоняющего развития»[268].

Таким образом, количественный анализ военных показателей двух государств показал, что Китай на сегодняшний день значительно лучше оснащён вооружениями, и по крайней мере в среднесрочной перспективе сохранит своё военное преимущество перед Индией с точки зрения основных параметров военной силы, однако и Дели существенно усилит свои позиции среди военных держав мира.

2.1.2. Сопоставление позиций двух стран на границе

Более детальный анализ параметров военной силы, с точки зрения других факторов (географического, геополитического и пр.), представляет несколько менее однозначную картину, хотя и показывает, что Пекин по ряду направлений

[265] Desai S. 4 Lessons for India From China's October 2019 Military Parade. // The Diplomat – 12.2019. – URL: https://thediplomat.com/2019/12/4-lessons-for-india-from-chinas-october-2019-military-parade/
[266] Пахомов Е. В гости к сыну Солнца: чего ждать от индийской космической программы? // Коммерсант – Огонёк – 08.2019. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4046336
[267] Chopra D. India and China Space Programme comparison: All you need to know. // India Today – 09.2019. – URL: https://www.indiatoday.in/education-today/gk-current-affairs/story/india-and-china-space-programme-comparision-divd-1603816-2019-09-27
[268] Kuronuma Y. India takes on China with its own navigational satellites. // Nikkei Asian Review – 11.2017. – URL: https://asia.nikkei.com/Business/Technology/India-takes-on-China-with-its-own-navigational-satellites2

всё же сильнее Дели не только в количественном, но и в качественном отношении. Однако для того, чтобы сделать выводы относительно военных преимуществ обеих сторон имеет смысл рассмотреть их позиции на границе.

Де-факто ***сухопутная граница*** между Индией и Китаем, или «линия фактического контроля», является самой протяжённой спорной демаркационной линией в мире[269]. По индийским оценкам, граница насчитывает почти 3,5 тысячи километров[270]. Граница условно состоит из трёх зон: Западной (Ладакх, Кашмир), Центральной (Уттаркханд, Химачал Прадеш) и Восточной (Сикким, Аруначал–Прадеш)[271]. Спорными, при этом, являются преимущественно территории индийского штата Аруначал–Прадеш, которые китайцы именуют Южным Тибетом, и регион Аксай Чина, который де-факто управляется Китаем, но индийцы считают частью Ладакха[272].

Притязания обеих сторон обусловлены стратегическим характером этих районов: Аруначал–Прадеш для Индии – это и связь с другими северо-восточными штатами, и среднее течение одной из трех важнейших для страны рек – Брахмапутры; Китай же стремится отодвинуть границу от столицы Тибетского автономного района (ТАР) Лхасы, от которой до «линии Макмагона» только 250 км[273]. Китайские действия обосновываются и с культурно-религиозной точки зрения: Китай контролирует все места инкарнации Далай-Ламы, кроме Таванга – «единственного места на тибетском плато, находящегося за пределами территории современного Китая» – где может произойти инкарнации нового Далай-ламы, что крайне важно, учитывая тибетский фактор[274]. Аксай Чин значим

---

[269] Rehman I. A Himalayan Challenge: India's Conventional Deterrent and the Role of Special Operations Forces along the Sino-Indian Border, p. 131. // Naval War College Review – Winter 2017, Vol. 70, № 1. – URL: https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/Winter2017Review_Rehman.pdf

[270] Annexure – I. // BM-I Division, Department of Border Management – URL: https://mha.gov.in/sites/default/files/BMdiv_I_Annexure_I_30012020.pdf

[271] All you want to know about the Line of Actual Control (LAC). // The Times of India – 09.2014. – URL: https://timesofindia.indiatimes.com/all-you-want-to-know-about-the-line-of-actual-control-lac/listshow/42893743.cms

[272] Васильев Е.Л. К вопросу о территориальных спорах Китая, с. 183. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – М.: ФГБУ ИДВ РАН, 2017.

[273] Терехов В.Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние, с. 58. // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 57–76.

[274] Чжун Ж. Южный Тибет (Таванг) в китайско-индийских отношениях, с. 107–108. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2015. – № 1. – С. 99–118.

для Пекина в связи с тем, что является частью Тибетского плато и соединяет Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) с ТАР[275].

Внимания заслуживает не только протяжённость границы, но и её рельефность: между двумя азиатскими гигантами пролегает цепь высочайших в мире Гималайских гор, и противостояние связано с необходимостью отстаивания стратегических позиций. При этом стоит помнить и о ***приграничных странах***, которые также выступают некими «реперными точками» стратегических преимуществ каждой из сторон. Так, отношения двух стран в западном секторе осложняются пакистанским фактором и возможностью открытия «второго фронта»[276]. На центральном направлении речь идёт о Непале и Бутане, которые, будучи расположены между двумя азиатскими гигантами, сегодня представляют собой «буферные» государства, а в случае конфликта могут стать, своего рода, плацдармами для наступления Китая[277]. При этом обе гималайские страны обрамляют являющийся «воротами в Тибет» индийский штат Сикким, принадлежность которого некогда оспаривалась Китаем[278]. Недавний конфликт, связанный с началом строительства железной дороги китайцами в районе плато Доклам, территорию которого считают своей и в Тхимпху, и в Пекине, обострил и индийско-китайские противоречия, поскольку для обеих сторон оно имеет стратегическое значение: занятие китайскими войсками Доклама обеспечит им возможность продвижения в штат Сикким и последующего перекрытия так называемого «куриного горлышка» – коридора Силигури, а значит и возможность отрезать северо-восточные штаты от основной территории Индии, что грозит крайне негативными последствиями для страны[279]. Однако индийско-бутанский Договор о дружбе предусмотрительно содержит положение о том, что «ни одно

---

[275] Терехов В.Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние, с. 60. // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4 (9). С. 57–76.
[276] Унникришнан Н. Перспективы индийско-китайских отношений. // РСМД – 08.2014. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-indiysko-kitayskikh-otnosheniy/
[277] D'Ambrogio E., v.d. Vegt J., Nicklas H. Nepal, Bhutan and Their Neighbours, p. 5. // European Parliamentary Research Service: Briefing – 04.2019. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637908/EPRS_BRI(2019)637908_EN.pdf
[278] Wolpert S. A New History of India, p. 391. / New York: Oxford University Press, 1997.
[279] Наркевский Д. Чем опасен Доклам? Маленький конфликт с большими последствиями. // РСМД. – 08.2017. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chem-opasen-doklam-malenkiy-konflikt-s-bolshimi-posledstviyami/

из правительств не должно допустить использование своей территории для осуществления деятельности, наносящей вред национальной безопасности и интересам другого»[280] – по просьбе Бутана именно индийские пограничники, стоящие на китайско-бутанской границе, перекрыли китайцам доступ к продолжению строительства в 2017 г.[281]. Этот инцидент показал, что любые попытки изменения статус-кво в приграничных районах или странах напрямую связаны с изменением стратегического баланса сил между двумя странами, а потому немедленно пресекаются. В целом, с географической точки зрения, китайцы обладают преимуществом в западном секторе, индийцы несколько лучше расположены в центральном, а в восточном их позиции примерно сопоставимы.

Между тем при рассмотрении стратегических позиций важно помнить и о ***климатических условиях***. Война 1962 г. показала, что не столько общая военная подготовка и снаряжение играют важную роль для победы в конфликте, сколько готовность сражаться в условиях высокогорья. Индийское руководство должно было извлечь несколько ***уроков из войны 1962 г.***: нельзя отрицать возможность войны с Китаем, нужны вооружённые силы и техника, способные воевать в Гималаях, необходимо налаживать инфраструктуру и коммуникацию в пограничных районах. Первый пункт находит отражение в необъявленной гонке вооружений с КНР, ***соперничестве за геополитическое лидерство*** и, как отмечалось ранее, стремлении пресечь любые изменения статус-кво в приграничных районах и индийских сферах влияния (прежде всего, в Южной Азии). Второй аспект был также учтён, в том числе в связи с индо-пакистанскими конфликтами, которые также проходят в условиях высокогорья[282] – индийцы создали специальные подразделения (включая батальоны, составленные непосредственно из местных жителей, с рождения акклиматизировавшихся в

[280] India-Bhutan Friendship Treaty, p. 1. // Ministry of External Affairs, Government of India. – 03.2007. – URL: https://mea.gov.in/Images/pdf/india-bhutan-treaty-07.pdf
[281] Wuthnow J., Limaye S., Samaranayake N. Doklam, One Year Later: China's Long Game in the Himalayas. // War on the Rocks. – 06.2018. – URL: https://warontherocks.com/2018/06/doklam-one-year-later-chinas-long-game-in-the-himalayas/
[282] В 1986 г. индийцы даже захватили пакистанский пост на высоте 6400 м.

условиях Гималаев), организовали школы ***высокогорной подготовки*** (самые известные – в Кашмире и Аруначал–Прадеше), закупают и развивают особую военную технику (например, американские многоцелевые ударные вертолёты Apache и Chinook)[283]. Однако вопрос взаимосвязанности подразделений и централизованного ***командного управления***, столь необходимого в условиях потенциальной войны с сильным северным соседом, по-прежнему остаётся открытым: в отличие от Китая, который провёл реструктуризацию командований, в частности объединив свои приграничные войска в единый театр военных действий – западный[284], индийская внутривойсковая организация оставляет желать лучшего. По-прежнему сохраняется соперничество между разными родами войск, которые не могут договориться не только о централизации и переходе под единое командование, но и об объединении в рамках театров военных действий[285]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что на данный момент Индия находится в невыгодном положении, так как в случае военного конфликта каждое командование принимает решения исходя из собственного видения ситуации, синхронизация действий отсутствует, а значит происходит рассогласование и путаница, в то время как для успеха военной кампании необходима чёткая стратегия действий с каждой стороны и совместное укрепление позиций. И, наконец, что касается «третьего урока» индийско-китайской войны 1962 г., в значительной степени сохраняется ***логистическая*** проблема, что приводит к ограниченным возможностям переброски войск, организации подкрепления и поставок продовольствия. С одной стороны, это связано с рельефом местности на индийской стороне границы – если КНР заняла довольно выигрышные со стратегической точки зрения позиции (Тибетское плато, ряд высот в Гималаях) и строит сеть железнодорожного сообщения, в том

[283] Kliman D., Rehman I., Lee K, Fitt J. Imbalance of Power: India's Military Choices in an Era of Strategic Competition with China, pp. 10, 13. // Center for a New American Security – 10.2019. – URL: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/CNAS-Report_ImbalanceofPower_DoS-Proof+(1).pdf
[284] Military Regions / Military Area Commands. // Global Security.org – 10.2019. – URL: https://www.globalsecurity.org/military/world/china/mr.htm
[285] Bhutani R. Integrated Theatre Commands for the Indian Armed Forces, p. 3. // Centre for Joint Warfare Studies – 09.2018. – URL: https://cenjows.gov.in/upload_images/pdf/8.%20Bhutanui-Integrated%20Theatre%20Commands%20for%20India.pdf

числе через Пакистан, что ещё больше усиливает её преимущества перед индийцами, то последним достались преимущественно скалы с весьма суровыми условиями[286]. С другой стороны, проблема строительства и развития инфраструктуры является общенациональной, и приграничные регионы – не исключение[287]. Однако ещё одним немаловажным фактором стало то, что Индия намеренно отказалась улучшать условия в приграничных с Китаем районах, дабы не позволить китайцам аннексировать спорные территории (как это было с Тибетом, когда они построили дорогу) и не облегчать их продвижение вглубь страны в случае военного конфликта – лишь недавно эта установка стала уступать идее приобретения дополнительного стратегического преимущества над потенциальным противником посредством «обустройства» территорий и обеспечения логистического сообщения, столь нужного в мирное время, не говоря уже о военном[288]. И хотя индийцы существенно продвинулись на этом направлении, скорость и масштаб развития инфраструктурных проектов в северных штатах всё ещё не сравнимы с китайскими достижениями в южных провинциях[289]. Та же ситуация наблюдается и в сфере ***коммуникаций***: Индия значительно отстаёт от Китая, который стремительно создаёт многоуровневую коммуникационную архитектуру, проводя оптоволоконные кабели и устанавливая многочисленные терминальные спутниковые станции[290].

Что касается ***военных сил***, расположенных на границах, то в количественном соотношении индийские военные преобладают в приграничных регионах, однако ввиду особенностей китайской стратегии, китайские

---

[286] Scott D. The Great Power ‘Great Game’ between India and China: ‘The Logic of Geography’, pp. 5, 8. // Geopolitics, V. 13, 2008. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14650040701783243#aHR0cHM6Ly93d3cudGFuZGZvbmxpbmUuY29tL2RvaS9wZGYvMTAuMTA4MC8xNDY1MDA0MDcwMTc4MzI0Mz9uZWVkQWNjZXNzPXRydWVAQEAw

[287] Dangra A. The Missing Piece in India's Economic Growth Story: Robust Infrastructure. // S&P Global – 02.08.2016. – URL: https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/the-missing-piece-in-indias-economic-growth-story-robust-infrastructure

[288] Kotoky A., Bipindra N.C. After decades of neglect, India builds roads along China border. // The Economic Times – 07.2018. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/after-decades-of-neglect-india-builds-roads-along-china-border/articleshow/58833597.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

[289] Rahman M.Z. Territory, Roads and Trans-boundary Rivers: An Analysis of Indian Infrastructure Building along the Sino-Indian Border in Arunachal Pradesh, p. 61. // Eurasia Border Review, Vol.5, № 1, Spring 2014. – P. 59–75. – URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/BorderStudies/en/publications/review/data/ebr51/V5_N1_04Rahman.pdf

[290] Rehman I. A Himalayan Challenge: India’s Conventional Deterrent and the Role of Special Operations Forces Along the Sino-Indian Border, p. 108. // Naval War College Review, 70 № 1 (Winter 2017). – P. 104–142.

подразделения расположены в глубине территории, а не на передовой, при этом развитая инфраструктура призвана обеспечить быструю переброску войск, а системы наблюдения – дать сигнал о необходимости укрепить позиции в связи с наступлением иностранной армии, поэтому этот фактор нельзя считать сколь бы то ни было определяющим[291]. В то же время можно отметить относительное превосходство Индии в отношении авиации, являющейся одной из опорных сил для защиты приграничных зон: она периодически участвует в военных операциях и соответственно имеет больший военный опыт, нежели китайская[292]. Вместе с тем, китайская армия обладает гораздо большим арсеналом практически всех типов вооружений и модернизирует их гораздо быстрее, чем индийская, а потому соперничество пока развивается не в пользу Дели.

Последний аспект, на который хотелось бы заострить внимание в континентальном соотношении сил двух азиатских гигантов – это политическая ***лояльность населений*** тех областей, которые являются объектами спора. К сожалению, их мнения, как правило, не принимаются в расчёт, так как речь идёт скорее об «исторической справедливости» и геостратегических позициях обоих государств, нежели о принадлежности территорий той или другой стране по причине культурно-цивилизационной или иной близости Индии или Китаю[293]. Однако, несмотря на экономическую привлекательность потенциальных китайских инвестиций, местное население всё же настроено проиндийски, особенно в тех районах, которые исторически являлись единым Тибетом (общеизвестно, что индийцы предоставляют тибетцам убежище, и правительство Далай-ламы в изгнании располагается на территории Индии, хотя Дели и выступает против любой деятельности, направленной против Пекина). Это представляет некоторое дополнительное преимущество индийской стороне, так как в случае конфликта население вероятнее всего будет поддерживать индийцев.

---

[291] Ibid., pp. 110-111.
[292] Banerjee V., Suhas P.H. Indian Air Strategy After Balakot: The China Factor. // The Diplomat – 03.2019. – URL: https://thediplomat.com/2019/03/indian-air-strategy-after-balakot-the-china-factor/
[293] Singh D.K. Stateless in South Asia: The Chakmas between Bangladesh and India, p. 6. / SAGE Publications India, 2010. – 320 p.

Таким образом, на сегодняшний день континентальный срез военно-политического потенциала примерно сопоставим, при этом Китай обладает преимуществами в военно-техническом и инфраструктурно-коммуникационном аспектах, которые в случае войны во многом являются предопределяющими. Впрочем, нельзя чётко выделить потенциального победителя, но можно выделить слабые и сильные стороны каждой из сторон, что и было сделано в рамках рассмотрения индийско-китайских отношений на континенте.

2.1.3. Нормативно-правовые основы взаимодействия и механизмы диалога между Индией и КНР в военной и политической сфере

Обе страны, несмотря на весь клубок противоречий, понимают опасность, риски и масштабность последствий военного конфликта для двух крупнейших населений планеты. Предполагается, что даже если он всё-таки произойдёт, то будет носить ограниченный характер (хотя бы потому что обе страны обладают ядерным оружием). С целью предотвращения недопонимания Дели и Пекин выстраивают диалог в различных сферах – экономике, политике, культуре и военной сфере, при этом именно политический диалог стал активатором связей в других областях и рассматривается как отправная точка, способствующая снижению взаимного недоверия и развитию военно-политического сотрудничества, оказывающая так называемый «эффект перелива» (spillover effect). Напомним, что в 1988 г. были заложены основы для переговоров по важнейшим вопросам двустороннего, регионального и глобального масштаба, а также по принципиальному территориальному вопросу, который было решено «вынести за скобки» остальных сфер партнёрства, дабы их можно было развивать вне зависимости от сложностей, связанных с пограничными спорами[294]. С этой целью была создана ***Совместная рабочая группа (СРГ) по пограничному вопросу***, усилиями которой были в дальнейшем выработаны базовые условия

[294] Daftari M. Sino-Indian Relations and “Encounters”: Challenges and Opportunities in the Nineties, p. 288. // China Report, 30(3) – 1994. – P. 283–293.

взаимодействия двух сторон в приграничных районах[295]. Следующим прорывом можно считать визит премьер-министра Индии Нарасимха Рао в Пекин в 1993 г., во время которого, во многом благодаря усилиям СРГ, было подписано «***Соглашение о поддержании мира и спокойствия вдоль линии действительного контроля***», ставшее первым шагом в юридическом закреплении де-факто сухопутной границы между двумя государствами[296]. Визит Председателя КНР Цзян Цзэминя в Дели в 1996 г. заложил второй столп для нормализации ситуации на линии фактического контроля (Line of Actual Control) – «***Соглашение о мерах доверия в военной области вдоль линии действительного контроля на индийско-китайской границе***»[297]. Оба договора по сей день являются принципиальными для Индии и Китая, поскольку подтверждают принципы мирного сосуществования, озвученные ещё в 1954 г. в Соглашении о торговых отношениях между Индией и Тибетским районом Китая, и являются «рамкой» для всех последующих нормативно-правовых основ двустороннего взаимодействия[298]. Ядерные испытания 1998 г. несколько снизили интенсивность политического диалога, но не прервали его, а очередная активизация индийско-китайских политических отношений пришлась на 2000-е гг. В частности, 2003 г. ознаменовался визитом Атала Бихари Ваджпаи (уже в роли премьер-министра Индии) в Китай и подписанием ***Меморандума о расширении приграничной торговли***, который, по сути, зафиксировал два важных момента с точки зрения территориальных споров: во-первых, Китай де-факто признал Сикким индийским, а Индия – Тибет как Тибетский автономный округ в составе КНР; во-вторых, документ явил собой шаг навстречу укреплению доверия, поскольку имел видимые положительные последствия для обеих сторон и продемонстрировал готовность сторон налаживать реальное взаимодействие,

[295] Sali M.L. India-China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector, p. 120. // APH Publishing, 1998 – 313 p.
[296] Ibid., 126.
[297] Уянаев С. Китай–Индия: отношения в начале нового столетия, с. 22. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. – С. 19–30. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_13060310_29714639.pdf
[298] Там же, с. 20-21.

несмотря на сохраняющиеся противоречия[299]. 2005 год закрепил ***принадлежность Сиккима*** Индии, о чём свидетельствовала ***официальная китайская карта***, переданная китайской делегацией индийскому руководству во главе с Манмоханом Сингхом[300]. Отметим, что в этот же визит стороны охарактеризовали индийско-китайские отношения как имеющие «глобальный и стратегический характер», в связи с чем было заявлено о формировании «индийско-китайского стратегического и совместного партнерство во имя мира и процветания»[301].

Приход к власти Нарендры Моди в 2014 г. придал дополнительный импульс динамике развития индийско-китайского политического взаимодействия. За время первого срока индийский премьер дважды посетил Китай с официальным визитом (в 2014 и 2015 гг.), при этом стороны подписали около 40 соглашений по развитию отношений в различных сферах – от торговли до космоса, а также около 30 меморандумов о взаимопонимании, в том числе по вопросам изменения климата[302]. В 2016 г. Президент Индии Пранаб Мукерджи также нанёс визит в Китай, в ходе которого были подписаны меморандумы о взаимопонимании в сфере образования и научных исследований[303]. Подлинным же прорывом считается первый в истории двусторонних отношений ***неофициальный саммит***[304] лидеров Индии и Китая, состоявшийся в г. Ухань провинции Хубэй в 2018 г.[305]. Событие стало знаковым, поскольку главы двух государств смогли обменяться мнениями относительно наиболее чувствительных вопросов

---

[299] Documents signed between India and China during Prime Minister Vajpayee's visit to China. // Ministry of External Affairs, Government of India – 06.2003. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7692/Documents+signed+between+India+and+China+during+Prime+Minister+Vajpayees+visit+to+China

[300] Лунёв С.И. Территориальные и пограничные проблемы Южной Азии, с. 203. // Под ред. Д.В. Стрельцова. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. — 319 с.

[301] Joint Statement of the Republic of India and the People's Republic of China. // Ministry of External Affairs, Government of India – 04.2005. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/6577/Joint_Statement_of_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China

[302] India-China Bilateral Relations, pp. 1-2. // Ministry of External Affairs, Government of India – 09.2019 – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf

[303] Ibid., p. 2.

[304] Встреча лидеров государств, при которой не предполагается следование протоколу, а повестка дня заранее не согласовывается, при этом круг вопросов для обсуждения не ограничен условностями.

[305] India-China Informal Summit at Wuhan. // Ministry of External Affairs, Government of India – 04.2018 – URL: https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29853/IndiaChina_Informal_Summit_at_Wuhan

двусторонних отношений «без галстуков» и восстановить диалог на фоне предшествовавших событий вокруг плато Доклам, а кроме того – продемонстрировать всему миру взвешенность во взаимодействии друг с другом и согласие по многим вопросам глобальной политики[306]. Стороны решили регулярно проводить подобные неформальные встречи, при этом главы государств часто встречаются и на полях многосторонних форумов, а в целом между азиатскими гигантами создано множество механизмов взаимодействия по широкому спектру вопросов на самом разном уровне.

Стоит отдельно отметить ***двусторонние форматы военно-политического сотрудничества***, призванные смягчить конфликтный потенциал и наладить взаимодействие сторон в случае конфликтных ситуаций: встречи министров обороны двух стран, ежегодный Индийско-китайский диалог по безопасности (India-China Annual Defence and Security Dialogue), двусторонние учения «Рука об руку» (нацелены преимущественно на проведение антитеррористических операций), военно-образовательные обмены, участие в Международном смотре флотов (International Fleet Review; в 2016 г. был организован Индией, в 2018 г. – Китаем)[307], а также совместное участие в Мирной миссии ШОС и иных форматах (например, в организуемых США Учениях стран Азиатско-Тихоокеанского региона RIMPAC). Отметим также, что некоторым «фасилитатором» между Дели и Пекином выступает Москва в рамках РИК, ШОС и проекта «Большая Евразия».

Таким образом, можно сделать следующие заключения. Во-первых, количественно Китайская Народная Республика в военном аспекте гораздо сильнее Республики Индия, при этом данный разрыв не будет преодолен в ближайшей перспективе в силу разных экономических и институциональных возможностей двух государств. Учитывая экономическую мощь КНР в мире, не остается сомнений в том, что её вес в международных отношениях будет только увеличиваться.

---

[306] Pant V.H. The limits of informality. // Observer Research Foundation – 10.2019. – URL: https://www.orfonline.org/research/the-limits-of-informality-56585/

[307] India-China Bilateral Relations, p. 4. // Ministry of External Affairs, Government of India – 09.2019. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf

Во-вторых, обе страны на сегодняшний день отдают приоритет другим направлениям внешней политики с точки зрения их реальной угрозы национальной безопасности. В то же время, хотя на данный момент конкуренция между ними носит относительно скрытый характер, Дели и Пекин уже активно соперничают друг с другом, что в долгосрочной перспективе может обернуться открытым противостоянием за влияние в Азии и в глобальной политике. Индия, как и Китай, является членом Большой Двадцатки, ШОС, БРИКС, ВАС и иных международных объединений, что доказывает её влияние на международной арене, но этого пока недостаточно: достаточно вспомнить, что Китайская Народная Республика является одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, что дает ей право решать наиболее серьёзные и значимые вопросы международных отношений, а Индия такого статуса не имеет, при этом Китай – практически общепризнанная потенциальная «сверхдержава», в то время как Индия пока претендует на признание в качестве «великой державы». Так или иначе, Дели и Пекин являются полюсами силы и уже сейчас рассматривают друг друга как соперники в долгосрочной перспективе, что во многом обусловлено глубоко укоренившимся недоверием обоих друг другу, остающимся неизменной константой двустороннего военно-политического взаимодействия.

Проведенный анализ показал, что с точки зрения географического положения, стороны занимают примерно одинаковые позиции в пограничных зонах. Сотрудничество в отношении пограничных споров, начавшееся с конца 1980-х – начала 1990-х, продолжается по сей день, и, хотя сложная ситуация на границе иногда негативно сказывается на выстраивании диалога, территориальный вопрос так и остаётся на повестке дня именно как следствие, а не как первопричина противоречий между двумя государствами[308]. В этой связи политический диалог можно смело назвать одним из сдерживающих факторов в спорах двух стран, он же может считаться «триггером» развития отношения в смежных сферах взаимодействия. С другой стороны, нужно принять во внимание

[308] Лунёв С.И. Территориальные и пограничные проблемы Южной Азии, с. 204–205. // Под ред. Д.В. Стрельцова. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2013. — 319 с.

и усиливающуюся взаимосвязанность двух региональных акторов, влияние внешних игроков на баланс сил в Азии и общую направленность усилий в противостоянии западной гегемонии и решении региональных проблем, требующих совместных усилий и сотрудничества между Индией и КНР как крупнейших держав региона, а в перспективе – и мира. Сдерживающими факторами на двустороннем уровне являются также меры по укреплению доверия, кратко- и среднесрочное планирование, исключающее военное противостояние двух государств между собой, равно как и осознание тяжести последствий потенциального конфликта, которые способствуют укреплению военно-политического сотрудничества Индии и Китая.

2.2. Индийско-китайские экономические отношения

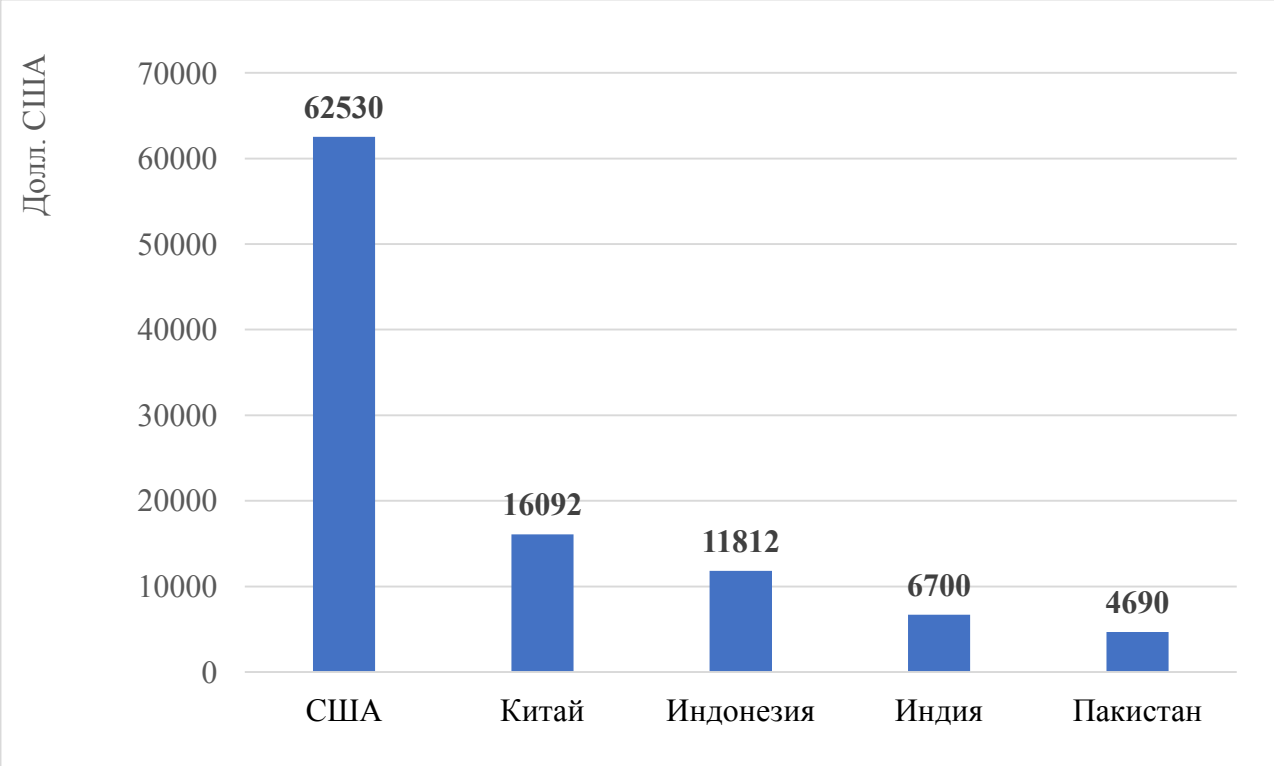
2.2.1. Общая характеристика индийско-китайских экономических отношений на современном этапе

В 2019 г. валовый внутренний продукт (ВВП) Индии по паритету покупательной способности (ППС) составил 9,2 трлн долл. США (в постоянных ценах 2017 года); по этому показателю она с 2011 г. является третьей экономикой мира после США и Китая[309]. Это стало возможным благодаря устойчивым темпам роста – в среднем на 7,5% в год в течение последнего десятилетия, что сделало Индию самой быстрорастущей экономикой мира среди крупных держав и важным игроком в мировой экономике[310]. Однако демографическая ситуация оказывает сильнейшее давление на экономику: по ВВП на душу населения Индия с 6,7 тыс. долл. стоит на четвёртом месте среди пяти самых крупных государств

[309] World Bank. – URL: https://data.worldbank.org
[310] Bajpai P. The 5 Fastest Growing Economies in the World. // NASDAQ – 07.2019. – URL: https://www.nasdaq.com/articles/the-5-fastest-growing-economies-in-the-world-2019-06-27

по населению, в 2,4 раза уступая КНР с 16,1 и в 1,8 раза – Индонезии с 11,8 тыс. долл., не говоря уже о колоссальном отрыве от США[311].

Рис. 1. ВВП ППС на душу населения США, Китая, Индонезии, Индии и Пакистана на 2019 год в постоянных ценах 2017 года, долл. США[312]

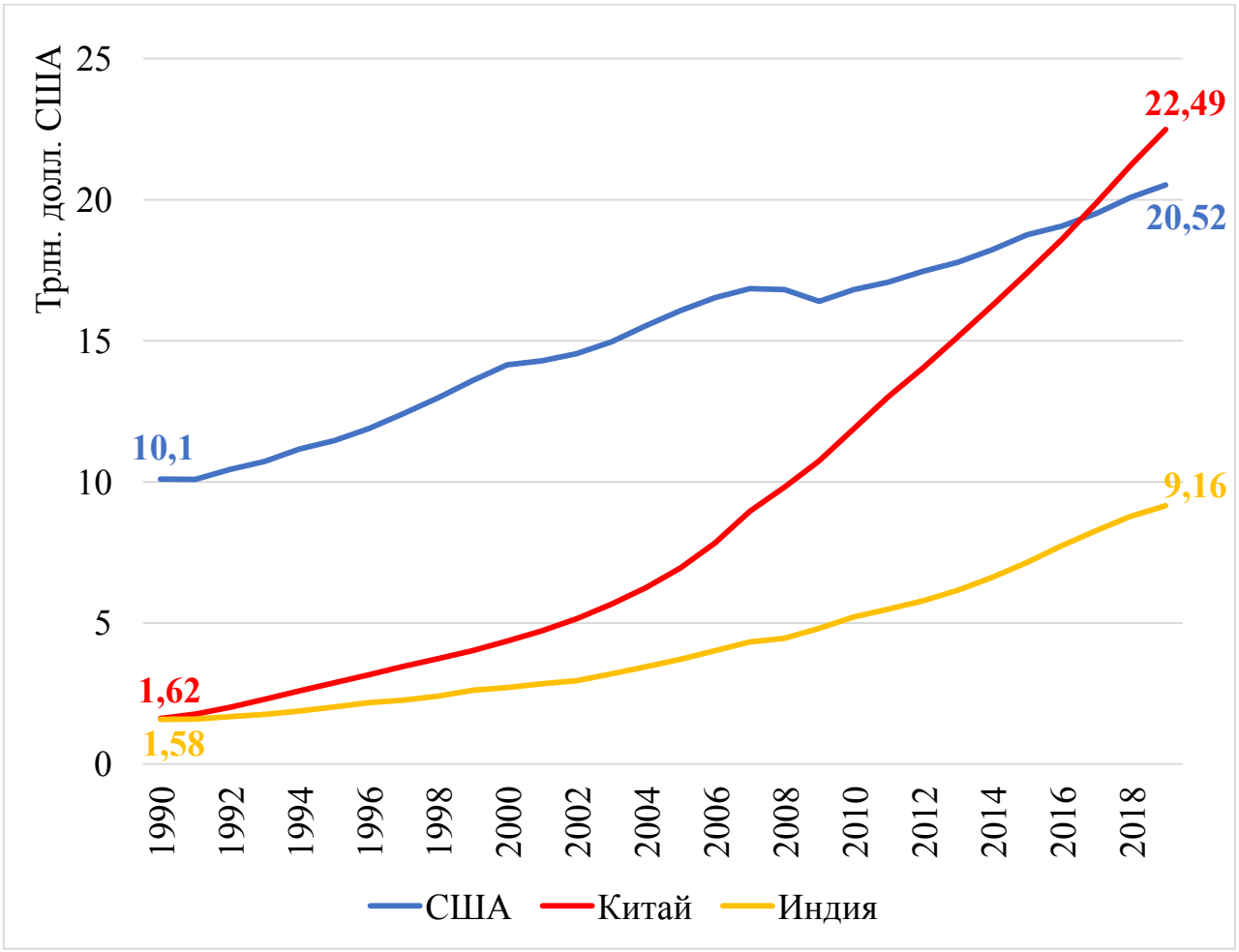

Китайская Народная Республика, в свою очередь, на сегодняшний день прочно закрепила за собой статус первой экономики мира по ППС, объём которой на 2019 г. составил 22,4 трлн долларов. При этом лидирующую позицию по этому показателю страна занимает с 2017 г., когда США опустились на вторую строчку рейтинга[313]. Китай прочно удерживает второе место в списке крупнейших экономик мира и по номинальному ВВП, уступая лишь Соединенным Штатам[314]. Как отмечалось выше, КНР стоит на втором месте среди крупнейших по

[311] World Bank. – URL: https://data.worldbank.org
[312] Ibid.
[313] Ibid.
[314] Gray A. The world's 10 biggest economies in 2017. // World Economic Forum (2017) – URL: https://www.weforum.org/agenda/2017/03/worlds-biggest-economies-in-2017/

населению стран мира по ВВП на душу населения, который составляет лишь 26% от лидера рейтинга – США.

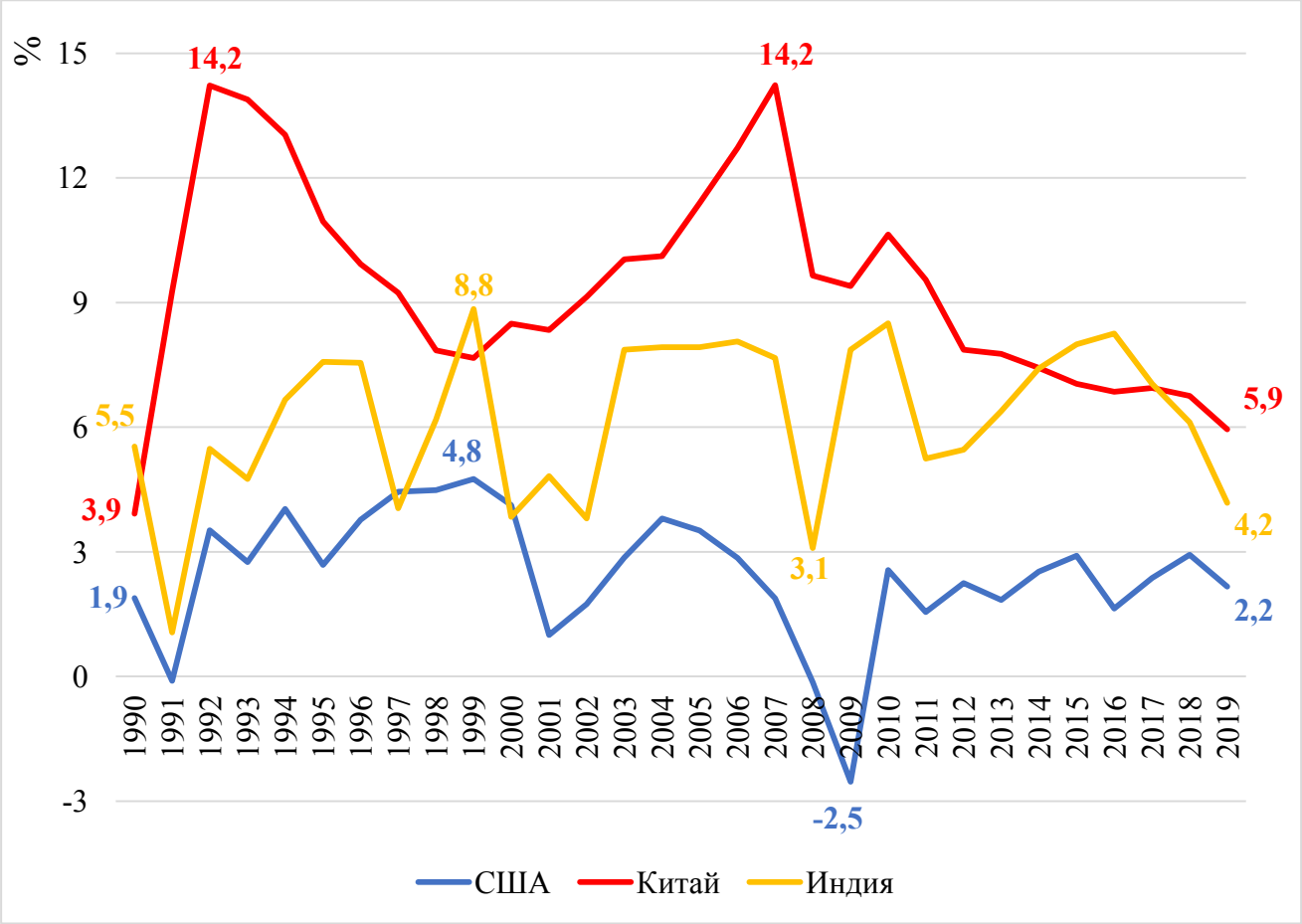
Рис. 2. Динамика ВВП ППС Индии, США и Китая в период 1990-2019 гг. в постоянных ценах 2017 года, трлн. долл. США.

Что касается темпов роста, то с периода проведения экономических реформ и вплоть до недавнего времени Китай практически не имел аналогов в мире[315]. Из приведённого ниже графика следует, что в 1992 и 2007 году показатели достигали 14% в год. И хотя с 2014 года китайцы ненадолго уступили лидерство Индии, китайская экономика продолжала демонстрировать рост на уровне около 6-7%[316], в то время как рост индийской экономики после 2016 г. стал замедляться.

[315] The World Bank In China. // The World Bank (2017) – URL: http://www.worldbank.org/en/country/china/overview
[316] World Bank. – URL: https://data.worldbank.org

Рис. 3. Темпы роста ВВП Индии, Китая и США в период 1990-2019 гг., %.

Торгово-экономическое сотрудничество двух государств нельзя назвать сбалансированным. С одной стороны, товарооборот Индии с КНР с 1991 года вырос в десятки раз и в 2018 году составил более 95 млрд долларов[317], и с 2008 года Китай – главный торговый партнёр Индии[318]. Растет и объём инвестиций, что является позитивным фактором[319]. С другой стороны, непропорциональность экономической составляющей индийско-китайского взаимодействия (очень значимое отрицательное торговое сальдо) создает определенные сложности, ведь Китай, по сути, закрепляет своё экономическое доминирование и ставит Индию в своего рода зависимость от себя.

[317] Ambassador Vikram Misri's Remarks At Inauguration Of Synthite Plant. (Dezhou Shandong Province). // Embassy of India, China. – 2019. – URL: http://www.eoibeijing.gov.in/Inauguration%20of%20Synthite%20Plant.php
[318] India-China Trade and Economic Relations. // Embassy of India, China. – 2019. – URL: https://www.eoibeijing.gov.in/economic-and-trade-relation.php
[319] Ibid.

В списке китайских партнеров по всему объёму торговли товарами на 2017 год Индия занимает девятое место[320], в то время как КНР (без Гонконга) по этому показателю находится то на первой (2017), то на второй (2018) позиции в индийской торговле, деля лидерство с США[321].

В 2018 году основными статьями индийского товарного экспорта в КНР были: минеральное топливо, масла, продукты дистилляции и пр. (3,1 млрд долл.); органические химические вещества (3,1 млрд долл.); хлопок (1,5 млрд долл.); руды, шлак и зола (1,1 млрд долл.); пластик и пластиковые изделия (1,1 млрд долл.); ядерные реакторы, котлы, машины и пр. (827,3 млн долл.); поваренная соль, сера, земля и камень, известь и цементная штукатурка (699,7 млн долл.); медь и медные изделия (625,5 млн долл.); рыба, ракообразные, моллюски, водные беспозвоночные (580,6 млн долл.); а также электрические машины и электронное оборудование (537,3 млн долл.)[322].

Ключевыми категориями индийского импорта из Китая стали: электрическое и электронное оборудование (23,2 млрд долл.); ядерные реакторы, котлы, машины и пр. (13,6 млрд долл.); органические химические вещества (8,5 млрд долл.); пластик и пластиковые изделия (2,7 млрд долл.); изделия из железа и стали (1,7 млрд долл.); удобрения (1,7 млрд долл.); оптические, фото, технические, медицинские и др. приборы (1,6 млрд долл.); транспортные средства, кроме железнодорожного и трамвая (1,6 млрд долл.); прочие химические продукты (1,4 млрд долл.); а также железо и сталь (1,4 млрд долл.)[323].

Из анализа товарных категорий следует, что между Индией и Китаем также осуществляется активная внутриотраслевая торговля, что говорит о комплементарности двух экономик. Динамику её развития подтверждает и индекс

---

[320] World Integrated Trade Solutions – China exports, imports and trade balance: By Country 2018. – URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/CHN/Year/LTST/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country#

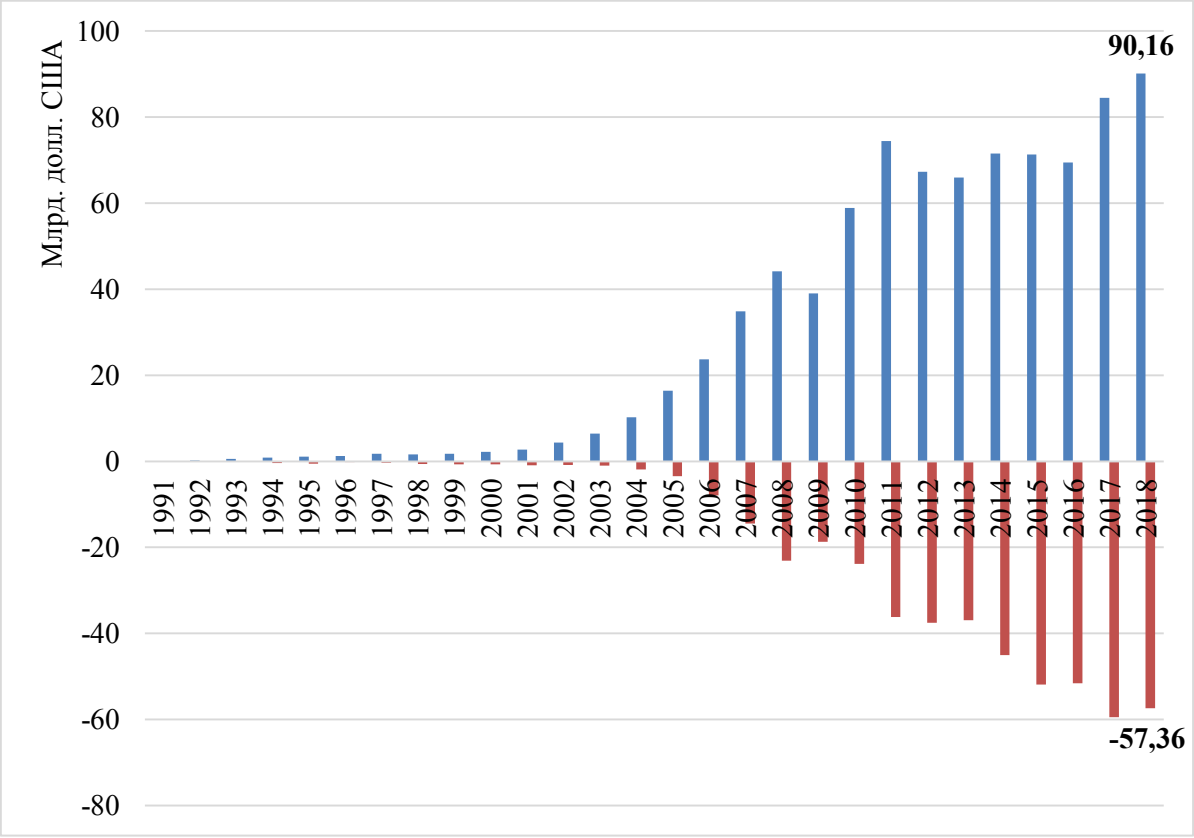
[321] Total Trade – top 25 countries. // Department of Commerce, Government of India – 2019. – URL: https://commerce-app.gov.in/eidb/iecnttopnq.asp

[322] International trade in goods and services based on UN Comtrade data. // UN Comtrade – 2019. – URL: https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/?reporter=699&partner=156&type=C&commodity=39&year=2018&flow=2

[323] Ibid.

Грубеля-Ллойда, отражающий внутриотраслевое взаимодействие стран: с 2007 по 2016 гг. он вырос с 0,28 до 0,53[324]. При этом, если до 1990-х годов внутриотраслевая торговля носила преимущественно горизонтальный характер (то есть осуществлялись поставки различных видов схожих по качеству товаров), то после проведения реформ стала усиливаться вертикальная внутриотраслевая торговля (внутрисекторный обмен разностадиальными товарами)[325].

Рис. 4. Товарооборот Индии и КНР и индийский торговый баланс с Китаем в 1991-2018 гг., млрд. долл. США[326].

Что касается экспорт-импорта услуг, то их процент столь незначителен, что не находит отражение ни в китайских, ни в индийских источниках статистической информации. Даже те услуги, которые предоставляются Индией Китаю, как

[324] India-China Trade Relationship. The Trade Giants of Past, Present, and Future, p. 11. // PhD Research Bureau, PhD Chamber of Commerce and Industry – 01.2018. – URL: https://www.phdcci.in/wp-content/uploads/2018/11/India-China-Trade-Relationship_The-Trade-Giants-of-Past-Present-and-Future.pdf
[325] Devadason E.S. Enhancing China-India Trade Cooperation: Complementary Interactions?, pp. 65-66. // China Review, vol. 12, № 2, 2012. – P. 59–83. – URL: www.jstor.org/stable/23462217
[326] Direction of Trade Statistics – India. // International Monetary Fund – 2019. – URL: http://data.imf.org/regular.aspx?key=61013712

правило, оказываются не китайским фирмам, а иностранным компаниям, базирующимся в Поднебесной[327]. И хотя именно услуги являются стабилизирующим фактором в индийской внешней торговле (недаром её именуют «операционным офисом мира»[328]), в двусторонней торговле они пока не играют существенной роли[329].

Индийское руководство инициирует и поддерживает новые проекты, направленные на индустриализацию и развитие инфраструктуры в Индии, такие как «Делай в Индии», «Цифровая Индия» и ряд других, что способствуют привлечению партнеров по всему миру, в том числе и КНР[330]. Однако общий приток прямых иностранных инвестиций из КНР в Индию за 2000-2018 гг. составил всего около 2,2 млрд. долл. (18 место)[331], что составляет всего 5% от общего числа инвестиций в Индию за один только 2018 год[332]. Учитывая масштаб двух экономик, инвестиционное сотрудничество между ними выглядит несоразмерным.

Сотрудничество в банковской сфере хоть и развивается, всё же имеет ограниченный характер, о чём свидетельствуют и количественные, и качественные показатели. Так, восемь индийских банков имеют филиалы в Китае, а именно – Государственный банк Индии (State Bank of India), Шанхай и Тяньцзинь, Канара Банк (Canara Bank), Шанхай, Банк Оси (Axis Bank), Шанхай, Банк Барода (Bank of Baroda), Гуанчжоу, Промышленная кредитно-инвестиционная корпорация (Industrial Credit and Investment Corporation of India), Шанхай, Банк Индии (Bank of India), Шэньчжэнь, Юнион Банк (Union Bank),

---

[327] Речь министра иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар. // Экспертная дискуссия, Клуб «Валдай» – 27.08.2019 – URL: http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/ministr-inostrannykh-del-indii-v-klube-valdai/

[328] Pillania R.K. Indo-China Trade: Trends, Composition, and Future, p. 129. // Journal of Applied Economic Sciences, Spiru Haret University, Faculty of Financial Management and Accounting Craiova, vol. 5(2(12)/Sum). – P. 129–137.

[329] International Trade Centre – India. // Trade Map, All Services – 2019. – URL: https://www.trademap.org/Country_SelServiceCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c699%7c%7c%7c%7c%7c%7cS00%7c1%7c3%7c1%7c3%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1

[330] Pranav D. India-China Investment Corridor — Dangal and Business Goes Hand-in-Hand. // Invest India, National Investment Promotion & Facilitation Agency – 07.2018. – URL: https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/india-china-investment-corridor-dangal-and-business-goes-hand-hand

[331] Statement on Country-Wise FDI Equity Inflows from April 2000 to December 2018, p. 5. // Annual Report – Reserve Bank of India. – URL: https://rbi.org.in/Scripts/AnnualReportPublications.aspx?Id=1249

[332] Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual – India. // UNCTAD Stat. 2019. – URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx

Пекин и Шанхай и Индийский Зарубежный Банк (Indian Overseas Bank), Гуанчжоу. Вместе с тем только шанхайский филиал Государственного банка Индии имеет право на осуществление транзакций в местной валюте (юанях), в то время как остальные ведут бизнес в зарубежной валюте. Кроме того, большинство представленных в Китае индийских банков находятся в процессе закрытия по коммерческим причинам. Что касается китайских банковских представительств, то на сегодняшний день только Промышленный и коммерческий банк Китая (Industrial and Commercial Bank of China), входящий в «Большую четвёрку» основных государственных банков КНР, Мумбаи, долгое время имел лицензию на осуществление банковской деятельности на территории Индии. Лишь в июле 2018 г. к нему присоединился ещё один банк – Банк Китая (Bank of China). Стоит добавить, что оба государства являются одними из ведущих акционеров многосторонних банковских организаций – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (AIIB) и Нового банка развития БРИКС, функционирование которых навряд ли можно назвать крайне эффективным, а участие в них – объединяющим для Дели и Пекина[333].

Существует несколько механизмов диалога для укрепления двустороннего взаимодействия по экономическим и торговым вопросам, основными из которых являются: Совместная группа по экономическим отношениям, науке и технике (Joint Economic Group, JEG), Стратегический экономический диалог (Strategic Economic Dialogue, SED), Диалог Национального института трансформации Индии (National Institution for Transforming India – Policy Commission, NITI Aayog) и Исследовательского центра развития Китая (Development Research Centre, DRC), Индийско-китайский финансовый диалог (India-China Financial Dialogue), а также ряд совместных групп по сотрудничеству в различных сферах экономики (сельское хозяйство, региональное развитие и др.)[334].

[333] India-China Trade and Economic Relations. // Embassy of India, China. – 2019. – URL: https://www.eoibeijing.gov.in/economic-and-trade-relation.php
[334] Ibid.

2.2.2. Проблемы и перспективы индийско-китайского экономического взаимодействия

На фоне развернувшейся торговой войны между США и Китаем, индийцы стремятся упрочить свои позиции на рынках обоих конкурентов, особенно КНР[335]. Однако имеется ряд существенных ограничений как с индийской, так и с китайской стороны.

Во-первых, ключевым камнем преткновения двух государств является проблема ***дефицита торгового баланса***. Согласно индийской статистике[336], на 2017/2018 гг. Индия имела отрицательное торговое сальдо в размере 188 млрд долл., из которых более 53 млрд долл., или почти треть, приходится на Китай[337]. Несмотря на то, что практически все страны мира испытывают торговый дефицит при торговле с КНР, а экономисты не всегда негативно оценивают дефицит в торговле, его объём достаточно значителен – и именно это вызывает опасения[338]. Действительно, с одной стороны, Индия как развивающаяся страна нуждается в импорте для наращивания и укрепления собственных производственных возможностей, а также удовлетворения внутреннего спроса[339], а учитывая, что импорт технологичной продукции из развитых стран – дорогостоящее мероприятие, Китай может рассматриваться как альтернативный вариант[340]. С другой стороны, подобная политика приводит к нестабильности и чрезмерной зависимости от поставок, что, в свою очередь, порождает угрозы экономической

---

[335] Statement of Activities 2018-19, p. 17. // Department of Commerce, Ministry of Commerce & Industry, Government of India – 2019. – URL: https://commerce.gov.in/writereaddata/uploadedfile/MOC_636850524269073529_Statement_of_Activities_2018-19.pdf

[336] Помимо прочего, индийские данные отличаются от данных мировых агрегаторов статистики тем, что финансовый год рассчитывается не с января по декабрь, а с апреля по март. (См. Note. // Department of Commerce, Government of India. Ministry of Commerce & Industry – 2019. – URL: https://commerce-app.gov.in/eidb/).

[337] Total Trade: Top countries. // Export-Import Data Bank, Department of Commerce – 08.2019. – URL: https://commerce-app.gov.in/eidb/iecnttopn.asp

[338] Palit A., Nawani S. India-China Trade: Explaining the Imbalance, p. 1. // ISAS Working Paper № 95, National University of Singapore. – 10.2009. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/109224/94.pdf

[339] Mohanty S.K. India-China Bilateral Trade Relationship, p. 47. // Research and Information System for Developing Countries, 2014. – 137 p. – URL: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/India%20china%20report.pdf

[340] Ibid., p. 48.

безопасности страны[341]. Тем не менее, дефицит бюджета не стоит рассматривать как отдельное явление, возникшее само по себе, важнее изучить глубинные причины, вследствие которых он практически ежегодно увеличивается.

Структура индийско-китайских торговых отношений показывает, что сырьё продолжает оставаться ключевым экспортным товаром для Дели, который по-прежнему зависит от технологий и готовой продукции, импортируемых из разных стран, в том числе из Китая. Это связано с рядом факторов, но прежде всего с экономической структурой обеих стран. Индийская экономика лишь недавно осуществила переход от аграрно-сырьевой к аграрно-индустриальной экономике[342], в то время как КНР превратилась в «фабрику мира» гораздо раньше и уже в 2009 г. стала крупнейшим экспортёром товаров в мире[343]. Эксперты также отмечают, что индийские компании предпочитают покупать китайские товары вследствие низких логистических издержек, своевременной доставки, но, главным образом, ввиду их крайне низкой стоимости, зачастую даже более низкой, нежели на внутреннем рынке[344].

Многоукладность индийской экономики, при которой соседствуют капиталистические и докапиталистические ***формы производства***, также влияет на характер экспорта и импорта, поскольку в большей степени способствует развитию мелких производств, помогающих в решении внутренних социальных проблем, нежели укреплению крупного бизнеса, нацеленного на внешние рынки[345]. С другой стороны, вклад мелких производств в развитие крупных промышленных предприятий (свыше 40%) в некоторой степени определяет их

---

[341] Arora K., Saxena R. India-China Economic Relations: an Assessment. // South Asian Voices – 04.2018. – URL: https://southasianvoices.org/india-china-economic-relations-an-assessment/

[342] Галищева Н.В. Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы, с. 82. // Вестник МГИМО-Университета. 2017; 2 (53). – С. 71–89. – URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89

[343] Evalutation Study. India and China in Multilateral Economic Governance, p. 27. // Ministry of Foreign Affairs, Denmark – 01.2019. – URL: http://www.netpublikationer.dk/UM/evaluation_study_india_china_multilateral_economic_governance_january_2019/Pdf/evaluation_study_india_china_multilateral_economic_governance_january_2019.pdf

[344] Devadason E.S. Enhancing China-India Trade Cooperation: Complementary Interactions?, p. 70. // China Review, vol. 12, № 2, 2012. – P. 59–83. – URL: www.jstor.org/stable/23462217

[345] Галищева Н.В. Проблема дисбалансов в экономике Индии, с. 247–248 // Вестник МГИМО-Университета, 2015. № 4 (43). – С. 242–254.

направленность[346]. Здесь же стоит обратить внимание на усиление и без того колоссального разрыва между деревней и городом[347].

Многоукладность проявляется и в состоянии такого важного фактора как ***квалификация рабочей силы*** – хотя оба государства сопоставимы по населению, большинство индийцев по-прежнему относятся к низкоквалифицированной рабочей силе, а потому им всё ещё сложно конкурировать с китайцами по производительности труда[348]. Впрочем, политика индийского правительства по поддержке наукоёмких производств, улучшению ситуации в образовании и развитию высокотехнологичных отраслей привела к соответствующему увеличению рынка высококвалифицированных специалистов, особенно в таких сферах как информационные и компьютерные технологии, фармацевтика, химическая промышленность и финансы, а также колоссальному усилению позиций страны как в производстве и экспорте ноу-хау, так и в сфере услуг[349]. Важное значение имеют и ***условия труда***: КНР не просто нанимает людей на работу – им предоставляются жильё, еда и дешевый транспорт; государство выделяет значительные средства на строительство инфраструктуры, что позволяет предпринимателям сократить косвенные издержки на сотрудников, сохранив им приемлемый уровень оплаты[350]. В Индии хорошо обеспечивается официальная рабочая сила, но она составляет очевидное меньшинство: неофициально занятые составляют около 86% всех работающих[351]. При этом ситуация с инфраструктурой достаточно сложная, а дешевой рабочая сила становится из-за теневого характера занятости и соответственно низких

---

[346] Там же.
[347] Murthy G. Sino-Indian Relations – Competition and Partnership-Convergence or Divergence?, p. 85. // Reddy J.G. Dynamics of India and China Relations. Implications for New World Order: UGC Centre for Southeast Asian and Pacific Studies, Sri Venkateswara University, 484 pp. – 2016.
[348] Ibid., p. 89.
[349] Галищева Н.В. Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы, с. 86. // Вестник МГИМО-Университета. 2017;(2(53)). – P. 71–89. – URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89
[350] Murthy G. Sino-Indian Relations – Competition and Partnership-Convergence or Divergence?, p. 85. // Reddy J.G. Dynamics of India and China Relations. Implications for New World Order: UGC Centre for Southeast Asian and Pacific Studies, Sri Venkateswara University, 2016. – 484 p.
[351] India's Labour Market. A new emphasis on gainful employment. // McKinsey Global Institute. June 2017. – URL: https://
www.mckinsey.com/~/media/mckinsey/featured%20insights/employment%20and%20growth/a%20new%20emphasis%20on%20gainful%20employment%20in%20india/indias-labour-market-a-new-emphasis-on-gainful-employment.ashx

зарплат[352]. Кроме того, строгое ***трудовое законодательство*** Индии, призванное решить социальные проблемы населения, не увеличивает конкурентоспособность трудовой силы (обеспеченность работой важнее качества; имеются ограничения по количеству возможных увольнений и т.д.), что на выходе вынуждает Дели импортировать в том числе и трудоёмкие товары[353].

Отмечавшиеся выше перекос экспорта в сторону первичных материалов и полуфабрикатов и ситуация на рынке труда определяют ***характер товарных поставок***: Индия экспортирует в Китай ресурсоёмкую продукцию, а завозит преимущественно трудоёмкие, капиталоёмкие и высокотехнологичные продукты[354]. Справедливости ради стоит сказать, что в процессе своего становления в качестве «мастерской мира» Китай тоже прошёл через эту стадию[355]. Это порождает и смежную проблему – ***концентрированность*** индийского экспорта и импорта (большая часть ограничена 3-4 секторами), что усиливает зависимость от КНР, так как отказ или даже сокращение поставок серьёзно скажется на индийской экономике[356]. Диверсификация способствовала развитию внутренних отраслей Индии и усилению её позиций на мировых рынках, в том числе и в Китае, однако её всё ещё недостаточно.

В целом, Китай проводит весьма ***агрессивную торговую политику***. Во-первых, речь идёт об ***объёмах импорта***. Так, китайцы стремятся импортировать только ту продукцию, которая нужна им в больших количествах, либо не импортировать ничего вовсе. Подобная стратегия приводит к ещё большему ухудшению ситуации: китайцы закупают только те товары, которые являются крайне необходимыми для внутреннего рынка – в основном, речь идёт о ресурсоёмких или наукоёмких товарах, которые составляют до 2/3 всего

---

[352] Ibid.
[353] Mohanty S.K. India-China Bilateral Trade Relationship, p. 49. // Research and Information System for Developing Countries, 137 p. – 01.2014. – URL: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/India%20china%20report.pdf
[354] Галищева Н.В. Внешняя торговля Индии в 1950-2000х гг., стр.182-184 // Вестник МГИМО-Университета. 2012; 1(22):181-186. – URL: http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/60932290.pdf
[355] Babu V.R. The Saga of Economic Growth Strategies of China and India, p. 149. // Reddy J.G. Dynamics of India and China Relations. Implications for New World Order: UGC Centre for Southeast Asian and Pacific Studies, Sri Venkateswara University, 2016. – 484 p.
[356] Bayineni S. Economic Relations between India and China: Integration through Bilateral Trade, p. 136. // Reddy J.G. Dynamics of India and China Relations. Implications for New World Order: UGC Centre for Southeast Asian and Pacific Studies, Sri Venkateswara University, 2016. – 484 p.

импорта[357]. Иными словами, новым категориям товаров сложно попасть на рынок, так как КНР фокусируется только на определённых группах товаров, объём которых он наращивает в зависимости от внутреннего спроса.

Во-вторых, такая политика КНР касается стратегии ***ценообразования***: изначально предоставляя товары по действительно крайне низким ценам, он захватывает рынки, постепенно меняя стоимость товаров в отсутствие конкурентов, вытесненных таким образом китайскими компаниями[358]. В результате это приводит к на первый взгляд неочевидным и даже удивительным последствиям: индийский рынок наполняется дорогими китайскими товарами, которые могут быть легко заменены на более дешёвые и качественные индийские аналоги, однако этого не происходит, так как китайские компании прочно обосновываются в Индии, а индийские производители, которые не смогли противостоять подобной политике, вынуждены искать для себя другие ниши. Этот фактор также обусловливает существенный дисбаланс в экспорт-импортных отношениях с точки зрения ***конкурентоспособности китайских товаров***, а следовательно – ***экономической целесообразности*** их приобретения. Хотя многие подчёркивают дешевизну китайских товаров, более трети всех импортируемых из Китая товаров неконкурентоспособны, а в отдельных отраслях (химическая, текстильная, автомобильная промышленности и пр.) этот показатель доходит до 85%[359]. Вместе с тем по отдельным направлениям Индия становится даже более конкурентоспособной, нежели КНР, а потому могла бы использовать свои преимущества для входа на китайских рынок (например, дизайн автомобилей, производство текстильных изделий и пр.)[360]. Добавим, что ещё одним механизмом захвата индийского рынка является ***поддержание низких цен*** китайскими компаниями ***при низком качестве*** товаров. Такой ход

[357] Mohanty S.K. India-China Bilateral Trade Relationship, p. 47. // Research and Information System for Developing Countries, 2014. – 137 p. – URL: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/India%20china%20report.pdf
[358] Srivastava A. Here are five most common myths about India-China bilateral trade. // Foreign Trade, The Economic Times of India – 04.2018. – URL: economictimes.indiatimes.com/articleshow/63954787.cms?from=mdr&utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
[359] Mohanty S.K. India-China Bilateral Trade Relationship, pp. 49-50. // Research and Information System for Developing Countries, 2014. – 137 p. – URL: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/India%20china%20report.pdf
[360] Ibid, p. 51.

обусловливается масштабами бедности индийского населения, которое вынуждено отдавать предпочтение дешёвым товарам низкого качества, поскольку не может себе позволить покупать более качественные за более высокую цену, и соответственно низкая стоимость компенсируется компаниями количеством проданного.

И всё же главным препятствием развития индийского экспорта в Китай, на который в первую очередь обращают внимание и эксперты, и руководство Индии, продолжают оставаться ***нетарифные ограничения*** (таможня, стандарты, сертифицирование и пр.) китайской стороны[361]. Именно они не позволяют расширить корзину поставляемых на китайский рынок конкурентоспособных индийских товаров[362]. Продвижения на этом направлении имеются, но они столь незначительны или находятся в процессе реализации, что пока не оказывают решающего влияния на перелом ситуации со сбалансированностью торговли[363]. Из всего списка нетарифных барьеров особенно выделяются санитарные и фитосанитарные нормы, технологические стандарты, требования к сертификации товаров, сложные бюрократические многоуровневые процедуры (требующие в том числе знание китайского языка), а также ограничения возможностей ввоза продукции (некоторые товары можно провозить только через определенные порты, количество которых крайне невелико)[364]. В самой же Индии существует лишь 150 обязательных технических стандартов, остальные носят лишь рекомендательный характер, при этом остаются проблемы тарифов, которые могут доходить до 30%[365].

Тот факт, что топ конкурентоспособных товаров Индии на мировом рынке отличается от топа экспорта в КНР свидетельствует о том, что Китай всё ещё ***не***

---

[361] Murthy G. Sino-Indian Relations – Competition and Partnership-Convergence or Divergence?, p. 94. // Reddy J.G. Dynamics of India and China Relations. Implications for New World Order: UGC Centre for Southeast Asian and Pacific Studies, Sri Venkateswara University, 2016. – 484 p.

[362] India-China Political Relations. // Embassy of India, China. – 2019. – URL: http://www.eoibeijing.gov.in/political-relation.php

[363] India-China trade barrier reductions. // Economics&Country Risk, IHS Markit – 07.2018. – URL: https://ihsmarkit.com/research-analysis/indiachina-trade-barrier-reductions.html

[364] India-China Trade Relationship. The Trade Giants of Past, Present, and Future, pp. 15-16. // PhD Research Bureau, PhD Chamber of Commerce and Industry – 01.2018. – URL: https://www.phdcci.in/wp-content/uploads/2018/11/India-China-Trade-Relationship_The-Trade-Giants-of-Past-Present-and-Future.pdf

[365] Ibid., pp. 11, 16.

является приоритетным направлением для индийского экспорта[366]. Это обусловлено, прежде всего, традиционными направлениями торговли, которые сложились исторически. Сначала ориентация шла на Британскую Империю – затем её сменили США и СССР, позже пришло понимание значимости Ближнего и Среднего Востока, и лишь в 1990-х годах началась активизация торговли со странами Восточной Азии[367]. Безусловно, экономические отношения с региональными партнёрами поддерживались всегда, однако сотрудничество с ними не носило столь масштабный и всеобъемлющий характер, к каковому Дели стремится сегодня. В случае с КНР сначала превалировала доля СССР, затем Японии, США и ЕС, и уже ближе к завершению Холодной войны Китай начал наращивать своё присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе – и надо сказать, преуспел в этом гораздо больше, чем Индия[368]. Кстати, Дели по многим параметрам превосходит страны АСЕАН по конкурентоспособности (химикаты, пластиковые изделия, медь, электронное оборудование и пр.), но ввиду выгодных условий торгового сотрудничества – с 2010 года вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли между АСЕАН и Китаем, что значительно облегчило торговлю между сторонами, товары стран ЮВА, по сравнению с индийскими, гораздо лучше представлены на китайском рынке[369]. Казалось бы, Индия и КНР – соседние государства, и легко могли бы значительнее расширить торговые связи, но этого не происходит. Безусловно, важную роль сыграли военный конфликт, взаимное недоверие, разные геополитические стратегии двух стран и ряд других факторов. Тем не менее, следует подчеркнуть значение ***географии*** в относительно невысоком торгово-экономическом сотрудничестве Нью-Дели и Пекина.

Одного взгляда на физическую карту приграничных районов достаточно, чтобы объяснить причины слабого развития торговли по суше. Цепь высочайших

---

[366] Palit A., Nawani S. India-China Trade: Explaining the Imbalance, p. 7. // ISAS Working Paper № 95, National University of Singapore. – 10.2009. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/109224/94.pdf

[367] Галищева Н.В. Внешняя торговля Индии в 1950-2000х гг., с. 185. // Вестник МГИМО-Университета. 2012. 1(22). – С. 181–186. – URL: http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/60932290.pdf

[368] Fan L.S. The Economy and Foreign Trade of China, pp. 255-259. // 38 Law and Contemporary Problems. – P. 249–259. (Summer 1973). – URL: https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol38/iss2/7

[369] ASEAN–China Free Trade Area. // ASEAN–China Free Trade Area Business Portal – 05.2016. – URL: http://www.asean-cn.org/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=267&id=84

в мире гор, ***Гималаев***, отделяет страны друг от друга, что не позволяет осуществлять масштабные поставки товаров и заставляет осуществлять транспортировку грузов лишь через небольшое количество имеющихся перевалов. Отметим, что этот фактор повлиял и на общую ограниченность контактов двух стран до середины XX века. Между тем, помимо сложного рельефа как естественного ограничителя и спорной территории как осложняющего элемента, имеет место региональный дисбаланс ближайших к Индии китайских регионов. Так, Северо-Западный и Юго-Западные регионы являются одними из самых бедных регионов Китая, что отражается на их торговой активности и крайне негативно сказывается на их способности развивать экономические связи с индийскими регионами[370]. И хотя Пекин поощряет инвестиции в эти регионы (индийцы проводят схожую политику относительно своих проблемных штатов), чем индийцам стоит воспользоваться, текущий низкий уровень развития прилегающих регионов является дополнительным препятствием к наращиванию товарооборота между странами. Впрочем, торговля между индийскими и китайскими регионами всё же производится, но в опосредованном виде – через пограничные страны.

Индии следовало бы поискать и ***других поставщиков*** схожих с китайскими товаров и оборудования, а лучше самой стать ***промышленным и логистическим центром***, каковым является Китай. Он поставляет не только собственную продукцию, но и является и производственным, и транспортным ***«хабом»*** как для развитых, так и для развивающихся стран, из которого товары соответствующих государств затем ***реэкспортируются*** на другие рынки[371]. Между тем и Индия могла бы в будущем претендовать на эту роль – наличие качественной рабочей силы, улучшение инфраструктуры, а также доступ к новейшим и наиболее эффективным технологиям и методам принесут Индии необходимые конкурентные преимущества. Развитие промышленности будет способствовать

[370] Mohanty S.K. India-China Bilateral Trade Relationship, pp. 56-57. // Research and Information System for Developing Countries, 2014. – 137 p. – URL: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/India%20china%20report.pdf
[371] Babu V.R. The Saga of Economic Growth Strategies of China and India, p. 150. // Reddy J.G. Dynamics of India and China Relations. Implications for New World Order: UGC Centre for Southeast Asian and Pacific Studies, Sri Venkateswara University, 2016. – 484 p.

разработке и производству продукции мирового класса, обеспечивающей конкурентоспособность затрат и повышение производительности труда и капитала[372].

Добавим, что основной товарооборот Китая и Индии осуществляется ***морским путём***[373]. Это обусловлено как сложностями, связанными с континентальными поставками, так и исторически сложившимися торговыми связями азиатских стран друг с другом и с остальным миром. Однако ***состояние индийских портов*** оставляет желать лучшего. Индийская береговая линия насчитывает 7,5 тыс. км., на которой расположены 12 крупных и около 200 малых портов, из которых только 139 являются действующими (большая часть из них пригодна только для ловли рыбы)[374]. Что касается контейнерных портов, то многие из них уже устарели и не обладают достаточным оборудованием для обработки существенных объёмов поставок и приёма генерального груза (т.е. требующего специальной упаковки); в них отсутствуют новые информационные системы, позволяющие ускорить процессы загрузки и отгрузки; им не хватает персонала с соответствующими техническими знаниями и навыками – и это лишь малая часть тех проблем, с которыми сталкивается Индия[375]. Всё это сказывается на пропускной способности индийских портов, которая в совокупности на 2019 г. не превышала 9.9 млн единиц двадцатифутовых эквивалентов (ДФЭ, TEUs)[376]. Для сравнения: объём перевозимых грузов одного только китайского порта Шанхай в том же году составлял свыше 43 млн ДФЭ[377].

---

[372] Prospects for Exports from India, p. 25. // PhD Research Bureau, PhD Chamber of Commerce and Industry – 03.2019. – URL: https://www.phdcci.in/wp-content/uploads/2019/04/Prospects-for-Exports-from-India-Five-Pronged-Strategy-to-Achieve-USD-700-Billion-Merchandise-Exports-by-2025.pdf

[373] Zhaohui L. I believe connectivity is the key to addressing the India-China trade deficit. // Hindustan Times – 05.2019. – URL: https://www.hindustantimes.com/analysis/i-believe-connectivity-is-the-key-to-addressing-the-india-china-trade-deficit/story-B0oUzoeQOpLRlya56n3ZXP.html

[374] "Ports In India Need Overhaul" – Agam Berry, Quantified Commerce. // The Economic Times – 05.2019. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/https://economictimes.indiatimes.com/industry/transportation/shipping-/-transport/ports-in-india-need-overhaul-agam-berry-quantified-commerce/articleshow/63886226.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

[375] Ibidem.

[376] Manoj P. Containers handled at major ports up 8% at 9.876 million TEUs in FY19. // The Hindu: Business Line – 04.2019. – URL: https://www.thehindubusinessline.com/economy/logistics/containers-handled-at-major-ports-up-8-at-9876-million-teus-in-fy19/article26719290.ece#

[377] Port of Shanghai: World's busiest container port for 2019. // Safety4Sea – 01.2020. – URL: https://safety4sea.com/port-of-shanghai-worlds-busiest-container-port-for-2019/

Здесь стоит отдельно отметить роль Индии и КНР в ***мировой торговле*** товарами и услугами. В 2018 году Индия вошла в топ-10 ведущих мировых экспортеров товаров и услуг – за 10 лет она поднялась на пять строчек. КНР упрочил своё положение на одну позицию, заняв второе место[378]. Тем не менее, в отличие от Китая на сегодняшний день Индия в мировых стоимостных цепочках продолжает являться покупателем, а не продавцом[379]. Это связано и с «унаследованной закрытостью экономики» (ориентировавшейся на нужды Британской Империи), и с ориентацией на внутренний спрос (таковой была политика Неру), и более поздней, нежели в Китае, либерализацией торговли, и с ориентацией на внутренний рынок, и с более сложным в современных условиях глобализирующейся мировой экономики выходом на рынки, занятием и укреплением на них своей ниши.[380]

Все эти проблемы, так или иначе, могут именоваться дисбалансами, а потому экономическое сотрудничество Индии и Китая можно смело именовать «искусством эквилибристики», поскольку в условиях наличия стольких противоречий только такая стратегия позволяет и дальше наращивать взаимодействие в этой сфере и даже рассматривать её как ключ к налаживанию политического диалога и улучшению двусторонних отношений в целом, хотя экономическое измерение требует крайне скрупулезного анализа[381]. Странам предстоит урегулировать множество спорных вопросов и провести ревизию текущих экономических связей друг с другом, но, пожалуй, важнее всего – сфокусироваться на разрешении внутренних противоречий/дисбалансов, которые, в конечном счёте, представляют большую угрозу их процветанию. Обретение внутреннего равновесия и гармонизация со внешним миром и станут залогом успеха стран. В целом же встречное движение двух государств в развитии

---

[378] World Trade Statistical Review, p. 11. // World Trade Organization – 2019. – URL: https://www.phdcci.in/wp-content/uploads/2019/07/World-Trade-Statistical-Review-2019.pdf

[379] Palit A., Nawani S. India-China Trade: Explaining the Imbalance, p. 1. // ISAS Working Paper № 95, National University of Singapore. – 10.2009. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/109224/94.pdf

[380] Галищева Н.В. Внешняя торговля Индии в 1950-2000х гг., с. 181, 186. // Вестник МГИМО-Университета, 2012. 1(22). – С. 181–186. – URL: http://vestnikold.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/60932290.pdf

[381] Володин А.Г. Китай – Индия – константа неопределенности, с. 11. // Круглый стол «Стратегия Китая в XXI веке». Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №3 (13). С. 6–25.

торгово-экономических связей могло бы оказать положительное влияние на остальные сферы; пока же, в случае возникновения негативных тенденций в других областях индийско-китайского диалога, стороны вспоминают и о проблемах в двусторонней торговле (особенно в Индии, где начинают звучать призывы к бойкотированию всего китайского), что нивелирует даже имеющиеся достижения.

2.3. Культурно-цивилизационные связи Индии и Китая в наши дни

Индия и Китай подарили миру множество изобретений, философских учений и культурных достижений. Будучи древнейшими цивилизациями, они, безусловно, не могли не оставить культурный след и в истории друг друга. Так, считается, что первые контакты имели место около полутора тысяч лет до нашей эры[382]. Как правило, они осуществлялись благодаря путешественникам, торговцам и паломникам, чей путь протекал через территории этих стран. Показательный пример в этой связи – роман китайского писателя и поэта XVI в. У Чэнъэня «Путешествие на Запад», который основан на народных легендах о путешествии монаха Сюаньцзана в Индию – именно через это произведение китайской литературы, можно сказать, и начал формироваться интерес Китая к своему соседу[383].

Наиболее ярким воплощением индийско-китайского культурного обмена считается ***буддизм***, который хотя и не прижился на своей родине в Индии (сегодня лишь 0,7% населения считают себя сторонниками этого учения[384], причем это приверженцы тибетского буддизма, ранее называемого ламаизмом), но распространился далеко за её пределы, главным образом – в Китае (по

---

[382] India-China Bilateral Relations, p. 4. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2017. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_October_2017.pdf

[383] 张绪通 "西游记对中国人思想的影响", Zhāngxùtōng xīyóu jì duì zhōngguó rén sīxiǎng de yǐngxiǎng (Чжан Сюйтун "Влияние "Путешествия на Запад" на китайскую мысль"). – URL: http://www.zhongguozhihui.com/discourses/articles/TopicArticle2.html

[384] C-1 Population by Religious Community. // Office of the Registrar General & Census Commissioner, India Ministry of Home Affairs, Government of India. – URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/C-01.html

приблизительным оценкам, 18% китайцев – буддисты, что составляет около половины всех последователей буддизма в мире[385]) и странах Юго-Восточной Азии. До сих пор влияние этого учения является значимым и для индийско-китайского диалога культур, и для Азии в целом[386]. Даже экономическая инициатива Китая «Один пояс – один путь» во многом базируется на маршрутах, по которым проходили буддистские монахи, проповедуя своё учение в регионе[387]. Индийская сторона, в свою очередь, поддерживает сохранение общих культурных традиций, в частности строя буддистские храмы на территории КНР[388], а также поддерживая и воздвигая памятники, подчеркивающие общность индийской и китайской истории и совместный вклад каждой страны в распространении учения Будды (хотя буддизм как инструмент мягкой силы Индия стала использовать только при Нарендре Моди, который стал уделять ей особое внимание)[389]. Добавим, что ставшие ключевыми для новейшей истории индийско-китайских отношений принципы «***панча шила***», регламентировавшие «кодекс поведения» двух азиатских государств, по сути, обязаны своим названием именно буддизму, в котором так обозначаются условные «заповеди» («шила» – заповедь, на санскрите)[390]. С другой стороны, буддистский фактор оказывает и негативное влияние на диалог между странами: правительство Далай-ламы, религиозного лидера всего мира тибетского буддизма, находится в Индии; на индийской же территории расположен и Таванг – одно из нескольких мест его возможной реинкарнации, в связи с чем его принадлежность оспаривается Китаем.

Помимо буддизма, китайцы переняли от индийцев ***йогу*** – при том в большей степени именно как комплекс упражнений, а не как совокупность

---

[385] Starr J.K. 5 Facts about Buddhists around the World. // Pew Research Center, 2019. – URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/04/05/5-facts-about-buddhists-around-the-world/
[386] Sen T. India, China, and the World: A Connected History, p. 6. / London: Rowman & Littlefield, 2017. – 541 p.
[387] Palit P.S. Analysing China's soft power strategy and comparative Indian initiatives, p. 263. — New Delhi : India Sage Publ., 2017. – 369 p.
[388] President inaugurating the White Horse Temple. // Embassy of India, China – 2010. – URL: https://www.eoibeijing.gov.in/president-white-horse-temple.php
[389] India-China Bilateral Relations, p. 4. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2017. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_October_2017.pdf
[390] Wolf O.S. The China-Pakistan Economic Corridor of the Belt and Road Initiative, p. 171. Concept, Context and Assessment. Contemporary South Asian Studies – Springer International Publishing, 2020. – 395 p.

мировоззренческих установок, одной из шести основных философских школ Древней Индии[391]. Высока вероятность того, что именно через буддистское учение йога, пусть и претерпев ряд трансформаций и приобретя китайскую специфику, стала практиковаться и в Китае. Несмотря на то, что интерес к йоге в индийском понимании не нашёл широкого отклика среди китайского населения, сегодня она активно популяризируется как в КНР, так и по всему миру и представляет собой один из инструментов продвижения индийской «мягкой силы». Стоит отметить, что в декабре 2014 г. Пекин стал одним из коспонсоров индийской резолюции в ООН об учреждении ***Международного дня йоги*** 21 июня[392]. Дни йоги особенно популярны в восточной части Китая, а проводятся они в формате занятий, совмещающих две практики – индийскую йогу и китайское боевое искусство ***тай-чи*** (один из видов ушу)[393]. Интересно, что такой «культурный обмен» иногда происходит даже во время совместных военных учений индийцев и китайцев, что позволяет солдатам с обеих сторон повысить доверие друг к другу и укрепляет дружественные связи между армиями двух государств[394].

Однако не стоит сводить культурно-цивилизационное обогащение двух культур к их давнему историческому прошлому, ведь до середины XX в. в силу объективных географических причин индийско-китайские отношения носили ограниченный характер, а полноценное двустороннее взаимодействие ведёт свою историю уже с биполярного периода, когда Индия и КНР стали независимыми государствами. Новейшая история привнесла свои особенности, последствия которых ощущаются вплоть до сегодняшнего дня. Так, XX в. ознаменовался установлением коммунистического правительства в Китайской Народной

---

[391] Маслов А.А. Что случилось с йогой в Китае? // Центр Шаолинь – 2010. – URL: https://centrshaolin.ru/question-joga.html

[392] United Nations Adopts PM Modi's Proposal, Declares an International Yoga Day. // NDTV. – 2014. – URL: https://food.ndtv.com/food-drinks/united-nations-adopts-pm-modis-proposal-declares-an-international-yoga-day-712099

[393] 9 Chinese Cities to Host Yoga Day Celebrations. // NDTV. – 2016. – URL: https://www.ndtv.com/world-news/9-chinese-cities-to-host-yoga-day-celebrations-1420417

[394] Yuwei H. China, India resume annual counter-terrorism exercise amid improved military trust. // The Global Times English Edition: China, World. – 2018. – URL: http://www.globaltimes.cn/content/1133407.shtml

Республике, что не могло не оказать воздействие на соседнее внеблоковое государство. Китай всячески стремился поддерживать индийских коммунистов, при этом играя не последнюю роль в содействии сторонникам коммунизма именно по китайскому «образцу» в противовес тем, кто выбрал «советский» вариант: труды Мао Цзэдуна активно переводились на английский и индийские языки, индийские делегации приглашались в Китай, китайские представители взаимодействовали с различными индийскими организациями[395]. Иными словами, сначала они взаимодействовали с Коммунистической партией Индии (КПИ), которая, однако, выбрала для себя «просоветский» курс, короткое время заигрывали с отколовшейся в 1964 г. от КПИ Коммунистической партией (марксистской; КПИ(м)), а потом переключили свое внимание на Коммунистическую партию (марксистско-ленинскую), образованную в 1969 г. радикалами, вышедшими из КПИ(м) и тесно связанными с индийскими маоистами[396]. Увлечение коммунистическими идеями в «китайском ключе» непосредственным образом сказалось на методах, которыми планировалось достичь их реализации – путь китайской революции был признан образцовым, а соответственно уничтожение «классовых врагов» стало ассоциироваться со следованием идеям Мао[397]. Безусловно, маоизм как идеология, предполагающая осуществление «новой демократической революции» как фундамента для построения социализма, получил широкое развитие в 1960-е гг. на фоне «культурной революции» в Китае[398]. С тех пор ***маоисты***, или ***наксалиты*** (название происходит от места первого крупного восстания радикальных маоистских группировок – деревни Наксальбари, штат Западная Бенгалия), воспринимаются как сила, подрывающая общественный порядок и государственные устои, а значит представляющая угрозу национальной

[395] Passin H. Sino-Indian Cultural Relations, pp. 85-88. // The China Quarterly, 1961. № 7. – P. 85–100.
[396] Mohanty M. Chinese Revolution and the Indian Communist Movement, p. 27. // China Report, 1991. 27(1), 27–39. doi:10.1177/000944559102700103
[397] Ibid, pp. 31-32.
[398] Gupta T.D. Maoism in India: Ideology, Programme and Armed Struggle, p. 3173. // Economic and Political Weekly, 2006. Vol. 41, № 29. – P. 3172–3176.

безопасности страны[399]. Неудивительно, что в 2006 г. премьер-министр Индии Манмохан Сингх выразил уверенность, что именно «движение наксалитов является самым серьёзным вызовом внутренней безопасности, с которым когда-либо сталкивалась страна»[400]. Коммунистическая партия Китая (КПК) изначально поддерживала стремления наксалитов[401], однако после смерти Мао Цзэдуна и с приходом к власти Дэн Сяопина идеологическая линия самой КНР претерпела сильные изменения: маоизм утратил былую значимость, а следовательно, и его индийские последователи (которые, кстати сказать, тоже потеряли связь с учением «Великого кормчего») уже не представляли интерес для КПК. И хотя сейчас сохранение маоизма связано преимущественно с внутренними проблемами (бедность, неравенство и пр.), всё же не стоит забывать о первоначальных идеологических основаниях этого феномена, который всё ещё оказывает влияние на индийскую политику.

Есть и позитивные идеологические установки, имеющие корни в относительно недавнем историческом прошлом двух стран и связывающие Индию и Китай в наше время. Речь идёт об общем колониальном опыте этих государств (в частности, негативные последствия колониальной политики британской Ост-Индской компании[402]), который сплотил их в борьбе за справедливое распределение благ и сблизило их ***мирополитические взгляды*** (хотя Китай, в отличие от Индии, никогда не был колонией, он всё же испытывал на себе влияние различных иностранных государств, которые вторгались на его территории в случае конфликта интересов[403]). Оба государства выступают за полицентричный миропорядок, разделяют необходимость сотрудничать по линии

---

[399] India's Maoist rebels: An explainer. // Al-Jazeera News – 2017. – URL: https://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/04/india-maoist-rebels-explainer-170426132812114.html

[400] PM's speech at the Chief Minister's meet on Naxalism. // Former Prime Minister of India, Prime Minister's Office – 2016. – URL: https://archivepmo.nic.in/drmanmohansingh/speech-details.php?nodeid=302

[401] Sahoo N. India, China and the ironies of Maoism. // Observer Research Foundation. – 05.2017. – URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/indian-china-ironies-of-maoism/

[402] Князев С. «Целый субконтинент стал жертвой насилия»: какую роль Британская Ост-Индская компания сыграла в мировой истории. // Russia Today на русском – 02.08.2018 – URL: https://russian.rt.com/science/article/541812-istoriya-ost-indskaya-kompaniya

[403] Перминова В.А. Идея колониализма и оценка результатов иностранного присутствия в Китае, с. 176-177. // Кобзев А.И. и др. Общество и государство в Китае. Москва: ФГБУН ИВ РАН. 2012. – С. 176-182.

Юг-Юг, стремятся улучшить положение стран развивающегося мира и сталкиваются со схожими социально-экономическими проблемами, во многом ставшими следствием империализма и неоимпериализма[404]. Несмотря на усиливающееся геополитическое соперничество, Дели и Пекин по сей день содействуют реализации принципов, заложенных на Бандунгской конференции, которые они продвигают в рамках Большой Двадцатки или на Конференции по диалогу между цивилизациями Азии[405].

Если всё же отойти от исследования историко-идеологического наполнения индийско-китайского культурно-цивилизационного взаимодействия, то приходится констатировать, что в остальном связи двух государств развиты крайне слабо. Учитывая численность населения обеих стран и масштабность распространения их ***диаспор*** по всему миру (Индия на первом, Китай – на третьем месте в мировом рейтинге стран с крупнейшими диаспорами[406]), тот факт, что индийская диаспора в Китае насчитывает чуть более 56 тысяч человек (данные индийской статистики[407]), а китайская в Индии – 18165 (совокупные данные ООН за весь период 1990–2019 гг.[408]), свидетельствует о том, что непосредственные контакты между населениями двух государств (people-to-people ties) довольно ограничены и не находятся в списке приоритетных направлений развития сотрудничества.

---

[404] Miller M.C. Wronged by Empire: Post-Imperial Ideology and Foreign Policy in India and China, p. 66. / Stanford University Press, 2013. – 192 p.
[405] Peigen X., Yi C., Liqi X. Three cheers for civilization: China conference brings Asia together. // The Hindu – 15.05.2019 – URL: https://www.thehindu.com/brandhub/three-cheers-for-civilization-china-conference-brings-asia-together/article27135086.ece
[406] International Migration 2019: Report, p. iv. // United Nations Department of Economic and Social Affairs | Population Division. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf
[407] Population of Overseas Indians. // Ministry of External Affairs, Government of India: Overseas Indian Affairs – 2018. – URL: https://mea.gov.in/images/attach/NRIs-and-PIOs_1.pdf
[408] Total migrant stock at mid-year by origin and by major area, region, country or area of destination, 1990-2019. // Department of Economic and Social Affairs, United Nations: International migrant stock 2019. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp

Образовательные обмены также довольно немногочисленны. В Индии проходят обучение около 2 тыс. китайских студентов[409], в Китае же число индийских студентов составляет чуть более 23 тыс. человек (по этому показателю Индия находится на 4 месте после Южной Кореи, Таиланда и Пакистана)[410]. Для сравнения в США учатся почти 370 тыс. китайцев и чуть больше 202 тыс. индийцев[411]. Однако стоит заметить, что индийские граждане всё чаще выбирают для себя китайские университеты, что связано с рядом факторов: низкие издержки на обучение и проживание, близость к дому, а также большой спектр курсов на английском языке[412]. Особенно часто выбираемыми являются медицинское направление и курсы по изучению китайского языка и китайской культуры, хотя в последнее время и инженерные науки набирают популярность[413]. С китайскими студентами ситуация гораздо сложнее – помимо сложностей с языковым барьером, а курсов на китайском не так уже и много, равно как и преподавателей китайского языка[414], они сталкиваются с достаточно жёсткими нормативно-правовыми условиями (визовые вопросы, бюрократия, ограничения на сотрудничество индийских и китайских мозговых центров и пр.)[415], небезопасной социальной средой (студентов, в частности, беспокоит неуважительное отношение к женщинам и негативное восприятие китайских граждан) и невозможностью трудоустроиться после окончания обучения – большинство китайских выпускников индийских ВУЗов возвращаются на родину, где гораздо

[409] Patil R. India and China need a push to encourage more people to live across the border. // The Economic Times. – 2015. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-commentary/india-and-china-need-a-push-to-encourage-more-people-to-live-across-the-border/
[410] Statistical report on international students in China for 2018. // Ministry of Education of the People's Republic of China – 2019. – URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html
[411] Hickey C.K. New Data Shows Slowdown in Growth of International Students in the U.S. // Foreign Policy – 2019. – URL: https://foreignpolicy.com/2019/11/20/new-data-shows-slowdown-in-growth-of-international-students-in-the-u-s-china-india-saudi-arabia/
[412] Xinying Z. More Indians studying in China. // China Daily: Education – 2015. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/25/content_20807203.htm
[413] Pushkar. If 'Study in India' Is to Be a Hit, We Must Get Right What China Has Perfected. // The Wire: Education – 2018. – URL: https://thewire.in/education/if-study-in-india-is-to-be-a-hit-we-must-get-right-what-china-has-perfected
[414] China is ready for an educational exchange programme with Kerala. // Kaumundi Online. – 02.2019. – URL: https://keralakaumudi.com/en/news/news.php?id=53314&u=china-is-ready-for-an-educational-exchange-programme-with-kerala-53314
[415] Niazi S. India restricts university collaborations with China. // University World News – 2019. – URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191010131823 24

легче найти работу[416]. Тем не менее китайские студенты заинтересованы в изучении хинди, который пока является лидирующим среди выбираемых предметов[417]. На государственном уровне осуществляются некоторые шаги для улучшения ситуации с индийско-китайским диалогом в сфере образования. Так, в 2006 г. правительства двух государств подписали соглашение о программе образовательных обменов, в рамках которой для студентов с обеих сторон выделяются стипендии на обучение в высших учебных заведениях и прохождении курсов языка хинди[418] (с китайским языком ситуация несколько сложнее: как правило, базовые знания требуются от студентов ещё до поездки в Китай, а его преподавание в Индии ограничено несколькими институтами), ведётся работа по дипломатическим каналам (организовываются индийские и китайские центры культуры, проводятся курсы и совместные мероприятия), на регулярной основе проводятся встречи представителей интеллектуальных кругов[419]. И всё же на данный момент предпринимаемых мер недостаточно, чтобы добиться реального прогресса на этом направлении.

Киноиндустрия, театральное и иные виды искусств были довольно популярны в обеих странах в периоды налаживания двустороннего взаимодействия (1950-е и 1980-е гг.)[420]. Однако со временем, на фоне ухудшения политических отношений – особенно после войны 1962 г. – интерес друг к другу во всех сферах, в том числе и в культуре, стал постепенно угасать. Лишь недавно популярность индийских фестивалей, выставок, театральных спектаклей и,

---

[416] Ding Q. China emerges as a more popular education hub for Indian students. // CCTV: Exclusive – 2018. – URL: http://english.cctv.com/2018/06/01/ARTImmQZQN9kSAoshNAE0xCl180601.shtml

[417] Number of Indian students in China crosses 13,500. // The Economic Times – 05.2015. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/nri/nris-in-news/number-of-indian-students-in-china-crosses-13500/articleshow/47420552.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

[418] India-China Bilateral Relations, p. 5. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2017. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_October_2017.pdf

[419] India and China discuss education cooperation, possibility of mutually recognising qualifications. // India Today – 2019 – URL: https://www.indiatoday.in/education-today/news/story/india-china-discuss-education-cooperation-at-first-joint-working-group-meet-1610062-2019-10-16

[420] Bosu R.S. Dangal underlines popularity of Indian films in China. // China Daily – 2017. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2017-07/20/content_30186720.htm

главным образом, Болливуда в Китае вновь стала возрастать[421], так как большинство из них отражает общие для индийского и китайского общества социально-экономические проблемы[422]. Совсем недавно для обеспечения продуктивного партнёрства Индия и Китай подписали соглашения по культурным обменам, сотрудничеству в сфере здравоохранения, спорта и управления музеями[423].

Туризм развивается довольно динамично, Индия и Китай привлекают всё больше внимания со стороны своих соседей, хотя ни одно из государств до 2018 г. не входило в десятку стран по числу туристов в рейтингах друг друга[424]. Вместе с тем индийское правительство постепенно упрощает систему получения туристических виз (есть возможность получить электронную визу онлайн), устанавливает знаки с названиями достопримечательностей на разных языках (в частности, китайском), открывает прежде закрытые локации (Гималаи), а также продвигает альтернативные туристические маршруты для ознакомления туристов не только с традиционными местами для посещения, но и не столь известными направлениями[425]. Вместе с тем за 2018 г. Китай посетило около 865 тысяч индийцев[426], а Индию – чуть более 280 тысяч китайцев, что говорит о непропорциональности и относительно слабом развитии двусторонних

---

[421] India-China Bilateral Relations, p. 4. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2017. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_October_2017.pdf

[422] Yau E. Why Indian films like Dangal and Toilet are so popular in China: similar problems. // South China Morning Post – 2018. – URL: https://www.scmp.com/culture/film-tv/article/2177193/why-indian-films-dangal-and-toilet-are-so-popular-china-similar

[423] India, China sign 4 agreements to strengthen people-to-people ties. // India Today – 08.2019. – URL: https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-agreements-strengthen-ties-1580115-2019-08-12

[424] India Tourism Statistics at a Glance – 2018, p. 6. // Ministry of Tourism, Government of India – 2018. – URL: https://tourism.gov.in/sites/default/files/2020-04/ITS_Glance_2018_Eng_Version_for_Mail.pdf; China Inbound Tourism in 2017. – URL: https://www.travelchinaguide.com/tourism/2017statistics/inbound.htm#:~:text=According%20to%20reports%20from%20Ministry,by%203.6%25%20year%20on%20year

[425] Mathur S. With eye on tourists from China, India revamps policy. // Times of India – 2019. – URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/73038706.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst; Pariona A. Top Source Countries for Tourists to China. World Atlas. // World Atlas – 01.08. 2017. – URL: https://www.worldatlas.com/articles/top-source-countries-for-tourists-to-china.html

[426] Most important countries of origin of foreign tourists in China in 2018. // Statista – URL: https://www.statista.com/statistics/234149/tourists-in-china-by-country-of-origin/#:~:text=All%20in%20all%2C%20approximately%2030.54,tourists%20visited%20China%20in%202018

туристических обменов между странами двусторонних туристических обменов между странами[427].

Отдельно отметим, что для сближения двух государств были предприняты и шаги более «локального» уровня: между Пекином и Дели, Куньмином и Калькуттой, Чэнду и Бангалором были подписаны договоры, в результате которых они впервые в истории стали ***городами-побратимами***[428].

Сотрудничество двух государств по линии ***СМИ*** носит весьма специфический характер в связи с особенностями внутриполитической системы обеих стран, а также их двусторонних отношений. Во-первых, разительно отличается функционирование индийской и китайской прессы: если первые в основном являются частными, пользуются демократическими свободами и хоть и осторожно, но критикуют правительство, то последние всецело подчинены государству, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на то, как именно транслируются те или иные события, и как они подаются отечественной аудитории[429]. Более того, недавно китайское правительство уличили в манипулировании иностранными журналистами посредством предоставления им максимально эксклюзивных условий (доступ к государственным структурам, высокая оплата труда, проживание и пр.) для создания более благоприятного образа Китая за рубежом[430]. Во-вторых, взаимное негативное восприятие друг друга на фоне территориальных споров сказывается на содержании тех материалов, которые призваны объективно оценивать происходящее на границе. В-третьих, повестка дня, которую выбирают СМИ обеих странах для освещения событий, происходящих в другой, не позволяет составить объективное мнение о стране, а зачастую и вовсе сбивает с толку. Всё это усугублялось нехваткой

[427] India Tourism Statistics at a Glance – 2019, p. 6. // Ministry of Tourism, Government of India – 2020. – URL: https://tourism.gov.in/sites/default/files/2020-04/India%20Tourism%20Statistics%20at%20a%20Glance%202019.pdf
[428] China and India. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China: Department of Asian Affairs – 2014. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/gjlb_663354/2711_663426/
[429] Kondapalli S. How Indo-China media cooperation can help relations. // Rediff.com – 2013. – URL: https://www.rediff.com/news/column/how-indo-china-media-cooperation-can-help-relations/20130917.htm
[430] Krishnan A. China is buying good press across the world, one paid journalist at a time. // The Print – 2018. – URL: https://theprint.in/opinion/china-is-paying-foreign-journalists-including-from-india-to-report-from-beijing/154013/

квалифицированных кадров (незнание китайского языка/индийских языков и особенностей китайской/индийской культуры)[431]. До недавнего времени пресса обеих стран была слабо представлена в соседней стране. Сегодня из индийской прессы в Пекине находятся лишь агентства The Press Trust of India и The Indo-Asian News Service (IANS), газетами The Hindu, HindustanTimes, The Times of India, журнал India Today[432], в то время как из китайских новостных агентств в Нью-Дели присутствует лишь Синьхуа[433], а остальные берут информацию из индийских, либо из зарубежных СМИ[434]. Для того, чтобы улучшить освещение каждой из сторон своего соседа, в 2013 г. Дели и Пекин договорились о проведении ежегодного индийско-китайского форума СМИ[435], целью которого является налаживание диалога между двумя государствами, противостояние западной неоднозначной трактовке событий и обеспечение совместного освещения чувствительных вопросов[436].

Таким образом, культурно-цивилизационное сотрудничество Дели и Пекина, с одной стороны, имеет глубокие исторические корни, а с другой – практически не развивалось вплоть до недавнего времени ввиду целого комплекса геополитических, экономических и социальных причин. Одной из ключевых проблем является нехватка страноведов – как синологов, так и индологов – в Индии и в Китае соответственно, что не позволяет радикально переломить тенденцию к ограниченному взаимодействию двух стран. Существенным препятствием являются и языковые барьеры – если Индия преимущественно ориентирована на англоязычный мир (на это имеются и исторические причины), а

---

[431] Kondapalli S. How Indo-China media cooperation can help relations. // Rediff.com – 2013. – URL: https://www.rediff.com/news/column/how-indo-china-media-cooperation-can-help-relations/20130917.htm

[432] Krishnan A. China is buying good press across the world, one paid journalist at a time. // The Print – 2018. – URL: https://theprint.in/opinion/china-is-paying-foreign-journalists-including-from-india-to-report-from-beijing/154013/

[433] Krishnan A. Three Chinese reporters 'to be expelled' from India. // India Today – 2016. – URL: https://www.indiatoday.in/world/story/xinhua-news-agency-chinese-journalists-expelled-india-china-indo-china-relations-330950-2016-07-23

[434] Jeffrey R., Sen R. Media at Work in China and India: Discovering and Dissecting. New Delhi: SAGE Publications, 2015.

[435] China and India. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China: Department of Asian Affairs – 2014. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/gjlb_663354/2711_663426/

[436] External Affairs Minister’s Remarks at the 4th India-China Media Forum. // Ministry of External Affairs, Government of India: Visit Detail – 08.2019. – URL: https://mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?31726/External+Affairs+Ministers+Remarks+at+the+4th+IndiaChina+Media+Forum

английский, как известно, – язык международного общения в стране, то КНР, хоть и внедряет англоязычные программы и развивает англоязычные сегменты, всё же остаётся китаеязычной во всех сферах жизни общества, что затрудняет коммуникацию не только с Индией, но и с другими странами. И хотя ряд государственных мер с обеих сторон всё же способствует позитивной динамике взаимодействия Нью-Дели и Пекина[437], налаживанию контактов между населениями двух государств[438], а также диалогу интеллектуальных элит обеих стран, однако для получения ощутимых результатов потребуется политическая воля, длительное время и много усилий.

Итак, рассмотрение двустороннего уровня индийско-китайских отношений позволяет сделать вывод о том, что наиболее развитая составляющая их двустороннего сотрудничества – торгово-экономическая, а наименее развитая – культурно-цивилизационная. При этом самые серьёзные разногласия характерны для военно-политического аспекта, поскольку именно он затрагивает ключевые вопросы территориальной целостности и безопасности, по которым Нью-Дели и Пекин не могут прийти к компромиссу на фоне отличающегося понимания истории и укоренившегося недоверия друг к другу, а также периодического нарастания напряжённости на приграничных участках. Индия так и не оправилась от травмы поражения в индийско-китайском конфликте 1962 г., и, несмотря на некоторое потепление политических отношений между двумя государствами, которое началось с конца 1980-х гг., продолжает сохранять сдержанную и осторожную позицию по отношению к соседу. Именно напряжённость в военно-политической сфере периодически сводит на нет усилия в других областях сотрудничества, так как непосредственно отражается на восприятии сторонами друг друга. Это довольно ярко проявилось в ходе недавнего противостояния в районе Ладакха, которое в 2020 г. обострилось настолько, что привело к жертвам

[437] Press Release: Activities to Celebrate the 70th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations Between India and China. // Embassy of India, Beijing – 11.2019. – URL: https://www.eoibeijing.gov.in/press-release-22-11-19.php
[438] 2020 to be 'India-China Cultural and People to People Exchanges' year. // The Economic Times – 10.2019. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/2020-to-be-india-china-cultural-and-people-to-people-exchanges-year/articleshow/71554468.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

с обеих сторон. На этом фоне многие стали опасаться «сползания» к войне, однако после нескольких раундов переговоров сторонам вновь удалось встать на путь мирного урегулирования: в феврале 2021 г. они начали поэтапное отведение войск от Линии фактического контроля и продолжают вести переговоры с целью дальнейшей нормализации ситуации[439]. Торгово-экономические связи также подвержены воздействию негативных факторов, хотя Нью-Дели и Пекин стремятся делать акцент на том, что их сотрудничество в данной сфере позитивно влияет на всю систему отношений. Культурно-цивилизационное взаимодействие стран по-прежнему носит ограниченный характер, а потому, к сожалению, не имеет решающего значения для остальных сфер индийско-китайского партнерства; а ведь наличие соответствующих страновых специалистов и развитие диалога культур во многом могло бы изменить устоявшиеся мифы и стереотипы относительно друг друга. В целом, приходится констатировать, что двусторонние отношения на данном этапе хоть и развиваются, всё же направляются усилием политической воли руководителей государства, понимающих опасность возможных последствий конфронтации, а не движутся по некогда заданной восходящей траектории.

[439] СМИ: Индия и Китай готовятся к новому раунду переговоров по ситуации в Ладакхе. // ТАСС – 08.04.2021. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11094219

ГЛАВА 3. КИТАЙСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

3.1. Индийско-китайские отношения в Южной Азии

Важность Южной Азии определяется её географией – расположенная на перекрёстке сухопутных и морских путей, превратившимися в последнее время в главные артерии торговли и поставок энергоресурсов, она становится всё более значимой для Индии и Китая. Южная Азия – это регион, состоящий из Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Шри-Ланки, Бутана и Мальдивских островов[440]. Иногда в этот список включают Афганистан[441], однако автор считает, что по совокупности историко-культурных и политических характеристик он относится к государствам Среднего Востока, а потому не рассматривает это государство в южноазиатском контексте.

Среди южноазиатских государств наиболее существенным весом с точки зрения территории, населения, экономики и политического влияния обладает Индия, имеющая сухопутные или морские границы со всеми странами региона, второе место занимает Пакистан. Принадлежность Индии к региону естественным образом объясняет его роль в индийской внешней политике. Политика налаживания диалога с соседними странами является одним из ключевых направлений для любого государства, поскольку она непосредственно влияет на его безопасность и процветание.

При этом исторически Дели проявлял большой интерес к широкому международному контуру афро-азиатского мира, наряду с Южной Азией. Это связано с тем, что Индия ставила перед собой задачи глобального масштаба – показать пример деколонизации, воплощавший сочетание западных моделей с

---

[440] Лунев С.И. Современные международные отношения. // Под. ред. А.В. Торкунова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/tork/13.php

[441] Например, ООН. См. SDG Indicators: Regional groupings used in Report and Statistical Annex. // URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/regional-groups/

восточной спецификой, и стать лидером стран Юга. Правда, Нью-Дели на официальном уровне провозглашал Южную Азию приоритетным направлением внешней политики, хотя в собственном регионе, по мнению индийцев, главная, а порой даже единственная угроза безопасности, исходила из Пакистана и носила ограниченный характер.

Так было до 1962 г., когда индийско-китайская война вынудила индийское руководство пересмотреть свои позиции относительно внешних контуров безопасности. Теперь КНР воспринималась в Индии не как соратник в продвижении общей повестки афро-азиатского мира, а как геополитический соперник и в регионе, и в мире. Начавшееся в 1963 г. формирование китайско-пакистанского альянса окончательно закрепило игру с нулевой суммой между двумя азиатскими гигантами, при этом значимость Южной Азии во внешней политике Индии существенно возросла – она стала рассматриваться не только через призму обеспечения национальной безопасности, но и в рамках установления стратегического доминирования.

Прежде всего это коснулось такого буферного государства как Непал, который с 1960-х гг. стал ареной противостояния Индии и Китая. В 1971 г. в результате индо-пакистанской войны при поддержке Индии в регионе появился новый самостоятельный игрок – Бангладеш, в то время как китайский союзник Пакистан оказался проигравшей стороной. Успех индийцев способствовал закреплению Индии в качестве доминирующей державы в регионе[442]. В 1970-1980-х гг. Дели активизирует свою политику в Южной Азии, в том числе и в отношении морских государств – Мальдив и Шри-Ланки, способствуя нивелированию антииндийских настроений в этих странах и укреплению дружественных ему сил[443]. В этот же период Китай развивает экономические и военно-технические отношения со странами региона, что индийцы воспринимают настороженно, однако на фоне наметившейся в конце 1970-х нормализации

[442] Лунёв С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия, с. 73. – М.: Издательство Юрайт, 2019. — 304 с.
[443] Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике, с. 33. – М.: Международные отношения, 2003. — 368 с.

двусторонних отношений реагируют довольно сдержанно. В 1985 г. формируется Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии (СААРК), объединившая все страны региона, однако разногласия по линии Дели-Исламабад и недоверие малых стран к индийскому доминированию подрывали эффективность этой организации с самого начала её существования[444].

В целом, в биполярный период с одной стороны, усиливались позиции Индии в регионе, и к концу 1980-х гг. она закрепила свой статус региональной державы[445] Южной Азии, а с другой – в соседних государствах усилились обвинения Нью-Дели в гегемонизме, они начали искать альтернативные возможности для балансирования, в том числе за счёт сотрудничества с Пакистаном и КНР. Подобные тенденции наблюдаются и по сей день, при этом Китай наращивает своё присутствие значительными темпами и в некоторых странах оно более существенно, чем индийское, что закономерно вызывает негативную реакцию со стороны Индии. Что касается концептуального наполнения, то до середины 1990-х гг. отношения со странами региона зиждились преимущественно на двусторонних договорах, и лишь в 1996 г. была сформулирована так называемая доктрина Гуджарала, отражающая принципы южноазиатской политики Индии[446]. Самым главным изменением можно считать то, что страна отказывалась от принципа взаимности в отношениях с соседями (кроме Пакистана), а остальные пункты, по сути, вторят принципам «панча шила» о мирном сосуществовании[447]. При этом на фоне роста КНР и усиления её влияния в регионе, Индия вынуждена активизировать и свою политику в Южной Азии. Дели видит в Пекине геополитического соперника, и именно поэтому трактует китайские действия в регионе как попытку окружения и снижения индийского влияния в регионе. По сути, он составляет конкуренцию проектам

---

[444] Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век, с. 593-594. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010.
[445] Есть множество определений понятия «региональная держава», в данном случае автор руководствуется критериями, предложенными Д.Нольте (см. Nolte D. How to compare regional powers: analytical concepts and research topics, p. 893. // Review of International Studies, 2010. 36(04). P. 881–901. DOI:10.1017/s026021051000135x)
[446] Gujral Doctrine. // Drishti IAS – 12.2019 – URL: https://www.drishtiias.com/daily-updates/daily-news-editorials/gujral-doctrine
[447] Panchsheel, p. 1. // Ministry of External Affairs, Government of India – URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/191_panchsheel.pdf

Индии и СААРК в регионе и приводит к де-факто оспариванию индийского первенства в Южной Азии, чего Нью-Дели допустить никак не может. Именно китайский фактор во многом предопределил сдвиги в индийской внешней политике в пользу повышенного внимания к государствам-соседям. В этой связи на современном этапе можно выделить три основных направления соперничества между Индией и Китаем – Пакистан; остальные континентальные страны и морские государства региона.

3.1.1. Треугольник Индия-Пакистан-Китай

Как отмечалось ранее, данная геополитическая фигура оформилась в 1963 году. На протяжении биполярного периода Пакистан оставался южноазиатским квази-союзником Пекина, однако с 1990-х гг. происходит некоторое изменение в отношениях двух государств. Логика биполярного мира и индийско-китайского регионального противостояния, а также экономическая слабость Китая обусловили преимущественно военно-политический характер взаимодействия Пекина с Исламабадом; окончание Холодной войны, в свою очередь, сместило акценты в пользу экономического сотрудничества.

Впрочем, отход от традиционной линии начался ещё вместе с трансформацией внешнеполитического курса самого Китая после прихода Дэн Сяопина и провозглашения им политики «Открытых дверей» в 1978 г.[448] Будучи заинтересованным в ускоренном экономическом развитии, подразумевавшем в том числе сведение к минимуму конфликтных ситуаций, Китай стремился наладить диалог с мировым сообществом. На этом фоне происходит некоторое потепление в отношениях с соседями – в частности, с Индией; с Пакистаном же, напротив, наблюдается некоторое охлаждение – первостепенное значение приобретают те экономические возможности, которые КНР могла получить от взаимодействия с внешним миром, Исламабад же сам зависел от китайских

[448] Gelb A., Jefferson G., Singh I. Can Communist Economies Transform Incrementally? China's Experience, p. 4. // NBER Macroeconomics Annual, 1993, Vol. 8. – P. 87–133. DOI: https://doi.org/10.1086/654211

инвестиций. Впрочем, экспорт-ориентированная модель экономики, выбранная Китаем, предполагала массовый сбыт китайской продукции, так что Пакистан мог стать выгодным экономическим партнёром, но в долгосрочной перспективе.

Между тем исторически Южная Азия рассматривалась КНР в стратегическом ключе, а потому в этой сфере пакистано-китайские отношения развивались достаточно активно, при этом со сменой приоритетов китайского руководства, китайские военные были ещё сильнее заинтересованы в коммерциализации их деятельности – в результате военно-политическое сотрудничество с Исламабадом в этот период не только не прекратилось, но и укрепилось[449]. Тем более, что после индийского ядерного испытания в 1974 г. пакистанское руководство во всеуслышание объявило о том, что готово «есть траву», лишь бы заполучить собственное ядерное оружие[450]. В этом, с точки зрения геополитического равновесия, был заинтересован и Китай, способствовавший реализации ядерной программы в Пакистане, пик развития которой пришёлся на 1980-е – начало 1990-х гг.[451] Другими словами, в этот период КНР продолжает и даже активизирует военно-политическое взаимодействие с Исламабадом, хотя оно и отходит на второй план, уступая место китайским экономическим интересам, в которых ключевое значение стали приобретать передовые экономики мира – США, Западная Европа и Япония[452].

Если на протяжении биполярного периода Южная Азия преимущественно была полем геополитического соперничества с Нью-Дели, то после реформ Дэн Сяопина и особенно с окончанием Холодной войны на первое место выходят экономические вопросы и «мирная периферия»[453], в результате чего происходит переосмысление китайским руководством взаимодействия с основными игроками

---

[449] Jacob J.T. China-Pakistan Relations: Reinterpreting the Nexus, p. 219. // China Report, 2010. 46 (3). – P. 217–229.
[450] Talbott S. Engaging India: Diplomacy, Democracy, and the Bomb, pp. 17-18. // Brookings Institution Press, 2006. – 270 p.
[451] Paul T.V. Chinese-Pakistani Nuclear/Missile Ties and the Balance of Power, p. 4. // The Nonproliferation Review, 10 (2), 2003. – URL: https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/102paul.pdf
[452] 袁晓彬 “发达国家对华援助不手软, [Yuánxiǎobīn. Fādá guójiā duì huá yuánzhù bù shǒuruǎn; Юань Сяобинь. Развитые страны без колебаний помогают Китаю]. 2013. – URL: http://view.163.com/special/reviews/aidtochina1219.html
[453] Bindra S.S. Chinese Strategy in South Asia, p. 1164. // The Indian Journal of Political Science, 2009. Vol. 70, № 4. – P. 1163–1178.

этого региона. Прежде всего, КНР налаживает диалог с Индией и отходит от всецелой поддержки Исламабада по Кашмирскому вопросу, заявляя о том, что этот вопрос должен решаться двумя сторонами между собой, при этом лучше бы вынести его «за скобки» и сфокусироваться на менее спорных сферах, в частности на укреплении торгово-экономического сотрудничества – что было сделано и самим Пекином в отношении Индии[454]. Между странами, как отмечалось, увеличивается товарооборот, активизируется политический диалог на разных уровнях, наращиваются культурно-цивилизационные обмены. Стоит заметить, что до определённого периода китайцы не рассматривали южноазиатского гиганта как равного соперника, поэтому даже имевшиеся разногласия не вызывали особых опасений у китайской стороны[455].

При этом по мере экономического роста в условиях экспорт-ориентированной модели возрастали потребности Китая в нахождении новых рынков сбыта и источников пополнения ресурсной базы страны[456]. Между тем после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. и последовавшей за этим санкционной политики Запада основная надежда в реализации этих целей была возложена на Азию и Ближний Восток[457]. Отсюда стремление китайского руководства к воплощению в жизнь различных экономических инициатив, в которых Пакистану, расположенному на пересечении стратегически важных регионов Южной и Центральной Азии, а также имеющему выход на страны Среднего и Ближнего Востока, было отведено особое место. Здесь следует сказать о том, что и сами пакистанцы, осознавая преимущества своего географического положения, стали искать партнёров, заинтересованных в улучшении как континентальной, так и морской инфраструктуры, уже в биполярную эпоху – ещё

---

[454] Ibid., p. 1172.

[455] Dalton T., Zhao T. At a Crossroads? China-India Nuclear Relations After the Border Clash. // Carnegie Endowment for International Peace – 08.2020. – URL: https://carnegieendowment.org/2020/08/19/at-crossroads-china-india-nuclear-relations-after-border-clash-pub-82489

[456] Замараева Н.А. КНР на Ближнем и среднем Востоке и в Южной Азии (проект Китайско-пакистанского экономического коридора), с. 215. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. – С. 207–224. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10012

[457] Белокреницкий В.Я. Предпосылки и начальные этапы китайско-пакистанского экономического взаимодействия, с. 21. // Восточная аналитика. 2018. №3. – С. 19–28.

тогда им стала именно КНР[458]. Однако только с 2000-х гг. китайско-пакистанское экономическое сотрудничество стало действительно набирать обороты, кульминацией которого можно считать проект под названием «Китайско-пакистанский экономический коридор» (КПЭК), анонсированный Пекином в апреле 2015 г.[459] Он позволит не только многократно сократить маршрут следования грузов из Европы, Ближнего и Среднего Востока в Китай и расширит китайскую сферу влияния, но и превратит Пакистан в своего рода международный перевалочный хаб.

Следует также учитывать, что всё более важное значение стала иметь активизация развития наиболее слабых с экономической точки зрения регионов страны. Ещё с конца прошлого века КНР связывала внутреннюю нестабильность отдельных регионов с их слабой вовлеченностью в экономическую деятельность страны, поэтому уже тогда началось строительство автомагистралей и железных дорог, которые могли бы связать отдалённые провинции с остальным Китаем[460]. Достигнув определенных успехов на внутреннем направлении, китайцы устремили взгляды на сопредельные страны, чтобы связать свои территории с внешним миром, активизировав тем самым международную торговлю и сделав их привлекательными для иностранных инвестиций[461]. Недаром американские исследователи Л. Стили и Р. Куо в статье «Терроризм в Синьцзяне?» отмечают, что «стабильный Синьцзян – с улучшенной инфраструктурой, транспортными средствами и, возможно, даже с трубопроводом – будет жизненно важным связующим звеном между Китаем и энергетическими рынками»[462].

Наконец, в этой связи нельзя не подчеркнуть и роль вызовов безопасности – распространение терроризма и усиление сепаратистских тенденций, решение которых Пекин во многом также видит в экономической плоскости (хотя,

---

[458] Там же, с. 21–23.
[459] Замараева Н.А. Индия и проект Китайско-пакистанского экономического коридора, с. 60. // Восточная аналитика. 2018. №3. – С. 60–66.
[460] Moneyhon M. China's Great Western Development Project in Xinjiang: Economic Palliative, or Political Trojan Horse, pp. 501–502. // Denver Journal of International Law & Policy, 2020. Vol. 31. Number 3. – P. 491–519.
[461] Ibid., pp. 502–503.
[462] Steele L., Kuo, R. Terrorism in Xinjiang?, p. 5. // Ethnopolitics, 2007. 6(1). – P. 1–19. doi:10.1080/17449050600917072

конечно, этим не ограничиваются – практикуются «лагеря перевоспитания»[463], проводится политика «китаизации» региона[464] и пр.)[465]. Логика такова: чем более экономически развитыми становятся приграничные районы – тем меньше призывов к отделению и тем сложнее террористическим организациям вербовать местное население, поскольку именно экономические стимулы в данном контексте, как правило, являются определяющими – в китайском случае речь о Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР); в Пакистане подобная обеспокоенность существует в отношении Белуджистана (хотя и здесь экономические стимулы далеко не единственный инструмент воздействия[466])[467].

Здесь стоит чуть подробнее остановиться на уже упомянутом нами КПЭК, который призван ответить на вызовы, стоящие сегодня перед Пекином и Исламабадом. На данный момент «дорожной картой» масштабного двустороннего проекта является подписанный сторонами в 2017 г. «Долгосрочный план по развитию Китайско-пакистанского экономического коридора (2017–2030 гг.)» (Long Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor), который устанавливает три условных горизонта выполнения поставленных целей: 2020 год – устранение основных препятствий и создание базовых условий для стимулирования экономической активности на всей протяженности КПЭК, 2025 год – практически полное завершение строительства инфраструктурных и промышленных объектов, существенное улучшение жизни населения и достижение большего баланса регионального развития, 2030 год – полноценное осуществление всех задач, сопряжение Южной и Центральной Азии, завершение создания механизма устойчивого развития и превращение Южной Азии в

---

[463] Коростиков М. Власти Китая узаконили лагеря перевоспитания мусульман. // Коммерсант – 10.2018. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3766348#id1408741

[464] Синьцзян: современная жизнь и проблемы "нетипичного" Китая. // РИА Новости – 07.2015. – URL: https://ria.ru/20150718/1135310143.html

[465] Tanner M.S., Bellacqua J. China's Response to Terrorism, p. 47. // U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2016. – 208 p. – URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Chinas%20Response%20to%20Terrorism_CNA061616.pdf

[466] Mendez Z.H. Repression and Revolt in Balochistan; The Uncertainty and Survival of a People's National Aspirations, p. 50. // Journal of Indo-Pacific Affairs, Vol.3, Iss.3., 2020. – URL: https://media.defense.gov/2020/Aug/31/2002488092/-1/-1/1/MENDEZ.PDF

[467] Казанин М.В. Китай и Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века, с. 92. Москва: Институт Ближнего Востока, 2017 – 104 с.

международную экономическую зону с глобальным влиянием[468]. Проект включает в себя прокладку целого ряда автодорожных магистралей, железнодорожных путей сообщения, нефтяного и газового трубопроводов из пакистанского порта Гвадар в китайский СУАР, множество смежных инициатив в энергетической сфере и создание специальных экономических зон[469]. Транспортная инфраструктура, в том числе при участии Китая, во многом была построена ещё в прошлом столетии, однако с 2015 г. начались активные работы по её ремонту, модернизации и расширению. Особенную сложность на этом направлении представляют тяжёлые топографические и климатические условия (высокогорье, высокий риск оползней, повышенная сейсмичность и пр.), что, в свою очередь, нередко приводит к вынужденным поискам альтернативных маршрутов и удорожанию проекта[470]. Что касается порта, то ещё в XX веке Гвадар был рыболовецкой деревушкой, до 1958 г. находившейся под управлением Омана, который передал свои права Пакистану за 3 млн долл. США[471]. И хотя пакистанцы ещё в XX веке пытались найти «спонсора», который был бы готов вложить средства в развитие Макранского побережья, лишь в начале 2000-х гг. им это удалось – инвестором стал Китай[472]. Развитие инфраструктуры, однако, проходило в несколько этапов, что связано с целым рядом препятствий, с которыми столкнулись обе стороны и продолжают сталкиваться сегодня (коррупция, политическая нестабильность, терроризм и пр. в Пакистане[473]), при этом активизация процессов углубления и обустройства порта началась именно с подписанием КПЭК. Помимо транспорта и порта, важными пунктами на повестке дня являются энергетические проекты с использованием как традиционных

---

[468] Long Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor (2017-2030), p. 9. // Ministry of Planning, Development and Special Initiatives, China-Pakistan Economic Corridor. – URL: http://cpec.gov.pk/brain/public/uploads/documents/CPEC-LTP.pdf

[469] Казанин М.В. Китай и Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века, с. 93. Москва: Институт Ближнего Востока, 2017 – 104 с.

[470] Khan S., Liu G. The China–Pakistan Economic Corridor (CPEC): challenges and prospects, p. 5. // Area Development and Policy, 2018. – P. 1–8.DOI: 10.1080/23792949.2018.1534549

[471] Белокреницкий В.Я. Предпосылки и начальные этапы китайско-пакистанского экономического взаимодействия, с. 23. // Восточная аналитика. 2018. №3. – С. 19-28.

[472] Там же.

[473] Ahmad R., Mi H., Fernald L. W. Revisiting the potential security threats linked with the China–Pakistan Economic Corridor (CPEC), pp. 71-74. // Journal of the International Council for Small Business, 2020. 1(1). – P. 64–80. doi:10.1080/26437015.2020.1724735

ресурсов (нефть и газ), так и альтернативных источников (вода, ветер, солнце)[474], что особенно значимо в условиях острой нехватки электроэнергии и веерных отключений электричества в Пакистане[475]. Существенное внимание уделяется и торгово-промышленным паркам, в том числе в формате продвижения специальных экономических зон[476]. Однако двусторонний план реализации КПЭК не мог не затронуть социальную роль совместных действий Пекина и Исламабада – недаром он делает особый акцент на улучшение жизни населения и устойчивое развитие[477] (но, как ни странно, не предполагает жилищного строительства[478]). В общем и целом, хотя КПЭК и не лишен недостатков, в частности в вопросе создания так называемой «долговой ловушки»[479] или вероятного разрушения культурного наследия Пакистана[480], он всё же отвечает интересам обеих сторон, указанных в Долгосрочном плане: Китай стремится к развитию западного направления, обеспечению экономического роста, укреплению энергетической безопасности и формированию новой, открытой экономической системы в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (иногда именуемой китайским планом Маршалла для Азии[481]), в то время как Пакистан решает вопросы социально-экономического развития и содействует укреплению безопасности и стабильности в стране[482].

---

[474] Long Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor (2017-2030), pp. 15-16. // Ministry of Planning, Development and Special Initiatives, China-Pakistan Economic Corridor. – URL: http://cpec.gov.pk/brain/public/uploads/documents/CPEC-LTP.pdf

[475] Каменев С.Н. Рост населения Пакистана и его влияние на социальные процессы, с. 449. // Доклад на конференции ЦИСБСВ 26.11.2018. – С. 447-453.

[476] Long Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor (2017-2030), pp. 16-18. // Ministry of Planning, Development and Special Initiatives, China-Pakistan Economic Corridor. – URL: http://cpec.gov.pk/brain/public/uploads/documents/CPEC-LTP.pdf

[477] Ibid., p. 12.

[478] Каменев С.Н. Рост населения Пакистана и его влияние на социальные процессы, с. 452-453. // Доклад на конференции ЦИСБСВ 26.11.2018. – С. 447–453.

[479] Khan Z., Changgang G., Afzaal M., et al. Debunking Criticism on the China-Pakistan Economic Corridor, pp. 5-8. // The Chinese Economy, 2020. – P. 1–11. DOI:10.1080/10971475.2020.1792065

[480] Wolf S. O. The China-Pakistan Economic Corridor of the Belt and Road Initiative, p. 151. // Contemporary South Asian Studies, 2020. – 395 p. DOI:10.1007/978-3-030-16198-9

[481] Shen S. How China's 'Belt and Road' Compares to the Marshall Plan. // The Diplomat – 02.2016. – URL: https://thediplomat.com/2016/02/how-chinas-belt-and-road-compares-to-the-marshall-plan/

[482] Long Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor (2017-2030), p. 9. // Ministry of Planning, Development and Special Initiatives, China-Pakistan Economic Corridor. – URL: http://cpec.gov.pk/brain/public/uploads/documents/CPEC-LTP.pdf

Таким образом, налицо трансформация внешнеполитического курса китайского руководства в Южной Азии – военно-политические аспекты сотрудничества хотя и по-прежнему значимы, всё же уступили место акценту на развитие экономических связей, что было воспринято с энтузиазмом в Исламабаде и с настороженностью в Нью-Дели, где действия Китая продолжают воспринимать с геополитической точки зрения. Несмотря на начавшуюся с 1989 г. разрядку в индийско-китайских отношениях, недоверие, возникшее между двумя странами в результате непродолжительной войны 1962 г., продолжает сохраняться, а военно-стратегическое измерение их соперничества не только не осталось в прошлом, но и становится ещё более актуальным по мере роста экономического и политического веса обоих государств на международной арене[483].

Для Индии Южная Азия – это проблема национальной безопасности, сфера влияния и вопрос регионального престижа и международного статуса; регион, который во многом стал приоритетным именно по причине конфликта с северным соседом, с которым по-прежнему не делимитирована и не демаркирована граница. И хотя территориальные споры было решено обсуждать в отдельном формате, чтобы не препятствовать развитию сотрудничества Дели и Пекина в других сферах, во-первых, они периодически всплывают в двусторонней повестке дня, усиливая обеспокоенность индийской стороны в отношении КНР; во-вторых, само по себе существование китайско-пакистанского соглашения о границе 1963 г., по сути, закрепляет эту проблему на международном законодательном уровне; а в-третьих, осуществление новых проектов (в частности, КПЭК) также планируется реализовать на спорных территориях Кашмира, что лишь актуализирует дебаты по этому вопросу.

Особенно негативно Нью-Дели оценивает сотрудничество Китая с Пакистаном ещё и потому, что оно не ограничивается экономической сферой, а распространяется на целый спектр областей: Пекин поставляет обычные и

[483] Pu X. Ambivalent accommodation: status signalling of a rising India and China’s response, p. 154. // International Affairs, 2017. 93:1. – P. 147–163. DOI: 10.1093/ia/iiw002

стратегические вооружения и технологии, из-за чего для Индии «всегда существует вероятность возможной войны на два фронта»[484]; помогает Исламабаду в развитии ядерных технологий. Кроме того, индийцы действительно обеспокоены политической нестабильностью и террористическими угрозами, исходящими от Пакистана, и считают, что КНР попустительствует своему союзнику, блокируя все индийские попытки внести террористические группировки и их лидеров, базирующихся в Пакистане, в санкционный список Комитета Совета Безопасности ООН по санкциям (так же известного как Комитет 1267)[485].

Что касается китайских инфраструктурных проектов в Гвадаре, то, с одной стороны, они настораживают индийцев, опасающихся превращения пакистанского порта в военно-морскую базу КНР. Так, Нью-Дели считает, что хотя сегодня китайское руководство, несмотря на предложения пакистанской стороны, настаивает на сугубо экономической роли портовой инфраструктуры, в будущем порт, будучи глубоководным, вполне может быть использован китайцами в военных целях[486]. Индийские элиты убеждены, что Гвадар является одним из опорных пунктов «Нити жемчуга» – предложенного западной политической наукой описания сети китайских объектов в Южной Азии как военно-морских баз, направленных на усиление позиций КНР в Индийском океане[487]. С другой стороны, Индия заинтересована в мирном Пакистане, а значит и в экономическом развитии последнего, так как это могло бы способствовать улучшению жизни пакистанцев и соответственно снижению уровня преступности и терроризма в стране, а на внешнеполитическом уровне – более взвешенному подходу к сотрудничеству.

---

[484] Tellis J.A., Mirski S. Crux of Asia. China, India and the Emerging World Order, p. 116. / A.J. Tellis, S.Mirski. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. – 270 p.
[485] Kaura V. China's South Asia Policy Under Xi Jinping, p. 22. // Central European Journal of International and Security Studies, 2018. 12(2). – P. 8–29.
[486] Conrad P.B. China's Access to Gwadar Port: Strategic Implications and Options for India, p. 57. // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India, 2017. 13:1. – P. 55-62. DOI: 10.1080/09733159.2017.1317123
[487] Mohan C.R. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific, pp. 124-132. New Delhi: Oxford University Press, 2013. – 329 p.

В целом же союзнические отношения Пакистана и Китая противоречат индийским интересам, так как грозят нарушить баланс сил в регионе[488]. Закрепление территориальных проблем, недостаточная критика в адрес пакистанской политики в отношении террористических группировок, военно-техническая поддержка в том числе и в ядерной сфере, а также – вот основные вопросы на индийской повестке дня по китайско-пакистанскому сотрудничеству. Можно смело утверждать, что пакистанский фактор уже давно стал традиционным «раздражителем» в индийско-китайских отношениях, хотя определенные преимущества от взаимодействия Пекина с Исламабадом в будущем получит и Нью-Дели.

3.1.2. КНР и континентальные страны Южной Азии: индийское видение

Рассмотрение остального южноазиатского мира целесообразно начать с так называемых буферных государств – Бутана и Непала. Непал исторически и культурно-цивилизационно связан с Индией, которая на сегодняшний день остаётся главным торговым партнёром обеих стран[489], в то время как Китай лишь недавно активизировал вовлечение «периферийных» государств в свои проекты. Между тем у каждого из них свои особенности взаимодействия с азиатскими гигантами.

Прежде всего, стоит остановиться на ***Бутане***. Изначально на севере он граничил только с Тибетом, а Китай стал его соседом лишь с присоединением Тибета в 1951 г.[490] Тибетский вопрос, индийский фактор, а также возникшие территориальные споры не позволили двум странам установить дипломатические отношения[491] – вплоть до настоящего времени их взаимодействие строится на

[488] Rajagopalan R. India's Strategic Choices: China and the Balance of Power in Asia. // Carnegie India, 2017 – URL: https://carnegieindia.org/2017/09/14/india-s-strategic-choices-china-and-balance-of-power-in-asia-pub-73108
[489] Bhutan. // The Observatory of Economic Complexity – URL: https://oec.world/en/profile/country/asbtn; Nepal. // The Observatory of Economic Complexity – URL: https://oec.world/en/profile/country/npl
[490] Jha T. China and Its Periferies: Limited Objectives in Bhutan, pp. 2-3. // Institute of Peace and Conflict Studies, 2013 – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/168057/IB233-TilakJha-ChinaPeriphery-Bhutan.pdf
[491] Mathou T. The Growth of Diplomacy in Bhutan 1961-1991: Opportunities and challenges, p. 397. // Ed. M. Aris, M. Hutt. Bhutan: Aspects of Culture and Development. Kiscadale Asia Research Series № 5, Gartmore, Stirlingshire, Scotland, 1994. – URL: https://core.ac.uk/download/pdf/33420336.pdf

основе Договора о поддержании мира и спокойствия в бутано-китайских приграничных районах 1998 г.[492] и ряда других документов, регламентирующих отдельные сферы сотрудничества. Важное место занимают переговоры по территориальной проблеме, которые ведутся ежегодно с 1984 г., при этом до 1989 г. интересы Бутана на них представлял Нью-Дели[493]. Однако значительных успехов на этом направлении пока достичь не удалось, а недавнее противостояние на плато Доклам в 2017 г., когда китайская сторона попыталась провести дорогу по спорным территориям, обострило не только бутано-китайские, но и индийско-китайские отношения[494]. При этом чрезмерная зависимость от Индии как в экономическом ключе, так и во внешней политике не может не сказываться на стремлении Тхимпху найти альтернативных партнёров – учитывая географическое положение, им естественно стал Китай[495]. Пекин, в свою очередь, преследует цель урегулировать территориальный спор (например, посредством часто используемой китайцами «комплексной сделки», подразумевающей размен территорий, что и было предложено ими в 1996 г., но идея была отклонена бутанским правительством), за счёт увеличения китайского присутствия хотя бы немного ослабить практически неоспоримое влияние Индии в стране и в регионе в целом и в некотором роде укрепить свое положение в Тибете[496]. При этом гималайское государство всегда было и остается важным элементом стратегической безопасности Индии, обороноспособности её северных границ[497]. Дипломатические отношения с Индией, в свою очередь, были установлены в 1968 г., а Договор о дружбе и сотрудничестве был подписан ещё в 1949 г. и обновлен в

---

[492] Agreement on Maintenance of Peace and Tranquillity in Bhutan-China Border Areas, December 8. // Ministry of Foreign Affairs, People's Republic of China – 1998. – URL: http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2686/2687/t15852.shtm

[493] Mathou T. The Growth of Diplomacy in Bhutan 1961-1991: Opportunities and challenges, p. 400. // Ed. M. Aris, M. Hutt. Bhutan: Aspects of Culture and Development. Kiscadale Asia Research Series n°5, Gartmore, Stirlingshire, Scotland, 1994. – URL: https://core.ac.uk/download/pdf/33420336.pdf

[494] Safi M. Chinese and Indian troops face off in Bhutan border dispute. // The Guardian – 06.2017. – URL: https://www.theguardian.com/world/2017/jul/06/china-india-bhutan-standoff-disputed-territory

[495] D'Ambrogio E., Vegt J., Nicklas H. Nepal, Bhutan and their neighbours: Two Himalayan countries landlocked between India and China, p. 7. // European Parliamentary Research Service – 2019. – 8 p.

[496] Kumar P. Sino-Bhutanese Relations: Under the Shadow of India–Bhutan Friendship, p. 247. // China Report 46, 3 (2010). – P. 243–252.

[497] Лунев С.И. Процессы регионализации в современном мире (на примере Индии и Южной Азии). – С. 366 – 367. Москва: НИУ ВШЭ, 2017. – 402 с.

2007 г. (утратив положение о необходимости Тхимпху «следовать советам правительства Индии в области внешней политики» и получать у неё разрешение на покупку вооружений у третьих стран[498]). Именно Нью-Дели помогал и продолжает содействовать демократизации Бутана и его экономическому развитию, является его главным стратегическим партнером по всем направлениям сотрудничества от образования и энергетики до здравоохранения и военной сферы[499]. Динамика индийско-бутанского взаимодействия свидетельствует о том, что планы китайского руководства едва ли реализуемы даже в среднесрочной перспективе[500].

Что касается ***Непала***, сразу отметим, что несмотря на схожее с Бутаном «буферное» положение, внешнеполитическая стратегия этой страны имеет свою специфику. С одной стороны, по Договору о мире и дружбе 1950 г. непальцы в Индии, равно как и индийцы в Непале, обладают теми же правами, что и граждане соответствующих государств в отношении проживания, владения собственностью, участия в торговле и пр. (Статья 7), при этом между странами осуществляется свободный транзит оружия, военной техники и оборудования (Статья 5)[501]. Будучи близкими с культурно-исторической точки зрения, страны активно сотрудничают в торгово-экономической сфере и в области развития. Индия является главным торговым партнёром и одним из ключевых доноров Непала[502]. Нью-Дели заинтересован в укреплении безопасности своей северной границы, которая в случае проникновения в гималайское государство внешних сил остается уязвимой ввиду географических особенностей – стратегические высоты на севере страны переходят в долину на юге, и таким образом индийская территория становится видна «как на ладони», Непал – в экономической помощи и политической стабильности. С другой стороны, в отличие от Тхимпху Катманду

---

[498] Там же, с. 378.
[499] India-Bhutan relations, p. 1. // Ministry of External Affairs, Government of India, 2020. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Brief_Bilateral_Brief_bhutan_Feb_2020.pdf
[500] Kumar S. China's Revisionism Versus India's Status Quoism: Strategies and Counter-strategies of Rivals in Doklam Standoff, p. 82. // Jadavpur Journal of International Relations, 2020. 24(1). – P. 73–100. DOI: 10.1177/0973598420908843
[501] Treaty of Peace and Friendship. // Ministry of External Affairs, Government of India – URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/6295/Treaty+of+Peace+and+Friendship
[502] INDIA-NEPAL BILATERAL RELATIONS. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2020 – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India-Nepal_Bilateral_Brief_Feb_2020.pdf

установил дипломатические отношения и с Индией, и с Китаем (в 1955 г.[503], но Договор о мире и дружбе был заключен чуть позже – в 1960 г.[504]), что предопределило динамику его взаимодействия с двумя азиатскими гигантами. Непал стремился лавировать между своими соседями, поддерживая при этом дружественные отношения с каждым и получая экономическую помощь с обеих сторон[505]. Недаром продвижение Непала как «зоны мира» с 1975 г. стало ключевым инструментом внешней политики вплоть до 1990-х гг., когда к власти пришли демократические силы, нацеленные на нормализацию отношений с Индией – единственным южноазиатским государством, не поддержавшим эту инициативу[506]. Между тем до 1980-х гг. китайское руководство уделяло мало внимания непальскому направлению, хотя заложенное в 1960-е гг. экономическое сотрудничество продолжало развиваться[507]. В 1980-е гг. непальский король Бирендра договорился с КНР об увеличении экономической помощи и поставках вооружений в Непал (что было крайне негативно воспринято индийской стороной, считавшей последнее изменением военного статус-кво в Гималаях и потенциальным началом серьезных военных отношений между Пекином и Катаманду[508]), но в целом это не привело к значительным изменениям в непало-китайских отношениях[509]. Исторически непальцы разыгрывали «китайскую карту» для получения рычага воздействия на Индию и для решения внутриполитических проблем, которые связывались с действиями индийцев[510] – этой тактики они придерживаются и сегодня. Основными «раздражителями» в отношениях Катманду и Нью-Дели остаются чрезмерная экономическая

---

[503] Nepal-China Relations. // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal – 2019. – URL: https://mofa.gov.np/nepal-china-relations/#:~:text=Nepal%2DChina%20relations%20have%20always%20remained%20friendly%20and%20cordial.&text=The%20two%20countries%20share%20a,an%20Honorary%20Consul%20in%20Shanghai.

[504] The Sino-Nepalese Treaty of Peace and Friendship. // Peking Review – 05.1960. – URL: https://www.marxists.org/subject/china/peking-review/1960/PR1960-18.pdf

[505] Nepal and Bhutan: country studies, pp. xx-xxi. // Federal Research Division, Library of Congress; edited by Andrea Matles Savada. — 3rd ed., 1993. – 424 p.

[506] Лунёв С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия, с. 216. / С.И. Лунёв. – М.: Юрайт, 2019. – 304 с.

[507] Ледков А.А., Лунёв С.И. История Непала. XX век, с. 304-305. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 384 с.

[508] Garver J. W. China-India Rivalry in Nepal: The Clash over Chinese Arms Sales, p. 962. // Asian Survey, 31(10), 956–975. doi:10.2307/2645066

[509] Kant R. Nepal's China Policy, p. 170. // China Report, 1994, 30(2). – P. 161–173. DOI:10.1177/000944559403000204

[510] Ibid., p. 164.

зависимость первого от Индии, колоссальное влияние индийцев на внутреннюю политику Непала[511], иммиграционные вопросы, территориальные проблемы (спорными являются районы Калапани, Липулех и Лимпиядхура и Суста, отмечаемые каждой из стран как свои[512]), несовпадение национальных интересов и непоследовательная политика индийского руководства в отношении гималайского государства[513]. На современном этапе к этому списку добавилась активизация региональной политики Китая и его инициатива «Один пояс, один путь», к которой с 2017 г. присоединился Непал[514]. Между Пекином и Катманду нет особых разногласий, и последний важен хотя бы в силу того, что сама КНР стремится к сохранению дружественных отношений со всем «Тибетским миром» и развитию Тибетского автономного района (ТАР), в том числе благодаря улучшению инфраструктуры, связывающей его с внешним миром[515]. Вместе с тем, учитывая особенности рельефа – цепь высочайших Гималайских гор на севере отделяет королевство от КНР – и соответствующую малонаселенность приграничных районов, китайские инфраструктурные проекты и инвестиции будут пока объективно оказывать меньшее влияние на его торгово-экономический потенциал, чем логистические возможности, предоставляемые индийской стороной, да и неоднократные блокады со стороны Индии красноречиво свидетельствуют о том, какое значение имеет сотрудничество с Нью-Дели[516]. В целом, стоит сказать, что непальское руководство всегда пыталось проводить более самостоятельную политику посредством укрепления связей с Китаем, и в дальнейшем обе стороны будут лишь наращивать взаимодействие

---

[511] Sharma B.P. China-Nepal Relations: A Cooperative Partnership in Slow Motion, p. 449. // China Quarterly of International Strategic Studies, 2018, 04:03. – P. 439-455.
[512] Nayak S. India and Nepal's Kalapani border dispute: An explainer. // ORF – 29.04.2020. – URL: https://www.orfonline.org/research/india-and-nepals-kalapani-border-dispute-an-explainer-65354/
[513] Лунёв С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия, с. 270-271, 280-281. / С.И. Лунёв. – М.: Юрайт, 2019. – 304 с.
[514] Китай и Непал подписали меморандум о сотрудничестве в рамках «Пояса и пути». // Синьхуа – 05.2017 – URL: http://russian.news.cn/2017-05/12/c_136277637.htm
[515] Koirala B. Sino-Nepalese Relations, pp. 234-235. // China Report, 2010. Vol. 46, Iss. 3. – P. 231–242.
[516] History of India-Nepal Relations. // South Asia Program, Hudson Institute – URL: http://www.southasiaathudson.org/history#:~:text=The%20History%20of%20India%2DNepal,1950%20Peace%20and%20Friendship%20Treaty.&text=1950%20also%20saw%20the%20signing,Commerce%20between%20India%20and%20Nepal.

(особенно в экономической сфере[517]), в то же время непало-индийские отношения даже в среднесрочной перспективе продолжат иметь больший вес во внешней и внутренней политике гималайского государства.

Бангладеш также стал ареной соперничества Индии и Китая в Южной Азии, которое началось ещё в биполярный период. Несмотря на то, что именно Нью-Дели способствовал появлению Бангладеш в качестве нового государства на карте мира в 1971 г. (Договор о мире и дружбе между двумя странами был подписан в 1972 г.[518]), а Китай, напротив, отказывался признавать его суверенитет[519], уже в 1975 г. в Дакке сменилось правительство и соответственно внешнеполитический курс, предполагавший отход от проиндийских позиций и сближение с исламским миром, Западом и Китаем[520]. Прежде всего, это было связано с желанием бангладешских властей вести независимую политику, для чего было необходимо снизить индийское влияние в стране[521], обусловленное культурно-исторической общностью, географическим положением (Бангладеш, по сути, расположен внутри Индии, не считая небольшого кусочка границы с Мьянмой) и политическими факторами. При этом, нельзя не сказать и о том, что индийско-бангладешские отношения омрачались территориальными спорами, проблемой разделения водных ресурсов, иммиграционной ситуацией (беженцами, нелегальным пересечением границы в том числе террористами и экономическими мигрантами со стороны Бангладеш), осуществлением контрабанды, недемократическим режимом в Дакке – множеством вопросов, которые продолжают стоять на двусторонней повестке дня, хотя некоторые сложности уже

---

[517] Например, Китай уже стал крупнейшим инвестором в экономику Непала и его вторым торговым партнёром. См. Nepal-China Relations. // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal – 02.2019 – URL: https://mofa.gov.np/nepal-china-relations/#:~:text=Trade%2C%20Tourism%20and%20Investment%3A,been%20in%20an%20increasing%20trend.

[518] Treaty of Peace and Friendship. // Ministry of External Affairs, Government of India – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5621/

[519] Singh P.K. China–Bangladesh Relations: Acquiring a Life of their Own, p. 268. // China Report 46, 3 (2010). – P. 267–283.

[520] Лунёв С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия, с. 184-186. / С.И. Лунёв. – М.: Юрайт, 2019. – 304 с.

[521] Harsh P.V. India and Bangladesh: Will the Twain Ever Meet?, pp. 232-233. // Asian Survey, Vol. 47, № 2 (March/April 2007). – P. 231–249.

были успешно разрешены[522]. Так, в 1996 г. был подписан Договор о разделе вод Ганга, а в 2015 г. был ратифицирован Договор 1974 г. о демаркации границы, который несколько снизил напряженность и на остальных направлениях[523]. Оба достижения можно отнести на счёт партии «Авами лиг», усилиями которой была завоевана независимость Бангладеш и которую в рамках содействия демократизации политического режима поддерживает Индия[524]. И действительно партия демонстрирует проиндийские настроения и содействует реализации индийских проектов в отличие от Националистической партии и «внепартийного» временного правительства, которые блокировали инициативы со стороны Нью-Дели[525]. Так, Националистическая партия, стоявшая во главе Бангладеш в 1979-1986, 1991-1996 (в рамках коалиции), 2001-2008 гг., выбирала путь исламизации, на фоне которой последователи индуизма часто подвергались репрессиям и часто проводились антииндийские кампании что не может не вызывать рост трений в индийско-бангладешском диалоге[526]. Впрочем, недавно негативную реакцию можно было наблюдать уже со стороны Дакки, что было связано с принятием индийцами поправки к Закону о гражданстве, подразумевающей ускоренное получение оного буддистами, джайнами, индуистами, парсами, сикхами и христианами, преследуемыми в Афганистане, Бангладеш и Пакистане[527]. Утверждения индийского правительства о том, что отсутствие упоминания мусульман объясняется тем фактом, что они не входят в дискриминируемые группы населения соответствующих стран, не были восприняты ни в одной из них, в том числе в Бангладеш[528]. И всё же именно Бангладеш является крупнейшим южноазиатским партнёром Нью-Дели, который для неё, в свою

---

[522] Datta S. Bangladesh's Relations with China and India: A Comparative Study, p. 758. // Strategic Analysis, 2008. 32(5). – P. 755–772. DOI:10.1080/09700160802309134

[523] India – Bangladesh Relations, p. 2. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2016 – URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Bangladesh_Dec_2016.pdf

[524] Лунев С.И. Процессы регионализации в современном мире (на примере Индии и Южной Азии), с. 105. Москва: НИУ ВШЭ, 2017. – 402 с.

[525] Там же, с. 250-251.

[526] Majumdar A. Making Sense of India–Bangladesh Relations, p. 332. // India Quarterly, 2014. 70(4). – P. 327–340.

[527] Indian parliament approves citizenship bill, sparking protests. // Deutsche Welle – 12.2019. – URL: https://www.dw.com/en/indian-parliament-approves-citizenship-bill-sparking-protests/a-51631343

[528] Ibid.

очередь, является вторым крупнейшим торгово-экономическим партнёром[529] и одним из важнейших инвесторов[530], активно содействующих её развитию. С другой стороны, будучи одной из самых бедных стран мира, уже с середины 1970-х гг. Дакка стремилась максимизировать и получаемые экономические преимущества посредством сотрудничества с различными акторами, в том числе за счёт лавирования между Нью-Дели и Пекином. Отношения с Китаем были установлены в 1976 г., а уже к середине 1980-х гг. между странами были налажены прочные политические, экономические и даже военные связи[531]. На современном этапе Китай является крупнейшим торговым партнёром, инвестором и поставщиком вооружений в Бангладеш[532]. Это вызывает серьёзные опасения со стороны индийцев, настороженно воспринимающих любые действия внешних акторов в регионе, особенно если речь идёт о контактах по военной линии, с 2002 г. осуществляющихся между Даккой и Пекином в рамках Соглашения о сотрудничестве в сфере обороны[533]. Китай заинтересован в сотрудничестве по стратегическим причинам – это даёт ему выход в Бенгальский залив в обход Малаккского пролива и соответственно доступ к ключевым торговым и энергетическим путям. К тому же, потенциально это могло бы помочь вовлечь Индию в китайский проект «Один пояс, один путь» и решить ряд смежных с этим вопросов. А вот Нью-Дели никак не может добиться уступок со стороны Дакки в отношении строительства инфраструктуры, которая позволила бы соединить северо-восточные и центральные индийские штаты, и ряда других проектов, которые либо оттягиваются, либо замораживаются, либо переходят под

[529] World Integrated Trade Solutions – Bangladesh exports, imports and trade balance: By Country 2019. – URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/BGD/Year/LTST/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country#
[530] Foreign direct investment (FDI) in Bangladesh. // Nordea – URL: https://www.nordeatrade.com/en/explore-new-market/bangladesh/investment
[531] Heitzman J., Worden R. Bangladesh: A Country Study (China and Other Asian Nations). Washington: GPO for U.S. Library of Congress, 1989. – URL: http://countrystudies.us/bangladesh/108.htm
[532] Bhattacharjee J. Decoding China-Bangladesh relationship. // Raisina Debates, ORF – 06.2018. – URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/41935-decoding-china-bangladesh-relationship/
[533] Finnigan C. Bangladesh-China relations have metamorphosed into a strategic partnership. // The London School of Economics and Political Science – 06.2019. – URL: https://blogs.lse.ac.uk/southasia/2019/06/20/bangladesh-china-relations-have-metamorphosed-into-a-strategic-partnership/

управление Пекина[534]. Между тем обе страны входят в БИМСТЭК (Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации) и БКИМ (Экономический коридор между Бангладеш, Индией, Китаем и Мьянмой), призванные улучшить экономическое взаимодействие и инфраструктурное сообщение между странами Северной, Южной и Юго-Восточной Азии (ЮВА). И хотя успехи пока оставляют желать лучшего, обе инициативы оказывают положительное воздействие на отношения Индии и Бангладеш. Впрочем, БКИМ вызывает некоторые опасения с индийской стороны, так как содействует большему проникновению Китая в Южную Азию и предоставляет дополнительные геостратегические преимущества, в связи с чем Нью-Дели долгое время откладывал реализацию этой инициативы, и лишь в 2010-х гг., когда экономический коридор стал рассматриваться в качестве логического продолжения индийской политики «Смотри на Восток», он активизировал свои усилия на этом направлении[535]. Что касается будущего взаимодействия в треугольнике Индия-Китай-Бангладеш, то учитывая нарастание геополитического соперничества между двумя азиатскими гигантами, для максимизации выгоды Дакка будет продолжать наращивать сотрудничество с каждой из сторон, умело играя на противоречиях между ними; Пекин будет активнее инвестировать в Бангладеш, пытаясь закрепить свои позиции в регионе (в особенности важен для КНР доступ к глубоководному порту Читтагонг), в то время как Дели будет стремиться не допустить усиления китайского присутствия в Бенгальском заливе, при этом не упуская возможности осуществления собственных экономических планов (особенно в отношении северо-восточных штатов и выходов в ЮВА).

В целом, континентальная Южная Азия всё сильнее ощущает на себе китайское влияние, которое на фоне экономического роста и повышения политического веса Китая будет только увеличиваться. Единственной страной, которую Индии пока удаётся удерживать от сближения с северным соседом,

---

[534] Лунёв С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия, с. 239-240. / С.И. Лунёв. – М.: Юрайт, 2019. – 304 с.

[535] Yuan J. Sino–Indian Economic Ties since 1988: Progress, Problems, and Prospects for Future Development, pp. 48-52. // Journal of Current Chinese Affairs, 2016. 45 (3). – P. 31–71.

остаётся Бутан. Непал ещё с середины прошлого века стремится лавировать меж двух «огней», а Бангладеш и вовсе после 1975 г. старается сблизиться с КНР, хотя тоже проводит политику балансирования. «Китайская карта» для Катманду и Дакки является рычагом воздействия на Нью-Дели и механизмом проведения более самостоятельной политики, а также, что крайне важно, инструментом улучшения экономической ситуации, с чем одна Индия ввиду финансовых ограничений при всём желании не могла бы справиться. Вместе с тем индийцам и не нужно тягаться с Китаем за экономическое первенство в регионе – им следует найти свои ниши, выработать стратегию достижения собственных интересах в складывающихся обстоятельствах и, по возможности, действовать на опережение (а не как сейчас – с опозданием), не забывая при этом о вопросах безопасности; в противном случае искусственное сдерживание экономического развития региона рискует негативно отразиться на самой Индии и на её имидже в странах Южной Азии, чем наоборот усилит позиции Пекина.

3.1.3. Морские страны Южной Азии между Индией и КНР

2013 год стал отправной точкой китайского проекта «Морского шёлкового пути», в рамках которого Шри-Ланка и Мальдивы, расположенные на ключевых морских торговых путях, стали приобретать существенное стратегическое значение. Как уже отмечалось, взаимодействие Китая с двумя островными государствами зародилось ещё в биполярный период (Шри Ланка – 1957 г.[536], Мальдивы – 1972 г.[537]), однако подлинное развитие их отношения получили именно в XXI веке в связи с усилением экономической и геополитической роли КНР в Азии и в мире, её желанием обеспечить безопасность морских перевозок

[536] Diplomatic Relations with China. // Foreign Ministry – Sri Lanka. – URL: https://mfa.gov.lk/cool_timeline/diplomatic-relations-with-china/
[537] Today marks the 40th Anniversary of Diplomatic relations between Maldives and China. // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Maldives. – URL: https://www.foreign.gov.mv/index.php/en/mediacentre/news/1379-today-marks-the-40th-anniversary-of-diplomatic-relations-between-maldives-and-china

товаров и ресурсов[538], а также стремлением укрепить своё присутствие в регионе (что становится особенно актуальным на фоне обострения противоречий с США[539]). Ещё в годы Холодной войны Индия с недоверием относилась к присутствию внешних игроков в Южной Азии и использовала оказание помощи, выделение льготных кредитов, развитие торгово-инвестиционного сотрудничества как инструменты для закрепления своего доминирующего положения[540]. Теперь же, не имея достаточных возможностей для соперничества с Пекином в финансово-экономической сфере, индийское руководство вынуждено не только разнообразить свою поддержку южноазиатским странам (чтобы выгодно выделяться на фоне китайских инициатив), но и активнее прибегать к альтернативным способам воздействия, усиливая работу по культурно-цивилизационным каналам и оказывая влияние на внутриполитическую ситуацию в этих странах (так, например, индийцы стали придавать большее значение «мягкой силе»[541]). На фоне пандемии коронавируса, например, Индия стала активно продвигать так называемую «вакцинную дипломатию», и надо сказать, имеет достаточно значительный успех в странах региона (кроме Пакистана), поскольку именно доступ к вакцинам наиболее бедных стран как раз и стоит сейчас на повестке дня (к примеру, на онлайн-дискуссиях Всемирного экономического форума)[542].

Что касается ***Шри-Ланки***, то она является одной из наиболее развитых стран Южной Азии[543] и одним из основных торговых партнёров Индии (третьим после Бангладеш и Непала[544]) и Китая (третьим после Пакистана и Бангладеш[545])

---

[538] Отметим, что через Индийский океан проходят около 50% контейнерных и 70% нефтяных перевозок в мире (см. Волхонский Б.М. Индийский океан как арена геополитического соперничества Китая и Индии, с. 33. // Международная политика. Проблемы национальной стратегии, 2014. № 1 (22). – С. 31-45).

[539] Amin H. United States Presence in Indian Ocean: Counter Strategy For China. // Modern Diplomacy – 01.2020 – URL: https://moderndiplomacy.eu/2020/01/14/united-states-presence-in-indian-ocean-counter-strategy-for-china/

[540] Pattanaik S.S. India's Policy Response to China's Investment and Aid to Nepal, Sri Lanka and Maldives: Challenges and Prospects, p. 241. // Strategic Analysis, 2019. 43(3). – P. 240–259. doi:10.1080/09700161.2019.1616372

[541] Kugiel P. India's Soft Power in South Asia, p. 355. // International Studies, 49, 3&4 (2012). – P. 351–376.

[542] Ramachandran S. India's Vaccine Diplomacy: A Potent Card? // The Diplomat – 26.01.2021 – URL: https://thediplomat.com/2021/01/indias-vaccine-diplomacy-a-potent-card/

[543] The World Bank In Sri Lanka. – URL: https://www.worldbank.org/en/country/srilanka/overview

[544] India trade balance, exports and imports. // World Integrated Trade Solutions – 2018. – URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/IND/Year/2018/TradeFlow/EXPIMP

в регионе. Ещё в период Холодной войны страна стремилась придерживаться политики неприсоединения и соответственно уменьшить геополитическое соперничество в регионе, одним из проявлений чего было выдвижение ею инициативы превращения региона Индийского океана в «зону мира» (Indian Ocean Zone of Peace, или IOZOP), которая периодически всплывает в шриланкийском дискурсе и сегодня[546]. Однако, учитывая особенности географического положения и культурно-цивилизационную близость к Индии, Коломбо пытался снизить влияние не только внешних игроков, но и индийцев на внешнюю и внутреннюю политику островного государства. С конца прошлого столетия и на современном этапе желание Шри-Ланки проводить независимую политику, по сути, реализуется посредством лавирования между Пекином и Нью-Дели. От каждой из стран Коломбо рассчитывает получить экономическую помощь, а иногда и военную поддержку. Показательным в этой связи можно считать Гражданскую войну в Шри-Ланке (1983–2009 гг.): для подавления тамильского повстанческого движения «Тигры освобождения Тамил-Илама» правительство обратилось к индийцам за помощью, хотя после масштабных национальных протестов попросило Нью-Дели вывести свои войска[547]. Это обусловлено не только желанием Индии не допустить вовлечения внешних акторов в Южную Азию, дружественными отношениями и, в общем-то, достаточно высоким уровнем доверия между странами, но и значимостью так называемого «тамильского» фактора, который по-прежнему является и связующим звеном, и одним из главных «ограничителей» их сотрудничества[548]. Так, наличие тамилов-индуистов в Шри-Ланке, с одной стороны, служит прочным фундаментом религиозной общности государств, а с другой – существенно сужает пространство для политического маневра, так как в случае возникновения

---

[545] China trade balance, exports and imports. // World Integrated Trade Solutions – 2018. – URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/CHN/Year/2018/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country

[546] Куприянов А.В. Индийский океан как зона мира: устаревшая концепция или формат будущего?, с. 205, 211-212. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. – С. 204–219. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-204-219

[547] Pattanaik S.S. India's Policy Response to China's Investment and Aid to Nepal, Sri Lanka and Maldives: Challenges and Prospects, p. 251. // Strategic Analysis, 2019. 43(3). – P. 240–259. DOI:10.1080/09700161.2019.1616372

[548] Ibid.

соответствующих национальных проблем Индия вынуждена реагировать, что ставит её в ситуацию «хождения по тонкому льду». Даже в 2021 г. этот вопрос не утратил свою остроту, поскольку ланкийское правительство до сих пор не в полной мере имплементировало 13-ю поправку к Конституции, основанную на индийско-ланкийском соглашении от 1987 г. о предоставлении тамилам большей автономии[549]. Свою роль, правда уже на завершающей стадии сингало-тамильской войны, сыграл и Китай – во-первых, в 2007 г., когда западные страны (в частности, США) отказались помогать официальному правительству Республики по причине нарушений им прав человека, он, напротив, увеличил свою помощь ланкийцам до 1 млрд долл., став их крупнейшим донором; во-вторых, он не только поставлял им вооружение и военное оборудование (в том числе бесплатно), что шло вразрез с западным эмбарго, но и призывал к этому своего союзника – Пакистан; в-третьих, Пекин заблокировал обсуждение в ООН происходивших в Шри-Ланке событий, чем де-факто предотвратил любое вмешательство внешних сил в её внутренние дела[550]. Учитывая результативность поддержки, ланкийцы часто говорят об успешности китайской помощи и неудаче индийской, хотя, безусловно, вовлечение любых внешних сил в разрешение конфликтов на национально-этнической или религиозной основе, как правило, обречены на провал. Впрочем, война закончилась, и сейчас страна заинтересована в первую очередь в получении экономической помощи на выгодных для себя условиях, и здесь вновь важным фактором выступает внутриполитическая ситуация в стране, которая во многом и предопределяет выбор правительства в пользу тех или иных инвестиций и проектов.

Довольно часто экономическую дипломатию Пекина характеризуют как «долговую ловушку», а Шри-Ланку приводят как наиболее наглядный пример страны, пострадавшей от китайских вложений. Между тем именно Пекин ещё в 2007 г. – в сложное для государства военное время – согласился инвестировать в

[549] Moorty N.S. Where from here 13-A? // The Colombo Gazzette – 10.02.2020. – URL: https://colombogazette.com/2020/02/10/where-from-here-13-a/
[550] Popham P. How Beijing won Sri Lanka's civil war. // The Independent – 23.10.2011. – URL: https://www.independent.co.uk/news/world/asia/how-beijing-won-sri-lanka-s-civil-war-1980492.html

развитие государства и в том числе профинансировать убыточный порт Хамбантота, от чего ранее отказались США и Индия[551]. Но надо иметь в виду, что на тот момент предполагалось постепенное осуществление планов развития инфраструктуры, а не скачкообразное, каким в итоге оно стало – тут уже сыграли свою роль амбиции правительственного семейства Раджапаксов[552] (желавших поскорее реализовать строительство порта, которому они дали собственную фамилию), которые в итоге и обернулись обменом 99-летней аренды территории на кредиты китайской стороны – но надо сказать, что условия китайских займов всё ещё более привлекательны для Коломбо, чем, например, международных финансовых организаций[553]. Государство безусловно нуждалось в экономическом развитии спустя всего десятилетие после окончания многолетней Гражданской войны, и только Китай был способен вложить достаточные ресурсы для реализации этой задачи, хотя коррупция и плохое управление ресурсами зачастую вводят страну в ещё большие долги. Индийское правительство, в свою очередь, старается помочь Шри-Ланке в рамках «дипломатии развития» (development diplomacy), занимаясь строительством домов, поставляя медицинское оборудование, развивая альтернативную энергетику (в частности, солнечную), поддерживая образовательные проекты и предоставляя гранты[554]. Отличительной чертой индийской экономической помощи при этом можно считать вовлечение местного населения в реализацию совместных проектов, что позволяет улучшить их социально-экономическое положение, в то время как китайские инициативы задействуют китайцев, лишая местное население дополнительных рабочих мест[555]. Иными словами, индийский подход можно охарактеризовать как более реципиентоцентричный, нежели у Китая, преследующего собственные стратегические и экономические цели и вкладывающего деньги в практически

[551] Brautigam D., Rithmire M. The Chinese ‘Debt Trap’ Is a Myth. // The Atlantic – 06.02.2021. – URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/02/china-debt-trap-diplomacy/617953/
[552] Махинда Раджапакса был президентом страны в 2005-2015 гг., а его брат Готабая выиграл президентскую компанию в 2019 г.
[553] Ibid.
[554] Brief on India – Sri Lanka Relations, pp. 3-4. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2019. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/IndSriLanka_2019.pdf
[555] Frayer L. In Sri Lanka, China's Building Spree Is Raising Questions About Sovereignty. // NPR – 13.12.2019. – URL: https://www.npr.org/2019/12/13/784084567/in-sri-lanka-chinas-building-spree-is-raising-questions-about-sovereignty

любые проекты, которые помогут ему в осуществлении собственных планов. Индия же стремится сохранить свои доминирующие позиции в регионе, а потому пытается укрепить образ положительного регионального лидера, который поддерживает своих соседей в трудных для них обстоятельствах. Так или иначе, в ближайшие десятилетия Коломбо продолжит разыгрывать «китайскую карту» во внешней политике, а значит и соперничество Нью-Дели и Пекина будет только возрастать.

Индия была одной из первых стран, признавших независимость ***Мальдивской Республики*** в 1965 г. и установивших с ней дипломатические отношения; их связывают исторические, этнолингвистические и культурно-религиозные связи[556]. Нью-Дели активно помогает Мале в развитии экономики, образования, энергетики, здравоохранения и других важных сфер[557]. Индийцы влияют и на внутриполитическую обстановку в стране, о чём наиболее красноречиво свидетельствует успешно проведенная индийцами в 1988 г. операция «Кактус», в рамках которой по просьбе мальдивского правительства индийские военнослужащие подавили военный переворот, организованный членами вооруженной организации «Тигры освобождения Тамил-Илама» (без потерь с индийской стороны)[558]. Китай же можно считать относительно новым игроком, деятельность которого стала расширяться по мере расширения геостратегических интересов – как отмечалось ранее, Пекин стремится укрепить свои позиции во всех странах маршрута «Морского шёлкового пути», и Мальдивы не стали исключением. При этом внутриполитическая ситуация в южноазиатской стране и здесь стала не последней причиной принятия правительством китайских инвестиционных предложений, которые были названы «более привлекательными» (к примеру, индийцам даже отказали в участии в

[556] India-Maldives Relations, p. 1. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2014. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India-Maldives_Relations.pdf
[557] Ibid., pp. 2-4.
[558] Лунев С.И. Процессы регионализации в современном мире (на примере Индии и Южной Азии), с. 386-387. Москва: НИУ ВШЭ, 2017. – 402 с.

расширении аэропорта в Мале)[559]. Отчасти это оправдано, так как индийская экономическая помощь сопряжена с целым рядом проблем (бюрократия, отсрочка реализации, спорное качество и пр.), но при этом индийцы и более гибко подходят к задержкам в оплате[560]. Вместе с тем мальдивские руководители часто прибегают к «китайской карте» на фоне социальных протестов и нерешенности социально-экономических проблем, вполне осознавая неспособность государства выплатить кредиты[561]. Впрочем, как и в случае остальными государствами региона, зависимость Мальдив от иностранной помощи – явление достаточно естественное, а учитывая финансово-экономические возможности Китая, именно он и становится одним из основных доноров южноазиатских стран. Добавим, что и Нью-Дели, и Пекин заинтересованы в оказании мальдивскому правительству поддержки не только в экономическом направлении, но и в борьбе с такими угрозами, как пиратство, терроризм и изменение климата. Однако на сегодняшний день всё же имеет место некоторое разделение сфер «ответственности» – именно Индия выступает гарантом безопасности, в то время как КНР, по крайней мере на данном этапе, продвигает преимущественно свои коммерческие интересы[562]. Так, в июле 2013 г. Индия, Шри-Ланка и Мальдивы заключили трехстороннее соглашение о морской безопасности для совместного противостояния угрозам и вызовам безопасности на море[563]. В целом, более длительное сотрудничество и более тесные связи с Индией продолжат иметь определяющее значение для Мале, но не будут мешать дальнейшему укреплению

---

[559] Chaudhury D.R. Chinese investment proposals more attractive: President Maldives. // The Economic Times, India – 09.03.2016. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/chinese-investment-proposals-more-attractive-president-maldives/articleshow/51315449.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

[560] Kumar S.Y.S. China's Footprints in Maldives: Concern for India?. pp. 21-23. // Artha Journal of Social Sciences, 15, 4(2016). – P. 15-29. DOI: https://doi.org/10.12724/ajss.39.2

[561] Chinese investment in the Maldives: Appraising the String of Pearls. // The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies – 04.09.2020. – URL: https://amti.csis.org/chinese-investment-in-the-maldives-appraising-the-string-of-pearls/

[562] Kumar S.Y.S. China's Footprints in Maldives: Concern for India?, p. 24. // Artha Journal of Social Sciences, 15, 4(2016). – P. 15-29. DOI: https://doi.org/10.12724/ajss.39.2

[563] NSA level meeting on trilateral Maritime Security Cooperation between India, Sri Lanka and Maldives. // Ministry of External Affairs, Government of India – 06.03.2014. – URL: https://www.mea.gov.in/in-focus-article.htm?23037/NSA+level+meeting+on+trilateral+Maritime+Security+Cooperation+between+India+Sri+Lanka+and+Maldives

мальдивско-китайского диалога, особенно в вопросах развития инфраструктуры и иных областей, напрямую влияющих на благополучие граждан.

Таким образом, на современном этапе Южная Азия представляет собой одно из ключевых направлений внешней политики Индии и её сферу влияния, в связи с чем действия любых внешних игроков воспринимаются с недоверием. Особенную обеспокоенность Нью-Дели вызывает рост присутствия Китая в регионе. При этом индийские амбиции не ограничиваются континентом, южноазиатский гигант стремится к укреплению на морях и особенно негативно воспринимает китайские действия в индийском «подбрюшье». На деле же, как правило, региональная политика КНР связана не с только с какими-то экспансионистскими планами, сколько с защитой коммерческих и энергетических интересов. Настороженность регионального «гегемона», как зачастую именуют Индию в Южной Азии, не осталась не замеченной – для защиты собственных интересов малые государства стали разыгрывать «китайскую карту». КНР, хоть и старается придерживаться нейтралитета по отношению к политическим провокациям со стороны стран региона, всё активнее продвигает свои национальные интересы, которые не всегда согласуются с запросами этих государств, стремящихся балансировать между двумя азиатскими гигантами. И Индия, и Китай из реципиентов международной помощи превратились в её доноров, при этом Южная Азия стала одним из наиболее важных направлений их поддержки. Как бы то ни было, фактор средних и малых стран усиливает остроту геополитического противостояния Индии и Китая. Однако и в этом непростом клубке противоречий между разными акторами для двух крупнейших по населению государств в мире открываются перспективы. Общая повестка дня примиряет даже тех, кто считает себя главными соперниками будущего: борьба с социально-экономическими и экологическими проблемами, пиратством, терроризмом и политической нестабильностью, а также желание обеспечить действующую структуру безопасности невольно сплачивают эти государства и потенциально могут способствовать формированию общей платформы для продуктивного взаимодействия.

3.2. Индийская концепция Индо-Тихоокеанского региона: место Китая и российский фактор

В последнее время активизировались международные дискуссии вокруг концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) как ключевого стратегического пространства, более точно отражающего процессы взаимосвязанности государств Тихого и Индийского океанов, и вызовов, которые стоят перед ними. Ряд ведущих держав предложили свои трактовки и стратегии касательно ИТР. Что касается Индии, то именно эта внешнеполитическая концепция на сегодня является определяющей для её политики в Азии, а потому так важно понять, как в неё встраивается крупнейший актор региона – Китай. С этой целью анализируются геополитические трансформации, повлекшие за собой изменение концептуализации азиатского макрорегиона, индийский подход к ИТР, а также причины, по которым и России следовало бы внести свой вклад в этот геополитический дискурс, учитывая, что российское участие в региональных процессах на сегодняшний день носит ограниченный характер, а используемый российским (как и китайским) МИДом термин «Азиатско-Тихоокеанский регион», по сути, оставляет Индию «за скобками».

3.2.1. Индийская версия Индо-Пацифики

Одним из ключевых изменений конца XX – начала XXI вв. стало возвышение стран Азии и соответственно возникновение новых центров силы в Азиатско-Тихоокеанский регионе. Подобные перемены не остались незамеченными – крупнейшие державы стали наращивать там своё присутствие; Россия, в частности, объявила об осуществлении «поворота на Восток». Однако в новых реалиях не только традиционные великие державы, но и азиатские гиганты стали более уверенно отстаивать свои позиции в мире. Одним из недавних

примеров подобного курса можно назвать попытки продвижения Индией внешнеполитической концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) на мировой арене. Дели утверждает, что новый термин отражает изменение баланса сил в регионе и объединяет два крайне значимых региона в один, увеличивая тем самым пространство для сотрудничества в экономической сфере и по вопросам безопасности[564]. По мнению индийцев, расширение Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) за счёт включения зоны Индийского океана отвечает интересам всех стран, ввиду своей инклюзивности и открытости всем акторам, входящим в регион и желающим улучшить взаимодействие друг с другом[565].

С индийской точки зрения, Индийско-Тихоокеанский регион – это географическое пространство, охватывающее территории и государства, расположенные в акваториях Индийского и Тихого океанов, и охватывающее соответственно Южную, Юго-Восточную, Восточную и Северо-Восточную Азии, а также Средний Восток, оконечности Аравийского полуострова (Ближний Восток) и восточноафриканское побережье[566]. По сути, новый макрорегион лишь расширяет границы Азиатско-Тихоокеанского региона, который представляет собой совокупность трёх субрегионов – Северо-Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и южной части Тихого океана, но это весьма существенно с геополитической точки зрения, так как отражает усиление Индии и возросшую значимость морских путей.

Несмотря на то, что индийский премьер-министр Нарендра Моди попытался разъяснить индийскую интерпретацию ИТР[567], существует немало различных представлений о географии ИТР и соответствующих внешнеполитических стратегий (США, Япония, Австралия и др.). Более того, не все разделяют оптимистичный взгляд на появление нового определения

---

[564] Valedictory Address by Secretary (East) at the Asian Relations Conference IV: 'Geopolitics of the Indo-Pacific Region: Asian Perspectives'. // Ministry of External Affairs, Government of India, 2013. – URL: https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/21464/valedictory+address+by+secretary+east+at+the+asian+relations+conference+iv+geopolitics+of+the+indopacific+region+asian+perspectives

[565] Ganapathi M. The significance of the Indo-Pacific Region in India's foreign policy. // Ministry of External Affairs, Government of India. – 2019. – URL: https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?854

[566] Jaishankar S. The India Way: Strategies for an Uncertain World. HarperCollins India, 2020. – 240 p.

[567] Indo-Pacific Division Briefs. // Ministry of External Affairs, Government of India, 2020. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Indo_Feb_07_2020.pdf

регионального пространства. В частности, Китай[568] и Россия[569] на официальном уровне выразили своё несогласие с переформатированием привычного АТР, так как рассматривают подобное действие как направленное против интересов стран региона в угоду США. Между тем, концепция Индийско-Тихоокеанского региона имеет действительно важное значение для индийской внешней политики и для всего азиатского региона в целом.

Отметим, однако, что на данном этапе Индо-Пацифику, или ИТР, нельзя считать геополитической реальностью, поскольку интеграция пространства двух океанов пока носит лишь желаемый, а не действительно существующий характер[570]. Именно поэтому автор считает целесообразным рассмотреть индийское понимание ИТР с *конструктивистских* позиций, позволяющих объяснять возникновение тех или иных «конструктов» и анализировать роль идей в международных отношениях. Так, Индия вкладывает в это понятие совершенно иной смысл, нежели другие страны, а контекстное восприятие крайне значимо при анализе концепций, особенно в Азии. В частности, этому подходу противоречат озвученная Си Цзиньпином в 2015 г. китайская идея «сообщества единой судьбы», подразумевающая не региональное, а глобальное сотрудничество всех со всеми (между строк читается – с Китаем во главе)[571], и российский дискурс, акцентирующий внимание на балансе сил, структуре и национальных интересах государств и расценивающий любые идейные конструкции как их производные. Подобные разночтения не могут не оказывать негативное влияние как на индийско-китайский диалог, так и на взаимодействие формата РИК, а потому требуют подробного анализа.

---

[568] Xiaoyong, H. Cooperation or confrontation? The way ahead for the region. // The Straits Times, 2020. – URL: https://www.straitstimes.com/opinion/cooperation-or-confrontation-the-way-ahead-for-the-region (ответ китайского дипломата на программную статью министра обороны США Марка Эспера в той же газете *The Straits Times*)

[569] Выступление и ответы на вопросы СМИ и.о. Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году, Москва, 17 января 2020 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4001740

[570] Jaishankar S. The India Way: Strategies for an Uncertain World. HarperCollins India, 2020. – 240 p.

[571] Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы – Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. // Китайский информационный Интернет-центр – 02.11.2015. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm

Индийско-Тихоокеанский регион как единое пространство возник не сегодня. Исторически морские пути играли большое значение как средство транспортировки грузов, коммуникаций между народами и распространения знаний. Однако Индия, как и Китай, в какой-то момент отказалась от развития флота, наращивая свой потенциал в качестве континентальной державы. Так, Империя Моголов (1526–1858 гг.) зиждилась на силе сухопутных войск, в то время как защита морских пространств базировалась преимущественно на укреплении портов на суше и на делегировании осуществления морских перевозок торговым компаниям, а не на развитии флота[572]. Кроме того, существовал индусский принцип «самудролангхана», или «сагароллангхана», запрещавший кастовому индусу пересекать море; и хотя это часто не соблюдалось, со средних веков началось восстановление данного принципа[573]. Правда, государство маратхов (1674–1818 гг.) обладало достаточно сильным флотом вплоть до середины XVIII века, но западная колонизация привела к значительному ослаблению и сокращению индийского судостроения[574]. Китай же утратил интерес к мореходству ещё в XV-XVI вв. во времена династии Мин, при которой его развитие сначала достигло своего апогея, а затем решением руководства стало претерпевать различного рода ограничения, при этом роль флота стала сугубо оборонительной[575]. Иными словами, Китай перестал отправлять дальние экспедиции, но флот для защиты берегов строил. Сменившая её династия Цин в XVII–XIX вв. также придавала гораздо большее значение безопасности на суше, нежели на море, в результате чего китайский флот постепенно пришёл в упадок[576]. Теперь же обе страны развивают свои военно-

[572] Gommans J. Mughal Warfare: Indian Frontiers and Highroads to Empire 1500–1700 (Warfare and History), pp. 163-164. London: Routledge, 2003.
[573] Mulla A. (Re)inventing a People on the Sea: Instances of Creolization in Amitav Ghosh's Sea of Poppies, p. 5. // Angles, Iss. 9, 2019. – P. 1–14. DOI: https://doi.org/10.4000/angles.1156
[574] Kantak M. The First Anglo-Maratha War, 1774-1783: A Military Study of Major Battles, pp. 20-21. Bombay: Popular Prakashan, 1993; Po R.C. The Blue Frontier: Maritime Vision and Power in The Qing Empire, pp. 80, 207. Cambridge University Press, 2018.
[575] Lo J. The Decline of the Early Ming Navy. // Oriens Extremus, 5(2), 1958. – P. 149-168.
[576] Zurndorfer H. Oceans of History, Seas of Change: Recent Revisionist Writing in Western Languages About China and East Asian Maritime History During the Period 1500–1630, p. 84. // International Journal of Asian Studies, 2016, 13(1). – P. 61–94.

морские потенциалы, что в том числе является одним из пунктов преткновения между двумя азиатскими гигантами.

Сегодня, в условиях перемещения центра экономической и политической активности в Азию, а также растущей необходимости в поставках энергоносителей, все страны региона, имеющие выход к морю, так или иначе, стремятся к усилению своего морского потенциала. Так, одной из своих внешнеполитических целей Дели провозгласил становление в качестве морской державы[577]. Примечательно, что у Индии, у которой практически нет концепций/стратегий внешней политики (как правило, она артикулируется индийским руководством в устной форме), до недавнего времени одними из немногих официальных документов были именно Стратегии по морской безопасности. Они, особенно последняя Военно-морская стратегия «Обеспечение морской безопасности» 2015 г., считают крайне необходимым усиление морской безопасности, которая должна «не только обеспечивать индийские интересы в морских акваториях, но и служить препятствием для любых авантюр на сухопутных границах»[578]. На этом направлении одной из главных внешнеполитических задач индийское правительство видит укрепление взаимодействия с США[579], которые поддерживают индийские стремления в регионе. Как раз усиление военно-морского сотрудничества с США на фоне отказа американцев от ранее использовавшегося термина АТР в пользу ИТР и активного продвижения последнего на международной арене и наталкивает другие страны на мысль о том, что новый термин – не что иное как навязывание со стороны американцев своего видения регионального развития – недаром же в 2019 году администрация Трампа опубликовала стратегию с заголовком «Доклад по Индо-Тихоокеанской стратегии» (Indo-Pacific Strategy Report[580]). И всё же не

[577] Address by FS on “Maritime Dimensions of India’s Foreign Policy”. // Ministry of External Affairs, Government of India, 2011. – URL: https://www.mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?53/Address+by+FS+on+Maritime+Dimensions+of+Indias+Foreign+Policy
[578] Singh P.K. Strategic Yearbook 2016. New Delhi: Vij Multimedia, 2016.
[579] Rajagopalan R. Evasive balancing: India’s unviable Indo-Pacific strategy, p. 84. // International Affairs, 2020. 96: 1. – P. 75–93. DOI: 10.1093/ia/iiz224
[580] Indo-Pacific Strategy Report. // The Department of Defense – 06.2019. – URL:

стоит забывать о том, что идейная составляющая одного и того же «конструкта» у Дели и Вашингтона разная: индийцы выступают за сотрудничество всех со всеми, а американцы – за союз всех против Китая. Конечно, китайский фактор беспокоит и Индию, однако новая концепция призвана скорее усилить её позиции и сбалансировать влияние Пекина, нежели создать альянс против него.

Стоит отметить, что Дели крайне заинтересован в гармонизации стремлений стран региона и формировании новой архитектуры безопасности в Азии, в которой всё более значение приобретают морские пути; да и сам термин ИТР был введен в оборот капитаном ВМС Индии Гурпритом Кхураной в 2007 г.[581]. Однако не только «морской» фактор стал причиной формирования новой внешнеполитической концепции Индии, её корни можно обнаружить и в концепции «Смотри на Восток», которая, пройдя через несколько стадий, трансформировалась в Индо-Пацифику и в которой важная роль была отведена КНР.

3.2.2. Китай в индийских региональных внешнеполитических концепциях

В отличие от Южной Азии, Восточная Азия долгое время находилась на периферии индийской внешней политики. Это объясняется тем, что в биполярный период у Индии были другие приоритеты – страна решала внутриполитические и социально-экономические проблемы, налаживала диалог с непосредственными соседями, закрепляя свои позиции в качестве региональной державы Южной Азии, а также выстраивала взаимодействие с глобальными игроками, стремясь отстоять своё право на независимость, следуя принципам неприсоединения. Кроме того, страны Северо-Восточной Азии были поделены между двумя блоками (Япония, Республика Корея – западный; КНДР и Монголия – социалистический), в то время как индийское руководство следовало принципам

---

https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF

[581] Куприянов А.В. Регион, которого нет на карте. // Профиль – 2019. – URL: https://profile.ru/politics/region-kotorogo-net-na-karte-143683/

неприсоединения[582]. Отношения с КНР после индийско-китайской войны 1962 г. были крайне натянутыми, а Юго-Восточная Азия вплоть до 1970-х гг. не была экономически привлекательной. Интерес к региону возрос лишь ближе к концу XX в., когда, столкнувшись с крайне тяжелым экономическим кризисом и сложной политической ситуацией, усугубившихся на фоне войны в Персидском заливе, геополитическим вакуумом из-за распада СССР и вместе с ним биполярной системы, а также активизацией КНР в Азии, Индия была вынуждена искать альтернативных экономических партнеров и определять свои позиции в мире[583]. Динамично развивавшаяся Юго-Восточная Азия представляла собой наиболее выгодную перспективу, с которой и начался, своего рода, индийский «поворот» на Восток, получивший название «Смотри на Восток» (Look East policy)[584].

Начало политики «Смотри на Восток» принято связывать с возвращением к власти ИНК во главе с премьер-министром П.В. Нарасимхой Рао. И хотя само название появилось в мидовских документах несколько позже (Ежегодный отчёт за 1995–1996 гг.[585]), уже в 1991 г. правительство провозглашает курс на либерализацию экономики и активизацию экономического сотрудничества с зарубежными странами, что привело к выделению в рамках индийского МИДа экономического департамента, целой серии новых экономических договоренностей (с США, Европой, Японией, Непалом и пр.)[586]. При этом в региональном ключе значимым достижением стало получение Индией в 1992 г. статуса секторального партнёра в диалоге с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и соответствующее повышение статуса индийского представительства[587]. В 1994 г. в своей сингапурской речи Рао призвал к

---

[582] Strachan A.L., Kang H.K., Sinha T. India's Look East Policy: A Critical Assessment – Interview with Amb. Rajiv Sikri, p. 3. // Southeast Asia Research Programme – 10.2009. – URL: http://www.ipcs.org/pdf_file/issue/SR85-SEARPInterview-Sikri1.pdf

[583] Rajendram D. India's new Asia-Pacific strategy: Modi acts East, pp. 2-3. // Lowy Institute Analyses – 18.12.2014. – URL: http://www.lowyinstitute.org/files/indias-new-asia-pacific-strategy-modi-acts-east.pdf

[584] Ibid., p. 3.

[585] Annual Report 1995-96, p. 16. // Indian Ministry of External Affairs. New Delhi: Government of India.

[586] См. Annual Report 1992-93. // Indian Ministry of External Affairs. New Delhi: Government of India.

[587] Bajpaee C. Dephasing India's Look East/Act East Policy, p. 351. // Contemporary Southeast Asia, Vol. 39, № 2 (August 2017). – P. 348-372.

налаживанию новых отношений с Азиатско-Тихоокеанским регионом, под которым на тот момент, по сути, подразумевалась АСЕАН[588]. И хотя ряд экспертов утверждает, что индийцы изначально предполагали более широкий географический охват концепции, всё же именно Юго-Восточная Азия стала отправной точкой расширения индийского присутствия в регионе.

Однако нельзя сказать, что с 1990-х гг. региональная политика развивалась линейно, а потому довольно сложно выделить какие-то основные этапы её становления. Азиатский финансовый кризис 1997 г., индийские ядерные испытания 1998 г., Каргильский конфликт 1999 г. и ряд других событий не могли не повлиять на взаимодействие региональных акторов. И всё же эксперты, как правило, выделяют три динамические фазы, условные рамки которых варьируются, но приблизительно датируются 1992–2003 гг., 2003–2014 гг., 2014 – настоящее время. На первом этапе ключевым, хотя и не исключительным, аспектом стало развитие торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества[589]. Будучи расположенными в непосредственной близости к странам Южной Азии и имея прочные культурно-цивилизационные связи с Индией, страны АСЕАН естественным образом стали зоной «расширенного соседства» (extended neighborhood)[590]. Индийско-китайские отношения в тот период встали на путь нормализации, а потому на повестке дня индийского правительства стояли преимущественно привлечение инвестиций и укрепление торговых связей.

Второй этап ознаменовался институционализацией сотрудничества Индии и Юго-Восточной Азии (с 2002 г. проводятся саммиты АСЕАН–Индия, 2003 – подписание совместного Соглашения об экономическом сотрудничестве, Декларации о противодействии международному терроризму и Договора о дружбе и сотрудничестве, 2005 – основан Восточноазиатский саммит и пр.[591]), а

[588] India and the Asia-Pacific: Forging a New Relationship. // Singapore Lecture Series, 1994.
[589] Haokip T. India's Look East Policy, pp. 240-241. // South Asian Survey, 18, 2 (2011). – P. 239–257.
[590] Naidu G.V.C. Whither the Look East Policy: India and Southeast Asia, p. 333. // Strategic Analysis, 2004. 28:2. – P. 331-346. DOI: 10.1080/09700160408450136
[591] Bajpaee C. Dephasing India's Look East/Act East Policy, pp. 352, 356. // Contemporary Southeast Asia, Vol. 39, № 2 (August 2017). – P. 348-372. – URL: https://www.jstor.org/stable/44683773

также расширением географических рамок политики «Смотри на Восток» – теперь она включала в себя Восточную Азию и Австралию[592]. На втором саммите Индии-АСЕАН министр иностранных дел Индии Яшванта Сингха заявил о переходе на новый уровень отношений. Активность индийцев в китайской сфере влияния в 2000-х гг. не осталась не замеченной Пекином, который стал постепенно отходить от подхода к Индии как сугубо южноазиатскому игроку, тем более что и страны АСЕАН стремились упрочить свои контакты с Нью-Дели в том числе для некоторого снижения усилившегося китайского влияния[593]. Индийское правительство, в свою очередь, предпринимало шаги к большей интеграции со странами Азиатско-Тихоокеанского региона уже не столько с целью улучшения торгово-экономических показателей, сколько для повышения своего статуса в регионе[594]. Между тем Индия стремилась укрепить свои позиции, не провоцируя негативную реакцию со стороны КНР, и даже напротив – углубляя сотрудничество как на двустороннем, так и на региональном уровне, символично включив его в свою политику расширенного добрососедства[595]. В 2000-х гг., однако, и сам Китай, по большей части, продолжал следовать заветам Дэн Сяопина о сдержанности и невступлении в международные споры («не высовывать голову» и «скрывать во тьме свои возможности»), которые при Ху Цзиньтао трансформировались в «мирное возвышение»[596]. Иными словами, КНР заявляла миру о возросших возможностях, но продолжала стремиться к сохранению образа мирной державы без особых геополитических амбиций.

Третий же период стал знаковым для обоих азиатских государств, поскольку к власти пришли новые решительные лидеры, активно продвигающие национальные интересы своих государств как в регионе, так и в мире. Так, в 2013

---

[592] Looking East: phase two. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2002. – URL: https://mea.gov.in/articles-in-indian-media.htm?dtl/15614/Looking+East+phase+two

[593] Strachan A.L., Kang H.K, Sinha T., Sikri R. India's Look East Policy: A Critical Assessment: Interview with Amb. Rajiv Sikri, pp. 3-4, 7. // Institute of Peace and Conflict Studies – 01.10.2009. – URL: https://www.jstor.org/stable/resrep09289

[594] Jyoti. India's Look East Policy: In its Second Phase, p. 6. // Global Journal of Pharmaceutical Sciences and Education. Volume 2, Number 1 (2013). – P. 1-14.

[595] Ladwig W.C. III. Delhi's Pacific Ambition: Naval Power, "Look East," and India's Emerging Influence in the Asia-Pacific, p. 88. // Asian Security, 2009. 5:2. – P. 87–113. DOI: 10.1080/14799850902886476

[596] Ломанов А. Чжунго Хэпин Цзюэци (Мирное возвышение Китая). // Россия в глобальной политике – 10.01.2005. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/chzhungo-hepin-czzyueczi-mirnoe-vozvyshenie-kitaya/

г. Си Цзиньпин провозглашает инициативу «Один пояс, один путь», которая стала флагманским проектом нового китайского правительства, предполагавшим «экспорт Китая» в страны развивающегося мира. Ещё одним проявлением «обновлённого» курса стала концепция «Сообщества единой судьбы», о которой Си Цзиньпин возвестил миру на заседании ООН в 2015 г.[597] Обе стратегии, по сути, являются попытками китайского правительства замкнуть на себя не только экономические потоки, но и закрепить за собой первенство в АТР, заменив США в роли доминирующей силы. На этом фоне происходит и ребрендинг индийской региональной концепции «Смотри на Восток» на «Действуй на Востоке», о чём премьер-министр Индии Нарендра Моди объявил в 2014 г. на совместном саммите со странами АСЕАН[598]. Новое видение было ответом на возвышение Китая и его более наступательную политику в регионе (особенно в Восточном и Южно-Китайском море), а также попыткой на фоне роста собственной мощи повысить собственный статус на международной арене. Именно на этом этапе становится очевидным, что Китай и, особенно, Индия в долгосрочном плане рассматривают противоположную сторону как основного стратегического противника в Азии, а возможно, и в мире[599]. Китайские проекты воспринимаются как попытки окружения Индии и установления гегемонии КНР во всей Азии без учета интересов других региональных игроков. Пекин добился больших успехов в укреплении связей со странами ЮВА, чем индийцы: по реализации крупных инфраструктурных проектов (строительство железных дорог, заводов и иных объектов в Камбодже, Лаосе и Мьянме), финансированию множества инициатив стран региона (в результате которых КНР удалось снизить роль США и Японии, а также зависимость малых стран от международных финансовых институтов), в то

[597] Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы – Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. // Китайский информационный Интернет-центр – 02.11.2015. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm

[598] Address by Secretary (East) at the Inaugural Session of the International Relations Conference on ‘India’s Look East – Act East Policy: A Bridge to the Asian Neighbourhood’ (Pune, December 13, 2014). // Ministry of External Affairs, Government of India – 06.12.2014. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24531/Address+by+Secretary+East+at+the+Inaugural+Session+of+the+International+Relations+Conference+on+Indias+Look+East++Act+East+Policy+A+Bridge+to+the+Asian+Neighbourhood+Pune+December+13+2014

[599] Лунев С.И. Южная Азия и Китай, с. 310. // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Отв. ред. – Чуфрин Г.И. М.: Наука, 2007.

время как индийские планы остались на бумаге[600]. Между тем невозможность игнорировать потенциальную сверхдержаву в формировании региональной архитектуры безопасности и необходимость сотрудничать для ответа на общие вызовы и угрозы обусловило включение Пекина в геополитические расчёты Нью-Дели, которые теперь расширились как в географическом охвате, так и в сферах применения – вопросы безопасности, которые, безусловно, присутствовали на повестке дня и раньше, стали выходить на первый план[601]. Нью-Дели возобновляет сотрудничество с так называемыми «морскими демократиями» в рамках Quad (сокр. от Quadrilateral Security Dialogue) – формата четырехстороннего сотрудничества США, Японии, Индии и Австралии в сфере безопасности (впервые был предложен японским премьер-министром Синдзо Абэ в начале 2007 г.), который вызывает недоверие уже со стороны китайского руководства, считающего этот формат антикитайским. Впрочем, и индийцы, и китайцы стремятся поддерживать диалог, вынося спорные вопросы «за скобки» и фокусируясь на направлениях, представляющих взаимный интерес.

Наконец кульминацией индийской геополитической мысли стала концепция Индо-Тихоокеанского региона; её условно можно назвать четвёртой стадией политики «Смотри на Восток». Недаром министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар в своей книге «Индийский путь» утверждает, что Индо-Пацифика «для Индии это следующий логический шаг после «Действуй на Востоке» и выход за границы Южной Азии»[602]. Квинтэссенцией индийского понимания новой концепции считается выступление премьер-министра Нарендры Моди на азиатском саммите по безопасности «Шангри-Ла» в июне 2018 года, в котором он отметил: развитие торговли, растущий спрос на энергоносители и совместное укрепление безопасности – довольно убедительные аргументы в пользу нового «конструкта», предполагающего большую «свободу, открытость и

[600] Mohan C. R. Connecting Asia: India Talks, China Builds. // Indian Express. – 05.01.2013. – URL: http://www.indianexpress.com/news/connecting-asia-india-talks-china-builds/1055014/0
[601] Jaishankar D. Acting East: India in the Indo-Pacific, pp. 5-6. // Brookings Institution India Center, October 2019.
[602] Jaishankar S. The India Way: Strategies for an Uncertain World. HarperCollins India, 2020. – 240 p.

инклюзивность» при сохранении АСЕАН в качестве центра[603]. Именно на эту речь опираются и ссылаются все представители Индии в своих выступлениях по данной тематике. Индия стремится получить международное признание как «великая держава», и замкнутость в своём регионе, Южной Азии, и некоторый «вынос за скобки» из понятия «Азиатско-Тихоокеанский регион» её совершенно не устраивает[604]. Будучи второй страной по населению, третьей экономикой мира по паритету покупательной способности и одним из ведущих государств с точки зрения военно-политического потенциала, она закономерно претендует на повышение своего статуса и на глобальном, и на региональном уровне. Официальные представители государства утверждают, что объединение регионов Индийского и Тихого океана в один не только объективно отражает новую геополитическую структуру в Азии, но и является географически и исторически оправданным. Так, министр иностранных дел Индии назвал Индо-Пацифику исторической концепцией, получившей новое звучание[605]. В этом ключе можно сказать, что есть потенциал для развития индийско-китайского сотрудничества на этом направлении, но он будет зависеть от способности обеих сторон к поиску компромисса и сопряжению интересов. Оба государства стремятся к «мирной периферии», выражающейся в безопасности и процветании Азии, а выработка общерегиональной стратегии могла бы способствовать достижению общих целей, что позитивно сказалось бы на всех взаимодействия между ними.

3.2.3. Российский подход к ИТР

И всё же не только китайская, но и российская позиция относительно нового конструкта иная, нежели в Нью-Дели. Во-первых, российская внешняя

---

[603] Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018). // Ministry of External Affairs, Government of India, 2018. – URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018

[604] Khurana G.S. The 'Indo-Pacific' Concept: Retrospect and Prospect, p. 3. // National Maritime Foundation, 2017. – URL: http://maritimeindia.org/View%20Profile/636215922419657386.pdf

[605] The Indo-Pacific Concept First Hand: Indian Foreign Minister Speaks at Valdai Club. // Valdai Discussion Club, 2019. – URL: https://valdaiclub.com/events/posts/articles/indo-pacific-concept-firsthand-indian-foreign-minister-speaks-at-valdai-club/

политика продолжает относить к числу наиболее приоритетных именно западное направление, в связи с чем глобальная повестка дня форматируется в рамках российско-американских отношений. В случае с ИТР это приводит к тому, что концепция рассматривается как проамериканская и направленная против Китая, что противоречит интересам нашей страны[606]. Во-вторых, в Азии Москва солидаризируется с Пекином, который также отказывается поддерживать новую региональную инициативу. Китайское руководство скептически относится к Индо-Пацифике, так как усматривает в этом желание главных акторов региона (в частности, Quad) образовать подобие военного союза для окружения Китая[607]. Подобная позиция становится оправданной, если отталкиваться от стратегии Вашингтона, в которой КНР прямо называется «ревизионистской державой», использующей инструменты принуждения для реализации своих национальных интересов и нарушающей нормы международного права[608]. При этом МИД напрямую указывает на то, что считает ИТР «попыткой перестроить существующую структуру Азиатско-Тихоокеанского региона и отойти от сконцентрированных вокруг АСЕАН и нацеленных на поиск компромисса форм взаимодействия, к чему-то, вносящему элемент разделения…Индо-Тихоокеанские стратегии не должны обсуждаться в контексте сдерживания кого-либо подобными формами взаимодействия»[609]. В данном контексте российская и китайская точки зрения совпадают – любая поддержка Индо-Тихоокеанского «конструкта» для них равносильна признанию именно американской версии регионального строительства, а значит неприемлема для каждой из сторон. Не

---

[606] Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на пленарной сессии Международной конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, 15 января 2020 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020. – URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3994885

[607] Jiangtao S., Zhou L. Wary China on ‘Quad’ bloc watch after officials from US, Japan, India and Australia meet on Asean sidelines. // South China Morning Post, 2017. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2119719/wary-china-quad-bloc-watch-after-officials-us-japan

[608] Indo-Pacific Strategy Report, pp. 7–10. // Department of Defense, 2019. – URL: https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF

[609] Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на пленарной сессии Международной конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, 15 января 2020 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020. – URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3994885

стоит забывать и о собственных проектах Москвы и Пекина – «Большой Евразии» и «Одного пояса, одного пути» соответственно, в связи с которыми возникают вопросы необходимости альтернативных вариантов и/или сопряжения инициатив друг с другом.

Российское экспертное сообщество разделилось на тех, кто согласен с официальной позицией Кремля о том, что за данной конструкцией не стоит ничего иного, кроме американских интересов и стремления союзников США сдерживать влияние Китая[610], и тех, кто отстаивает позицию, согласно которой России нужно как можно скорее занять своё место в Индо-Тихоокеанском регионе, сформулировав свою трактовку Индо-Пацифики и дополнив более или менее близкое нам индийское видение с учётом своих национальных интересов[611]. Автор принадлежит к последним, поскольку усматривает в этом возможность активизации азиатского направления российской внешнеполитической стратегии, получившей название «Поворот на Восток», которая на данном этапе продолжает зависеть от динамики диалога России с Западом и носит весьма пассивный характер. Развитие Дальнего Востока и его связанности с Азией могли бы стать платформой сотрудничества с индийцами как логичное продолжение рассмотренной выше индийской стратегии «Действуй на Востоке»[612]. Ещё в 2017 г. Дели открыто выразил заинтересованность в развитии экономических связей с Дальним Востоком и стал принимать активное участие в Восточных экономических форумах[613]. Однако следует учесть, что российско-индийские отношения, хотя и стали развиваться по восходящей с конца 1990-х гг., всё ещё преимущественно следуют траектории, заданной советским периодом. Более того,

---

[610] Сумский В. Трамп, АТЭС, АСЕАН и азиатско-тихоокеанская (дез)интеграция. // Клуб «Валдай» – 11.2017 – URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tramp-ates-asean/; Канаев Е.А., Королев А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019;12(1). – P. 26–43. https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43

[611] Куприянов А. Индо-Пацифика и Россия: не упустить свой шанс. // Клуб «Валдай» – 11.2018 – URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-patsifika-rossiya/; Лунев С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы Европы. 2020. Т. 27. № 1. С. 182–212.

[612] Baru S. The Asian Mirror for the Far East: an Indian Perspective. // Russia in Global Affairs, 2019. – URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-asian-mirror-for-the-far-east-an-indian-perspective/

[613] India wants to extend its ties with Russia's Far East: Swaraj. // The Hindu Business Line – 2017. – URL: https://www.thehindubusinessline.com/economy/india-wantsto-extend-its-ties-with-russias-far-eastswaraj/article9847330.ece

распад СССР и длительное отсутствие должного внимания азиатскому направлению привели к тому, что новые поколения индийцев практически всецело ориентируются на США, в то время как Россия всё чаще воспринимается ими как второстепенная держава – такого же мнения, но об Индии, придерживается и российская элита[614]. Торгово-экономическое взаимодействие оставляет желать лучшего – товарооборот двух стран на 2020 г. составил менее 9,3 млрд долл.[615], ввиду как объективных (например, логистика и пандемия коронавируса), так и субъективных (незаинтересованность бизнеса) причин. С другой стороны, обе страны поддерживают высокий уровень политического сотрудничества по глобальным и региональным вопросам, как в двустороннем, так и в многостороннем форматах (РИК, БРИКС, ШОС). Тем не менее, позитивную риторику и общие взгляды следует подкреплять реальными действиями: Москве стоит оказать своему естественному союзнику Дели содействие в стремлении занять свою нишу в регионе и в мире и способствовать продвижению концепции Индо-Тихоокеанского региона, которая отвечает интересам обоих государств.

Российский МИД крайне скептично настроен в отношении принятия Индо-Тихоокеанской концепции, поскольку, по сути, анализирует новый «конструкт» через призму неореалистской парадигмы. Представляется, что на сегодняшний день рассуждения по этому вопросу выглядят следующим образом:

1) *Система международных отношений* анархична по своей природе, что приводит к тому, что одним из ключевых конфликтов является сопротивление попыткам единственной на сегодняшний день сверхдержавы навязать однополярный мировой порядок и установить свои правила игры[616]. В данном случае речь идёт о противостоянии выступающих за многополярность России и

[614] Lunev S., Shavlay E. Russia and India in the Indo-Pacific, pp. 716–717. // Asian Politics & Policy, 2018. 10(4). – P. 713-731.
[615] Товарооборот России с Индией в 2020 г. // Внешняя торговля России – 13.02.2021 – URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-indiey-v-2020-g/
[616] Waltz K.N. Structural Realism after the Cold War, pp. 29–30. // International Security, 2000. Vol. 25, № 1. – P. 5–41.

Китая гегемонизму США на всех уровнях[617]: в результате Москва и Пекин отвергают концепцию ИТР, так как она активно продвигается Вашингтоном.

2) Поскольку именно Соединенные Штаты Америки являются ведущей мировой державой, то шансы на то, что новая архитектура региона будет реализовываться по американскому сценарию, выше. В этом случае региональный *баланс сил* изменится в сторону неформального союза так называемых «морских демократий» (США, Японии, Австралии и Индии) во главе с Белым домом[618]. При этом главная ставка делается именно на Индию – для подчеркивания значимости Дели в расчётах Вашингтона и тем самым «втягивания» его в свою орбиту, американцы активно продвигают новую концепцию Индо-Тихоокеанского региона[619]. Российский МИД же заявляет, что «индийские друзья достаточно мудры, чтобы разгадать эту ловушку и не попасть в нее»[620].

3) Несмотря на официальные заявления о том, что новый формат не исключает возможности участия в нём Китая[621], на деле американский истеблишмент преследует цель его сдерживания, что только подтвердила рассекреченная стратегия Белого дома по ИТР[622]. Американские аналитики также не скрывают, что, по существу, подобный неформальный союз призван не только и даже не столько укреплять сотрудничество между государствами, поддерживающими «общие ценности свободы и демократии»; он нацелен на усиление координации и взаимодействия в сфере безопасности, чтобы сбалансировать возрастающие возможности и амбиции Китая, и формирование

---

[617] Выступление и ответы на вопросы СМИ и.о. Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году, Москва, 17 января 2020 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4001740

[618] Shearer A. Quad Redux: A New Agenda for Asia's Maritime Democracies. // Lowyinstitute.org – 2017. – URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/quad-redux-new-agenda-asia-maritime-democracies

[619] Kliman D., Rehman I., Lee K., Fitt, J. Imbalance of Power, p. 3. // Cnas.org. – 2019. – URL: https://www.cnas.org/publications/reports/imbalance-of-power

[620] Выступление и ответы на вопросы СМИ и.о. Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году, Москва, 17 января 2020 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4001740

[621] United States Strategic Approach to the People’s Republic of China. – P. 7–8. // The White House, 2020. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.20.20.pdf

[622] U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific. // The White House, 2021. – URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/

коалиции стран, способных выступить единым фронтом в случае полномасштабного конфликта с КНР[623]. Такая конфигурация не соответствует не только *национальным интересам* России, она противоречит и интересам других региональных акторов, которые хоть и опасаются усиления китайского влияния, не стремятся к конфронтации с Пекином[624].

3.2.4. ИТР как основа сопряжения интересов РИК

Однако неореалистская парадигма не учитывает особенности региональной идентичности, которая имеет важное значение для формирования подсистемы международных отношений в Азии. В отличие от сторонников неореализма один из родоначальников конструктивизма как политической теории Александр Вендт исходит из того, что любое основополагающее явление внутри международной системы: национальный суверенитет, анархичная природа международных отношений, национальные интересы и т.д. являются конструктами, обусловленными особенностями субъекта анализа и его контекстуальным окружением[625]. Поэтому объективность данных понятий может ставиться под вопрос, а сам факт их объективации путем достижения на их счет консенсуса в исследовательской среде не подразумевает полного соответствия реально существующей действительности – в этом и заключается ключевое противоречие данного подхода неореализму. Это различие позволяет исследователю быть более чувствительным к контексту, в котором существуют явления, и к различиям в их феноменологии, а также сформировать понимание отсутствия единой общей системы координат, в рамках которой происходит познание[626]. Так, известный

---

[623] Henry I. Finally, some plain talk on the Quad. // The Interpreter – 2019. – URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/finally-some-plain-talk-quad; Grossman D. The Quad Is Poised to Become Openly Anti-China Soon. // The Rand Blog – 2020. – URL: https://www.rand.org/blog/2020/07/the-quad-is-poised-to-become-openly-anti-china-soon.html?fbclid=IwAR2ibyCr_HLobLTCGSrSPI5OlH5qJVJPWci0Bz9ptnftdI4NGdYDaHu7DiQ

[624] Рагхаван П.Ш. Сотрудничество на фронте Индо-Тихоокеанской безопасности. // Клуб «Валдай» – 11.2018. – URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/front-indo-tikhookean/

[625] Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. // International Organization, 1992. Vol. 46, № 2. – P. 391–425.

[626] Finnemore M., Sikkink K. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics, p. 393. // Annual Review of Political Science, 2001. 4. – P. 391–416.

исследователь регионализма в международных отношениях Амитав Ачария утверждает, что территориальная близость и функциональное взаимодействие государств недостаточны для конструирования региона – нужна идея, которая бы их объединяла[627]. Именно такой связующей идеей можно считать ИТР, интерпретации которого и должны быть определяющими в соответствии с представлениями конструктивистов[628]. И если дополнить ими неореалистские постулаты, картина складывается противоположная:

1) Прежде всего, в неамериканских версиях Индо-Пацифика предусматривает укрепление полицентричного миропорядка – тот вариант *системы*, который отстаивают Москва, Дели и Пекин[629]. Как пишут С. Мирский и А.Дж. Теллис в книге «Суть Азии»: «…Если история предыдущих возвышавшихся держав хоть что-то значит, то по мере того, как Китай и Индия будут продолжать расти, они будут стремиться к постепенной перестройке международной системы для продвижения своих собственных интересов – интересов, которые могут отличаться от интересов Соединенных Штатов, устоявшегося гегемона, который поддерживает нынешний глобальный порядок»[630]. Задача трёхстороннего формата РИК (Россия-Индия-Китай), однако, должна состоять не только в поддержке друг друга в вопросах глобального характера, но и в продвижении общего видения регионального порядка, которое следует сформулировать посредством совместных дискуссий. Учитывая сопряженность взглядов трёх стран по мирополитической проблематике (что, например, можно увидеть при сопоставлении голосования трёх стран в ООН, в совместных заявлениях и действиях в рамках РИК, БРИКС, ШОС, а также в развивающемся стратегическом партнёрстве между ними), а также близость позиций других региональных игроков на ИТР, новый концепт вполне может

[627] Acharya A. The Quest for Identity: International Relations of Southeast Asia, p. 163. New York: Oxford University Press, 2001. 188 p.
[628] Adler E. Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics, p. 322. // European Journal of International Relations, 1997, Iss. 3. – P. 319–363.
[629] Лунёв С.И. Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии. – С. 122, 130. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. №17. – С. 112–139.
[630] Tellis A.J., Mirski S. Crux of Asia: China, India, and the Emerging Global Order, p. 5. Carnegie Endowment for International Peace, 2013.

стать эффективным механизмом для совместного решения задач, стоящих перед азиатскими странами и усилить динамику регионализации, способствующей более глубокому сотрудничеству по более широкому спектру вопросов.

2) Индийская позиция предполагает включение, а не исключение государств из нового геополитического конструкта, отражающего сложившийся *баланс сил*. Важное значение имеет и изменившийся статус самой Индии, которая по совокупности ключевых параметров мощи претендует на статус великой державы и на соответствующее повышение своей роли на региональном и на глобальном уровнях. Вопрос признания стоит крайне остро – и сверхдержава, и великие державы должны воспринимать себя и признаваться таковыми мировым сообществом и друг другом, иначе не смогут до конца соответствовать своему статусу – случай с Индией наиболее красноречив[631]. Именно между основными акторами международной системы и происходит борьба за влияние. По сути дела, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) «обходил» Индию (отметим, что страна до сих пор не является членом АТЭС), а её присутствие в регионе носило ограниченный характер. С другой стороны, изменение геополитического «конструкта» на более широкий не ставит целью переключить внимание с Юго-Восточной Азии на пространство Индийского океана, оно призвано его расширить и дополнить. Более того, выдвижение АСЕАН в качестве центра более масштабной региональной архитектуры является попыткой предотвращения эрозии позиций группировки и ключевых позиций государств Юго-Восточной Азии, влияние которых распространяется и за пределы АТР.

3) Слияние регионов Индийского и Тихого океана, в целом, удовлетворяет *национальным интересам* большего числа государств, нежели Азиатско-Тихоокеанское пространство. Об этом можно судить исходя из того, что большее число будет включено в единое географическое пространство, что будет выгодно для всех, хотя бы потому что формирование более широкого конструкта, пусть и со своей спецификой, становится внешнеполитической стратегией всё большего

[631] Buzan B.G., Weaver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. – P. 36–37. Cambridge University Press, 2003.

числа игроков, что символизирует их заинтересованность в осуществлении этой идеи. Что касается России, то этот проект мог бы дополнить российскую идею о Большой Евразии (в частности, посредством конвергенции сухопутных и морских инфраструктурных проектов по периметру региона) и улучшить перспективы развития Дальнего Востока. В конце концов это, в том числе, поможет России несколько увеличить пространство для маневра с Китаем, асимметричность в отношениях с которым только усиливается[632]. Но и беспокойство китайских коллег могло бы быть несколько нивелировано, поскольку Москва, Дели и Пекин могли бы совместными усилиями способствовать созданию большей связности региона и обеспечению безопасности морских путей сообщения на всём протяжении Индийского и Тихого океанов[633]; на фоне стремительно растущего энергопотребления именно эта задача сейчас стоит на китайской повестке дня.

Таким образом, рассмотренные дискурсы российского и индийского правительств относительно нового геополитического конструкта Индо-Тихоокеанского региона позволяют сделать вывод о том, что политика Москвы и Дели, по сути, имеет разную онтологию, что препятствует проведению анализа позиции каждой из сторон в рамках единой системы координат. Это приводит к тому, что российский МИД базирует свою позицию в неореалистическом ключе, подразумевающем противостояние гегемонистским устремлениям США и соответственно их проектам, в то время как индийцы вкладывают совсем иное содержание в Индо-Пацифику и рассчитывают на поддержку и участие со стороны стратегического партнёра – Москвы. Две страны оперируют разными понятиями, и потому не могут прийти к консенсусу, который мог бы помочь обеим не упускать имеющиеся возможности.

Индийцы продвигают ИТР как естественное продолжение своей политики «Действуй на Востоке», рассматривая эту инициативу как возможность усилить свои позиции в Азии, расширив зону своего влияния. При этом к утверждению

---

[632] Gabuev A. Friends With Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis. // Carnegie Moscow Center – 2016 – URL: https://carnegie.ru/2016/06/29/friends-with-benefits-russian-chinese-relations-after-ukraine-crisis-pub-63953
[633] Lunev S., Shavlay E. Russia and India in the Indo-Pacific, p. 726. // Asian Politics & Policy, 2018. 10(4). – P. 713-731.

своей роли в регионе Индия стремится не в ущерб другим региональным игрокам, а с учетом их интересов – посредством их вовлечения в формирование совместного регионального конструкта, трактовка которого пока носит достаточно гибкий характер. Так, выдвижение АСЕАН в качестве центральной части нового мегарегиона полностью совпадает с позицией самих стран Юго-Восточной Азии. Нью-Дели только выиграет от взаимодействия с Россией и Китаем, которые занимают негативно-сдержанную позицию в отношении концепции ИТР, считая её продуктом американской политики. Именно идейная основа индийского понимания Индо-Пацифики недооценивается российским МИДом, анализирующим любые феномены международного характера с позиций неореализма, в котором определяющее значение имеют национальные интересы сторон и баланс сил. Российское внешнеполитическое ведомство убеждено в том, что новая инициатива продвигается Вашингтоном, а потому рассматривает это как «настойчивые попытки внерегиональных сил переформатировать сложившийся порядок под решение собственных узкокорыстных задач»[634], игнорируя тот факт, что термин предложен самими индийцами задолго до американцев, и что они вкладывают в эту концепцию совершенно иной смысл. Иными словами, российская политика базируется на иной онтологии, чем индийская – придаваемая конструктивистами значимость идейной составляющей уступает место прагматичным расчётам в игре с нулевой суммой между Россией и США. Однако если взглянуть на неореалистические постулаты с другой точки зрения, то можно обнаружить целый ряд преимуществ, которые может дать выработка совместного подхода к ИТР, в том числе и в диалоге с американцами.

Выявление разногласий во взглядах двух государств по одному из существенных вопросов индийской внешней политики и поиск компромиссов необходимы для улучшения взаимопонимания и углубления сотрудничества между сторонами. В случае конвергенции подходов российско-индийские

[634] Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова ланкийской газете «Дэйли ньюс», опубликованное 13 января 2020 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3993275

отношения получат дополнительный импульс к развитию. Кроме того, Российская Федерация может использовать ИТР для укрепления своего положения в двух океанах, что особенно важно в условиях конфронтации с Западом и российской стратегии поворота на Восток. С другой стороны, игнорирование новых реалий может лишить нашу страну дополнительных возможностей в Азии, где на сегодняшний день российское присутствие незначительно.

Безусловно, не стоит как недооценивать, так и переоценивать влияние концептуальных изменений, однако имеет смысл подчеркнуть вовлеченность Москвы в трансформации, происходящие в регионе, и заинтересованность в участии в переформатировании архитектуры безопасности. Автор считает целесообразным пересмотр российскими внешнеполитическими структурами официальной позиции относительно Индийско-Тихоокеанского региона. Рекомендуется сформулировать своё понимание этого термина и согласовать его с видением других акторов ИТР в ходе обсуждений, посвященных региональному сотрудничеству, при этом особенное внимание следует уделить именно индийской трактовке как наиболее значимой. Возможно, рассмотрение данного вопроса в рамках РИК и выработка общего видения Индо-Тихоокеанского региона способствовали бы сглаживанию противоречий и укреплению доверия не только в трехстороннем формате, но и между Дели и Пекином, что, учитывая геополитическое соперничество между ними, крайне важно для Москвы, для которой и Индия, и КНР являются ключевыми стратегическими партнёрами.

Итак, формулирование собственного видения ИТР послужит и внутриполитическим интересам России (развитие Дальнего Востока), и внешнеполитическим (укрепление позиций в Азии). Продвижение нового «конструкта» будет способствовать реализации амбициозной задачи России – реальному повороту на Восток и восстановлению своих позиций в Азии в качестве влиятельной мировой державы, а не периферийного игрока. Поддержка Москвой делийского подхода станет подтверждением дружеского расположения России в отношении Индии и укрепит их двустороннее и региональное

сотрудничество. При этом выработка совместной линии РИК по данному вопросу, исходя из общих интересов, станет именно дополняющей, а не исключающей альтернативой Азиатско-Тихоокеанскому концепту и будет залогом формирования действительно открытого и инклюзивного геополитического пространства (в отличие от американской идеи), что только усилит позиции трёх стран и улучшит их взаимодействие в Азии.

Таким образом, наблюдается усиление соперничества между Индией и Китаем как в Южной Азии, так и во всем Индо-Тихоокеанском регионе. У новой концепции ИТР разные трактовки, но само возникновение и продвижение этого конструкта подчёркивает изменение геополитических реалий, которые влияют и на Дели, и на Пекин. В связи с тем, что спрос на энергоресурсы только возрастает, а сухопутные способы доставки представляются крайне трудоёмкими и не всегда надёжными, именно морские пути сообщения становятся наиболее востребованными. Уже сегодня мы наблюдаем наращивание китайского присутствия в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, усиление зависимости азиатских стран от Китая, распространение китайских опорных пунктов в Индийском океане – последний пункт особенно тревожит индийское руководство, стремительно теряющее позиции даже в собственном «подбрюшье», ввиду сложности экономической конкуренции с КНР. Учитывая взаимное недоверие двух государств друг другу, а также усиление геополитического соперничества, в долгосрочной перспективе между ними вполне могут возникать конфликты за разграничение интересов. На этом фоне российский фактор мог бы оказать положительное воздействие, направив усилия двух азиатских гигантов на решение общих проблем и продвижение общей повестки дня. Борьба с социально-экономическими и экологическими проблемами, пиратством, терроризмом и политической нестабильностью могли бы сплотить государства между собой и сформировать общую платформу для продуктивного взаимодействия, что не только снизило бы возможность военного конфликта, но и увеличило эффективность трёхстороннего взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Индийско-китайские отношения носили ограниченный характер вплоть до середины XX столетия. Установив дипломатические связи в 1950 г., два государства прошли через несколько этапов взаимодействия друг с другом – от дружеского с лозунгами «Индийцы и китайцы – братья навек» к враждебному, кульминацией которого стала индийско-китайская война 1962 г., и от конфликта, в результате которого неотъемлемым фактором отношений двух государств стало недоверие друг к другу, – к налаживанию партнёрства. Четыре десятилетия, хотя и недолгий срок для стран с многовековой историей, оставили глубокий след в восприятии ими друг друга и до сих пор оказывают влияние на все сферы сотрудничества между ними.

На современном этапе и Индии, и Китай демонстрируют достижения в экономической и военно-политической сферах, способствуют смещению центра глобальной политики в Азию и имеют все возможности для изменения баланса сил и мирового порядка в средне- или долгосрочной перспективе. Однако вплоть до настоящего времени историческая составляющая играет одну из ключевых ролей для понимания эволюции индийских подходов к Китаю. Многие из существующих противоречий касаются именно исторически не решенных задач, особенно в части территориальных споров и китайско-пакистанского сотрудничества. В связи с этим современная военно-политическая подсистема индийско-китайских отношений развита слабее всего и характеризуется крайней степенью недоверия. И в среднесрочной перспективе Китай останется более сильным игроком на международной арене, нежели Индия, которая стремится сократить с ним разрыв, но не обладает такими же экономическими возможностями, в связи с чем она пытается добиться укрепления своих позиций преимущественно за счёт крупных союзников, таких как США, Россия и Япония. Вместе с тем общность некоторых региональных интересов и осознание тяжести последствий потенциального конфликта способствуют укреплению военно-

политического сотрудничества Индии и Китая, несмотря на неизменный фактор недоверия друг к другу.

Что касается экономического среза отношений, то он в большей степени рассматривается сторонами как инструмент позитивного влияния на двустороннее взаимодействие. Недаром именно экономическая мощь стала тем фактором, который, по большому счёту, определил положение Индии и Китая в структуре международных отношений, выведя их в тройку лидеров по ВВП, исчисленному по ППС. Однако их двустороннее торгово-экономическое сотрудничество несоизмеримо меньше потенциала, а нарастающий дефицит торгового баланса приводит к негативному восприятию в Индии китайских компаний как ведущих агрессивную торговую политику и политику нетарифных ограничений китайского правительства, препятствующих прогрессу на данном направлении. Между тем проведенный анализ показал, что главным источником проблем, препятствующих экономическому сотрудничеству Индии и Китая, являются именно внутренние дисбалансы экономик двух стран, а не геоэкономическое соперничество между ними или недостаточная прозрачность китайской экономической стратегии. В этой связи индийцам предстоит не только разобраться в первую очередь со сложностями эндогенного характера, но и изменить восприятие китайцев в обыденном сознании.

Самым слабым звеном двустороннего взаимодействия остаются культурно-цивилизационные связи, которые хоть и развиваются, всё же оставляют желать лучшего, тем более что вне рамок двусторонних отношений эта сфера является полем противостояния «мягкой силы» Индии и Китая. Во многом это обусловлено тем, что разделенные цепью высочайших в мире гор, азиатские гиганты тысячелетиями развивались как бы параллельно, и до середины XX века их взаимодействие носило ограниченный характер, и лишь в биполярный период получило активное развитие на разных направлениях, в том числе и культурном. Важной проблемой является малочисленность специалистов – как синологов, так и индологов – в Индии и в Китае соответственно, что приводит к сохранению в них укоренившихся стереотипов относительно друг друга и высокой степени

политизации любых вопросов двусторонней и региональной повестки дня. Статистические данные по двустороннему взаимодействию либо не собираются, либо слабо представлены как в индийских, так и в китайских источниках. Справедливости ради стоит отметить, что и сами Индия, и Китай мало внимания уделяют данному аспекту двусторонних отношений, поскольку на данном этапе оно не является приоритетным в условиях недоверия и соперничества между ними. И это несмотря на то, что именно этот вектор сотрудничества способен несколько сгладить противоречия, накопившиеся между странами в других областях, и способствовать лучшему пониманию друг друга, что особенно актуально и необходимо в условиях повышения значимости медиапространства и контактов на уровне граждан.

На фоне того, что двусторонние отношения носят относительно ограниченный характер и по-прежнему во многом находятся под влиянием исторических факторов, исследователи анализируют диалог между Дели и Пекином практически исключительно в геополитическом ключе. Особенно значимым этот вектор стал после окончания Холодной войны, когда мировой порядок стал подвергаться трансформации, активизировались процессы глобализации и регионализации, способствовавшие усилению взаимозависимости государств друг от друга, формированию новых и укреплению существовавших региональных организаций, а также разного рода геополитическим перестановкам. При этом одним из ключевых изменений стало возвышение стран Азии и соответственно возникновение новых центров силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Индия и КНР как крупнейшие региональные игроки стали расширять географию экономического сотрудничества, формулировать собственные концепции переустройства региональной архитектуры безопасности и повышать свой статус на международной арене. Будучи более сильным актором, Китай ещё с 2000-х гг. проводит более эффективную политику в АТР, нежели Индия, большая часть стратегических планов которой так и осталась в вербальной форме. Между тем усиление китайского присутствия начало происходить и в Южной

Азии, которую Нью-Дели вполне закономерно считает своей сферой влияния. В условиях сохраняющегося недоверия индийцы воспринимают китайские действия как направленные против Индии и трактуют их как китайскую экспансию. Однако при близком рассмотрении становится очевидным, что на данном этапе стратегия Пекина в большей степени продиктована необходимостью улучшения ситуации в нестабильных и экономически слабых провинциях, экспорт-ориентированностью и экстенсивным ростом китайской экономики, желанием обеспечить энергетическую безопасность и целым рядом других внутренних факторов, а не стремлением превратить Азию в «вассальный регион».

В свою очередь, укрепление индийских позиций в АТР и развитие формата четырёхстороннего сотрудничества между Индией, с одной стороны, и США, Японией и Австралией – с другой, вызывает настороженность в Пекине. Ведь несмотря на то, что в настоящее время силы непропорциональны и Китай занимает более сильное во всех отношениях положение, в перспективе Индия представляется главным вызовом китайской внешней политики как в Азии, так и в мире, ввиду усиления её мощи и квази-союзнических отношений с крупнейшими мировыми державами. На этом фоне возникновение и продвижение нового геополитического конструкта – Индо-Тихоокеанского региона – не внушает доверия китайскому руководству, которое воспринимает его как продукт американской политической мысли. Этому подходу вторит и Москва, отказывающаяся принимать концепцию как противоречащую национальным интересам России и её стратегических партнёров. Вместе с тем иное содержательное наполнение Индо-Пацифики могло бы стать инструментом сближения всех трёх стран РИК при том, что текущая эффективность формата представляется весьма спорной. Это особенно актуально, если учесть, что в новом тысячелетии в своей внешней политике Индия в целом стала делать упор на участие в небольших объединениях стран, суть которых заключается в продвижении относительно узкого круга общих интересов. К такого рода «альянсам» можно отнести и БРИКС, и РИК, и ШОС, и Quad – все они отвечают различным задачам индийского правительства, и, хотя Нью-Дели часто обвиняют

в отходе от многолетней политики «неприсоединения» (non-alingment), на деле в постбиполярный период она лишь трансформировалась в стратегическую автономию (strategic autonomy), а затем и в многовекторную политику (multi-alignment policy)[635]. Иными словами, индийцы вполне прагматично следуют общемировому вектору, который новый министр иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар назвал «системой конвергенций», когда «страны объединяют усилия ради решения общих задач, не вступая в формальные союзы»[636]. Вместе с тем можно наблюдать более активное взаимодействие «клуба морских демократий», в котором ключевую роль играют Соединенные Штаты, нежели остальных форматов, объединяющих Индию с КНР и Россией, что, вполне закономерно, негативно оценивается как в Пекине, так и в Москве. Вашингтон предпринимает все усилия для сближения с Нью-Дели, и действительно происходит постепенное углубление индийско-американского сотрудничества – в том числе на фоне роста индийско-китайского геополитического соперничества: «Пекин относится к Дели более серьезно, потому что это делает Вашингтон»[637]. Конечно, РИК, БРИКС и ШОС тоже могли бы стать более эффективными площадками для выработки совместного подхода к важнейшим глобальным и региональным вопросам, но для этого потребуется политическая воля всех сторон и даже пересмотр внешнеполитических приоритетов, пока же имеющийся потенциал не реализуется в полной мере – во многом именно из-за противоречий между Индией и Китаем. В этом ключе Россия, поддерживающая дружеские отношения с обеими странами, вполне могла бы выступить «связующим звеном», оказав положительное воздействие на их взаимопонимание.

Итак, что касается параметров индийско-китайского сотрудничества, то к положительным (хотя и не лишенным сложностей) можно отнести политические, торгово-экономические и культурно-цивилизационные связи двух государств,

---

[635] Tripathi S. India's Foreign Policy Dilemma over Non-Alignment 2.0, p. 66. // SAGE Publishing India, 2019. – 220 p.
[636] Об Индо-Пацифике из первых уст: министр иностранных дел Индии выступил в клубе «Валдай». // Клуб «Валдай» – 08.2019 – URL: http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/ministr-inostrannykh-del-indii-v-klube-valdai/
[637] Ibidem.

поскольку они позволяют им не только садиться за стол переговоров даже в случае приграничных конфликтов, но и развивать сферы, представляющие взаимный интерес. Среди негативных аспектов диалог между странами стоит выделить военно-политический и региональный срезы отношений, так как именно в них наиболее ярко прослеживаются существенные противоречия, увеличивающиеся в связи с растущим региональным и, отчасти, глобальным соперничеством Нью-Дели и Пекина между собой. В целом же, китайское направление внешней политики Индии 1991–2021 гг. формировалось и продолжает выстраиваться на основе исторического контекста, достижений двустороннего сотрудничества и динамики регионального соперничества. Каждый из аспектов наполнен своими проблемами, требующими совместного разрешения, и только от успешности нахождения компромиссов друг с другом и продвижения общей повестки дня будет зависеть эффективность их диалога как на двусторонней, так и на региональной основе, а российский фактор может оказать положительное влияние на взаимодействие между двумя азиатскими гигантами и внести свой вклад в наступление века Азии – в противном случае по мере превращения Китая в новую сверхдержаву центробежные тенденции будут продолжать усиливаться.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Русскоязычные:

1. Выступление В.В. Путина на встрече лидеров России, Индии и Китая (Осака, 28.06.2019). // Президент России – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60846
2. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на пленарной сессии Международной конференции «Диалог Райсина», Нью-Дели, 15 января 2020 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020. – URL: https://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3994885
3. Выступление и ответы на вопросы СМИ и.о. Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году, Москва, 17 января 2020 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4001740
4. Иванов И.С. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802—2002: В 3 т. Т. 2.
5. Интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова ланкийской газете «Дэйли ньюс», опубликованное 13 января 2020 года. // Министерство иностранных дел Российской Федерации, 2020. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3993275
6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.). // Министерство иностранных дел Российской Федерации –URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
7. Об Индо-Пацифике из первых уст: министр иностранных дел Индии выступил в клубе «Валдай». // Клуб «Валдай» – 08.2019. – URL: http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/ministr-inostrannykh-del-indii-v-klube-valdai/
8. Послание Президента Федеральному Собранию, 2016 г. // Президент России – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/53379
9. Пресс-конференция Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева в Дели. // Красное знамя № 246 (9842) – 2012. – URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000024359/1955/1955_246.pdf
10. Речь министра иностранных дел Индии Субраманьям Джайшанкар. // Экспертная дискуссия, Клуб «Валдай» – 27.08.2019. – URL:

http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/ministr-inostrannykh-del-indii-v-klube-valdai/
11. Совместное советско-индийское экономическое коммюнике. // Красное знамя № 246 (9842). – 16.12.1955. – URL: http://sun.tsu.ru/mminfo/2012/000024359/1955/1955_246.pdf
12. Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы – Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. // Китайский информационный Интернет-центр – 02.11.2015. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721_2.htm
13. Товарооборот России с Индией в 2020 г. // Внешняя торговля России – 13.02.2021. – URL: https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-indiey-v-2020-g/
14. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации". // Президент России – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf

Англоязычные:

15. 2020 Military Strength Ranking. // Global Firepower – URL: https://www.globalfirepower.com/countries-listing.asp
16. 259. Special National Intelligence Estimate. // Central Intelligence Agency, Job 79–R01012A, ODDI Registry of NIE and SNIE Files. Secret; Controlled Dissem; Limited Distribution. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v25/d259
17. 27 April 1959. Lok Sabha Debates. Second Series, Vol. XXX, cols 13493-13503. // Selected Works of Jawaharlal Nehru, Series II, Vol. 48 – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/SW-Vol-48.pdf
18. Address by FS on “Maritime Dimensions of India’s Foreign Policy”. // Ministry of External Affairs, Government of India, 2011. – URL: https://www.mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?53/Address+by+FS+on+Maritime+Dimensions+of+Indias+Foreign+Policy
19. Address by Secretary (East) at the Inaugural Session of the International Relations Conference on ‘India’s Look East – Act East Policy: A Bridge to the Asian Neighbourhood’ (Pune, December 13, 2014). // Ministry of External Affairs, Government of India – 06.12.2014. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/24531/Address+by+Secretary+East+at+the+Inaugural+Session+of+the+International+Relations+Conference+on+Indias+Look+East++Act+East+Policy+A+Bridge+to+the+Asian+Neighbourhood+Pune+December+13+2014
20. Agreement on Maintenance of Peace and Tranquillity in Bhutan-China Border Areas, December 8. // Ministry of Foreign Affairs, People’s Republic of China – 1998. – URL: http://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb/zzjg/yzs/gjlb/2686/2687/t15852.shtm
21. Agreement on Trade and Intercourse with Tibet Region of April 29, 1954. // Ministry of External Affairs, Government of India – 09.2019. – URL:

https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7807/Agreement+on+Trade+and+Intercourse+with+Tibet+Region
22. Ambassador Vikram Misri's Remarks at Inauguration of Synthite Plant. (Dezhou Shandong Province). // Embassy of India, China. – 2019. – URL: http://www.eoibeijing.gov.in/Inauguration%20of%20Synthite%20Plant.php
23. Annexure – I. // BM-I Division, Department of Border Management – URL: https://mha.gov.in/sites/default/files/BMdiv_I_Annexure_I_30012020.pdf
24. Annual Report 1992-93. // Indian Ministry of External Affairs. New Delhi: Government of India.
25. Annual Report 1995-96. // Indian Ministry of External Affairs. New Delhi: Government of India.
26. ASEAN–China Free Trade Area. // ASEAN–China Free Trade Area Business Portal – 05.2016. – URL: http://www.asean-cn.org/index.php?m=content&c=index&a=show&catid=267&id=84
27. ASIAN-AFRICAN CONFERENCE. // Digital Archive: International History Declassified, Wilson Center – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121623.pdf?v=e1cd06384e2e67bdff11f809ead78849
28. Bandaranaike S. A Profile. // Socialist India: Indian National Congress. All India Congress Committee., V. 8, 1973. – 50 p.
29. BANDUNG CONFERENCE, 1955. // Digital Archive: International History Declassified, Wilson Center – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/16/bandung-conference-1955
30. BETWEEN CHINA AND PAKISTAN, 1963. // Anna Maria Baldussi, Università degli Studi di Cagliari – 04.2015. – URL: https://people.unica.it/annamariabaldussi/files/2015/04/China-Pakistan-1963.pdf
31. Bhava A. India Tourism Statistics at a Glance. // Ministry of Tourism, Government of India – 2018. – URL: http://tourism.gov.in/sites/default/files/Other/ITS_Glance_2018_Eng_Version_for_Mail.pdf
32. Bhutan. // The Observatory of Economic Complexity – URL: https://oec.world/en/profile/country/asbtn
33. Brief on India – Sri Lanka Relations. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2019. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/IndSriLanka_2019.pdf
34. C-1 Population by Religious Community. // Office of the Registrar General & Census Commissioner, India Ministry of Home Affairs, Government of India. – URL: http://www.censusindia.gov.in/2011census/C-01.html
35. China and India. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China: Department of Asian Affairs – 2014. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/yzs_663350/gjlb_663354/2711_663426/

36. China Inbound Tourism in 2017. – URL: https://www.travelchinaguide.com/tourism/2017statistics/inbound.htm#:~:text=According%20to%20reports%20from%20Ministry,by%203.6%25%20year%20on%20year
37. China-India border. // Library of Congress. Washington : Central Intelligence Agency, 1963. URL: https://www.loc.gov/resource/g7821f.ct002822/?r=0.089,0.468,1.136,0.588,0
38. China trade balance, exports and imports. // World Integrated Trade Solutions – 2018. – URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/CHN/Year/2018/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country
39. Chinese Answer Soviet Criticism of Chinese Position in Sino-Indian Border Dispute. // Translations on International Communist Developments № 541. U.S. Joint Publications Research Service – Indiana University Libraries, 2018.
40. Colombo Conference Proposals on Indian-Chinese Border Dispute. // HeinOnline – URL: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/intlm2&div=27&id=&page=
41. Conversation with Chou En-lai (II). // Second session, New Delhi, 10 pm to midnight, 25 June 1954. V.K. Krishna Menon Papers, NMML. Extract. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2017/01/195406VisitZhouinDelhi.pdf
42. Countries: India. // International Panel on Fissile Materials – 02.2018. – URL: http://fissilematerials.org/countries/india.html
43. Defence Manufacturing. // Invest India, National Investment Promotion and Facilitation Agency of India – URL: https://www.investindia.gov.in/sector/defence-manufacturing
44. DF-1. // Global Security: Weapons of Mass Destruction (WMD) – 07.2011. – URL: https://www.globalsecurity.org/wmd/world/china/df-1.htm
45. Diplomatic Relations with China. // Foreign Ministry – Sri Lanka. – URL: https://mfa.gov.lk/cool_timeline/diplomatic-relations-with-china/
46. Direction of Trade Statistics – India. // International Monetary Fund – 2019. – URL: http://data.imf.org/regular.aspx?key=61013712
47. Documents signed between India and China during Prime Minister Vajpayee's visit to China. // Ministry of External Affairs, Government of India – 06.2003 – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7692/Documents+signed+between+India+and+China+during+Prime+Minister+Vajpayees+visit+to+China
48. Estimating the Arms Sales of Chinese Companies. // SIPRI Insights on Peace and Security № 2020/2 – 01.2020 – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2020-01/sipriinsight2002_0_0.pdf
49. Evalutation Study. India and China in Multilateral Economic Governance. // Ministry of Foreign Affairs, Denmark – 01.2019. – URL: http://www.netpublikationer.dk/UM/evaluation_study_india_china_multilateral_economic_governance_january_2019/Pdf/evaluation_study_india_china_multilateral_economic_governance_january_2019.pdf

50. External Affairs Minister's Remarks at the 4th India-China Media Forum. // Ministry of External Affairs, Government of India: Visit Detail – 08.2019 – URL: https://mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?31726/External+Affairs+Ministers+Remarks+at+the+4th+IndiaChina+Media+Forum
51. Foreign direct investment (FDI) in Bangladesh. // Nordea – URL: https://www.nordeatrade.com/en/explore-new-market/bangladesh/investment
52. Foreign direct investment: Inward and outward flows and stock, annual – India. // UNCTAD Stat. 2019. – URL: https://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx
53. Ganapathi M. The significance of the Indo-Pacific Region in India's foreign policy. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2019. – URL: https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?854
54. Gray A. The world's 10 biggest economies in 2017. // World Economic Forum (2017) – URL: https://www.weforum.org/agenda/2017/03/worlds-biggest-economies-in-2017/
55. India – Bangladesh Relations. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2016 – URL: https://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Bangladesh_Dec_2016.pdf
56. India and the Asia-Pacific: Forging a New Relationship. // Singapore Lecture Series, 1994.
57. India Moves Closer to Nuclear Triad. // The Arms Control Association – 08.2012 – URL: https://www.armscontrol.org/act/2012-08/india-moves-closer-nuclear-triad
58. India Tourism Statistics at a Glance – 2018. // Ministry of Tourism, Government of India – 2018. – URL: https://tourism.gov.in/sites/default/files/2020-04/ITS_Glance_2018_Eng_Version_for_Mail.pdf
59. India Tourism Statistics at a Glance – 2019. // Ministry of Tourism, Government of India – 2020. – URL: https://tourism.gov.in/sites/default/files/2020-04/India%20Tourism%20Statistics%20at%20a%20Glance%202019.pdf
60. India trade balance, exports and imports. // World Integrated Trade Solutions – 2018 – URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/IND/Year/2018/TradeFlow/EXPIMP
61. India-Bhutan Friendship Treaty. // Ministry of External Affairs, Government of India – 03.2007 – URL: https://mea.gov.in/Images/pdf/india-bhutan-treaty-07.pdf
62. India-Bhutan relations. // Ministry of External Affairs, Government of India. 2020. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Brief_Bilateral_Brief_bhutan_Feb_2020.pdf
63. India-China Bilateral Relations. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2017 – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/China_October_2017.pdf
64. India-China Bilateral Relations. // Ministry of External Affairs, Government of India – 09.2019 – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/china_brief_sep_2019.pdf

65. India-China Informal Summit at Wuhan. // Ministry of External Affairs, Government of India – 04.2018 – URL: https://mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/29853/IndiaChina_Informal_Summit_at_Wuhan
66. India-China Political Relations. // Embassy of India, China. – 2019. – URL: http://www.eoibeijing.gov.in/political-relation.php
67. India-China Trade and Economic Relations. // Embassy of India, China. – 2019. – URL: https://www.eoibeijing.gov.in/economic-and-trade-relation.php
68. India-China trade barrier reductions. // Economics&Country Risk, IHS Markit – 07.2018. – URL: https://ihsmarkit.com/research-analysis/indiachina-trade-barrier-reductions.html
69. India-China Trade Relationship. The Trade Giants of Past, Present, and Future. // PhD Research Bureau, PhD Chamber of Commerce and Industry – 01.2018. – URL: https://www.phdcci.in/wp-content/uploads/2018/11/India-China-Trade-Relationship_The-Trade-Giants-of-Past-Present-and-Future.pdf
70. India-Maldives Relations. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2014 – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India-Maldives_Relations.pdf
71. INDIA-NEPAL BILATERAL RELATIONS. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2020 – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/India-Nepal_Bilateral_Brief_Feb_2020.pdf
72. India-Pakistan War 1965. // History Division, Ministry of Defence, Government of India – URL: https://www.bharat-rakshak.com/archives/OfficialHistory/1965War/1965Chapter11.pdf.
73. India's Draft Nuclear Doctrine. // The Arms Control Association – 07.1999 – URL: https://www.armscontrol.org/act/1999-07/indias-draft-nuclear-doctrine
74. Indian Prime Minister Rajiv Gandhi visited China. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18017.shtml
75. Indo-Pacific Division Briefs. // Ministry of External Affairs, Government of India, 2020. – URL: https://mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Indo_Feb_07_2020.pdf
76. Indo-Pacific Strategy Report. // Department of Defense, 2019. – URL: https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF
77. International Migration 2019: Report. // United Nations Department of Economic and Social Affairs | Population Division. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf
78. International Trade Centre – India. // Trade Map, All Services – 2019. – URL: https://www.trademap.org/Country_SelServiceCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c699%7c%7c%7c%7c%7c%7cS00%7c1%7c3%7c1%7c3%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1
79. International trade in goods and services based on UN Comtrade data. // UN Comtrade – 2019. – URL: https://comtrade.un.org/labs/dit-trade-vis/?reporter=699&partner=156&type=C&commodity=39&year=2018&flow=2

80. Joint Statement of the Republic of India and the People's Republic of China. // Ministry of External Affairs, Government of India – 04.2005. – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/6577/Joint_Statement_of_the_Republic_of_India_and_the_Peoples_Republic_of_China
81. Judd W.H. Pacific Pacts Tied to Japan Treaty Are United States Reply to Soviet: Extension of Remarks. // Congressional Record: Proceedings and Debates of the 82nd Congress – U.S. Government Printing Office, 1951, Vol. 97, P. 14. – P. A4317–A5638.
82. Letter from the Prime Minister of China to the Prime Minister of India, 23 January 1959. // Wilson Center: Digital Archive, International History Declassified – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/175951.pdf?v=c7406f575e54d87dec8e6c4d0b95306a
83. Letter from the Prime Minister of India to the Prime Minister of China, 16 November 1959. // Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 3 (November 1959 – March 1960) – 12.2016. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper3NEW.pdf
84. Letter to the Prime Minister and Foreign Minister of People's Republic of China. // Reproduced from Government of India, Ministry of External Affairs, Notes, Memoranda and Letters Exchanged and Agreements Signed Between the Governments of India and China, 1954-1959. White Paper (n.p., n.d.) [New Delhi, 1959]. – Selected Works of Jawaharlal Nehru Vol. 47, Series II (March 1-31, 1959). – URL: http://www.archieve.claudearpi.net/maintenance/uploaded_pics/SW47.pdf
85. Long Term Plan for China-Pakistan Economic Corridor (2017-2030). // Ministry of Planning, Development and Special Initiatives, China-Pakistan Economic Corridor. – URL: http://cpec.gov.pk/brain/public/uploads/documents/CPEC-LTP.pdf
86. Looking East: phase two. // Ministry of External Affairs, Government of India – 2002. – URL: https://mea.gov.in/articles-in-indian-media.htm?dtl/15614/Looking+East+phase+two
87. MAIN SPEECH BY PREMIER CHOU EN-LAI [Zhou Enlai], HEAD OF THE DELEGATION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA, DISTRIBUTED AT THE PLENARY SESSION OF THE ASIAN-AFRICAN CONFERENCE. // Digital Archive: International History Declassified, Wilson Center – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121623.pdf?v=e1cd06384e2e67bdff11f809ead78849
88. Military expenditure by country as percentage of gross domestic product, 1988-2018. // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) – 2019. – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932018%20as%20a%20share%20of%20GDP%20%28pdf%29.pdf
89. Military expenditure by country, in constant (2017) US$ m., 1988-2018. // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) – 2019 – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201

988%E2%80%932018%20in%20constant%20%282017%29%20USD%20%28pdf%29.pdf
90. Military Personnel. // Congressional Budget Office – URL: https://www.cbo.gov/topics/defense-and-national-security/military-personnel
91. Military Regions / Military Area Commands. // Global Security.org – 10.2019 – URL: https://www.globalsecurity.org/military/world/china/mr.htm
92. Most important countries of origin of foreign tourists in China in 2018. // Statista – URL: https://www.statista.com/statistics/234149/tourists-in-china-by-country-of-origin/#:~:text=All%20in%20all%2C%20approximately%2030.54,tourists%20visited%20China%20in%202018
93. Nehru J. 'Note on Visit to China and Indo-China', November 14, 1954. // History and Public Policy Program Digital Archive, National Archives Department of Myanmar, Ascension Number 203, Series 12/3, "Letter from Jawaharlal Nehru to U Nu, relating to Note on Visit to China and Indo-China (16.11.54)" – Digital Archive: International History Declassified, Wilson Center – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121651.pdf?v=d7e143cb60346614a337c648500cf3a7
94. Nepal-China Relations. // Ministry of Foreign Affairs, Government of Nepal – 2019 – URL: https://mofa.gov.np/nepal-china-relations/#:~:text=Nepal%2DChina%20relations%20have%20always%20remained%20friendly%20and%20cordial.&text=The%20two%20countries%20share%20a,an%20Honorary%20Consul%20in%20Shanghai.
95. Nepal. // The Observatory of Economic Complexity – URL: https://oec.world/en/profile/country/npl
96. Note given by the Ministry of External Affairs, New Delhi, to the Embassy of China in India, 7 October, 1964. // Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 11 (January 1964 – January 1965) – 12.2016 – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper11NEW.pdf
97. Note given by the Ministry of External Affairs, New Delhi, to the Embassy of China in India, 17 September, 1965. // Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 12 (January 1965 – February 1966) – 12.2016 – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper12NEW.pdf
98. Note given by the Ministry of Foreign Affairs, Peking, to the Embassy of India in China, 8 September, 1965. // Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 12 (January 1965 – February 1966) – 12.2016 – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper12NEW.pdf
99. Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 13 (February 1966 – February 1967) – 12.2016 – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper13NEW.pdf

100. Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 14 (February 1967 – April 1968) – 12.2016 – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper14NEW.pdf
101. NSA level meeting on trilateral Maritime Security Cooperation between India, Sri Lanka and Maldives. // Ministry of External Affairs, Government of India – 06.03.2014 – URL: https://www.mea.gov.in/in-focus-article.htm?23037/NSA+level+meeting+on+trilateral+Maritime+Security+Cooperation+between+India+Sri+Lanka+and+Maldives
102. Nuclear Weapons: Who Has What at a Glance. // The Arms Control Association – 07.2019 – URL: https://www.armscontrol.org/factsheets/Nuclearweaponswhohaswhat
103. Panchsheel. // Ministry of External Affairs, Government of India – URL: http://www.mea.gov.in/Uploads/PublicationDocs/191_panchsheel.pdf
104. PM's speech at the Chief Minister's meet on Naxalism. // Former Prime Minister of India, Prime Minister's Office – 2016 – URL: https://archivepmo.nic.in/drmanmohansingh/speech-details.php?nodeid=302
105. Population of Overseas Indians. // Ministry of External Affairs, Government of India: Overseas Indian Affairs – 2018 – URL: https://mea.gov.in/images/attach/NRIs-and-PIOs_1.pdf
106. Premier Chou En-lai's Letter to Prime Minister Nehru. (September 8, 1959) // Wilson Center: Digital Archive, International History Declassified – URL: https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/175958.pdf?v=bfc618a2773b51fbbe159096697b640a
107. President inaugurating the White Horse Temple. // Embassy of India, China – 2010 – URL: https://www.eoibeijing.gov.in/president-white-horse-temple.php
108. Press Release: Activities to Celebrate the 70th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations Between India and China. // Embassy of India, Beijing – 11.2019 – URL: https://www.eoibeijing.gov.in/press-release-22-11-19.php
109. Prime Minister Rajiv Gandhi's Visit to China. // China Report, 25(2), 1989. – P. 187–200. https://doi.org/10.1177/000944558902500209
110. Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue (June 01, 2018). // Ministry of External Affairs, Government of India, 2018. – URL: https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018
111. Relations of the United States: Diplomatic Papers. // U.S. Government Printing Office, Vol. VI 'Asia and the Pacific' (in two parts) – 1951. – 1478 p.
112. SDG Indicators: Regional groupings used in Report and Statistical Annex. – URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/regional-groups/
113. Sino-Indian Cooperation for World Peace. // Speech at a State Banquet given in honour of Chou En-lai. New Delhi, 26 June 1954. From Press Information Bureau. – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2017/01/195406VisitZhouinDelhi.pdf

114. Sino-Pakistani Cooperation in the Kashmir War. // Central Intelligence Agency: SC № 10519/653, 14 October 1965 – URL: https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000632167.pdf
115. SIPRI Arms Industry Database. // Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) – 2019 – URL: https://www.sipri.org/databases/armsindustry
116. SIPRI Yearbook 2008: Armaments, Disarmament and International Security. Summary. // Oxford University Press, 2008 – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/YB08%20366%2008A.pdf
117. SIPRI Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. Summary. // Oxford University Press, 2019 – URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/YB16-Summary-ENG.pdf
118. Statement of Activities 2018-19. // Department of Commerce, Ministry of Commerce & Industry, Government of India – 2019. – URL: https://commerce.gov.in/writereaddata/uploadedfile/MOC_636850524269073529_Statement_of_Activities_2018-19.pdf
119. Statement on Country-Wise FDI Equity Inflows from April 2000 to December 2018. // Annual Report – Reserve Bank of India. – URL: https://rbi.org.in/Scripts/AnnualReportPublications.aspx?Id=1249
120. Statistical report on international students in China for 2018. // Ministry of Education of the People's Republic of China – 2019 – URL: http://en.moe.gov.cn/documents/reports/201904/t20190418_378692.html
121. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI) Yearbook 2019: Armaments, Disarmament and International Security. // Oxford University Press, 2019, 704 p.
122. Struggle to restore China's lawful seat in the United Nations. // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18013.shtml
123. The Military Balance 2019. The Annual Assessment of Global Military Capabilities and Defence Economics. London: The International Institute for Strategic Studies. Routledge, 2019. – 520 p.
124. The Sino-Nepalese Treaty of Peace and Friendship. // Peking Review, 05.1960. – URL: https://www.marxists.org/subject/china/peking-review/1960/PR1960-18.pdf
125. The World Bank In China. // The World Bank (2017). – URL: http://www.worldbank.org/en/country/china/overview
126. The World Bank In Sri Lanka. – URL: https://www.worldbank.org/en/country/srilanka/overview
127. To Chou En-lai. December 14, 1958. // SELECTED WORKS OF JAWAHARLAL NEHRU, Vol. 45, Series II. – 12.2016 – URL: http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/SW45.pdf
128. Today marks the 40th Anniversary of Diplomatic relations between Maldives and China. // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Maldives. – URL: https://www.foreign.gov.mv/index.php/en/mediacentre/news/1379-today-marks-the-40th-anniversary-of-diplomatic-relations-between-maldives-and-china

129. Total migrant stock at mid-year by origin and by major area, region, country or area of destination, 1990-2019. // Department of Economic and Social Affairs, United Nations: International migrant stock 2019. – URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp
130. Total Trade – top 25 countries. // Department of Commerce, Government of India – 2019. – URL: https://commerce-app.gov.in/eidb/iecnttopnq.asp
131. Total Trade: Top countries. // Export-Import Data Bank, Department of Commerce – 08.2019. – URL: https://commerce-app.gov.in/eidb/iecnttopn.asp
132. Treaty of Peace and Friendship between the Government of India and the Government of Nepal. // Ministry of External Affairs, Government of India – URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/6295/Treaty+of+Peace+and+Friendship
133. Treaty of Peace and Friendship between the Government of India and the Government of the People's Republic of Bangladesh. // Ministry of External Affairs, Government of India – URL: https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/5621/
134. U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific. // The White House, 2021. – URL: https://trumpwhitehouse.archives.gov/
135. United States Strategic Approach to the People's Republic of China. // The White House, 2020. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2020/05/U.S.-Strategic-Approach-to-The-Peoples-Republic-of-China-Report-5.20.20.pdf
136. Valedictory Address by Secretary (East) at the Asian Relations Conference IV: 'Geopolitics of the Indo-Pacific Region: Asian Perspectives'. // Ministry of External Affairs, Government of India, 2013. – URL: https://mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/21464/valedictory+address+by+secretary+east+at+the+asian+relations+conference+iv+geopolitics+of+the+indopacific+region+asian+perspectives
137. World Bank. – URL: https://data.worldbank.org
138. World Integrated Trade Solutions – Bangladesh exports, imports and trade balance: By Country 2019. – URL: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/BGD/Year/LTST/TradeFlow/EXPIMP/Partner/by-country#
139. World Trade Statistical Review. // World Trade Organization – 2019. – URL: https://www.phdcci.in/wp-content/uploads/2019/07/World-Trade-Statistical-Review-2019.pdf

Литература

Монографии

Русскоязычные:

1. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / [В.Я. Белокреницкий и др.; рук. авт. колл. А.Д. Воскресенский]; под общ. ред. А.Д. Воскресенского; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2010.
2. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М: Институт Востоковедения РАН, 2008. – 576 с.

3. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. – М.: Международные отношения, 2003. — 368 с.
4. Воскресенский А.Д. Восточная Азия и/или АТР: состав региона. // [Торкунов А.В. (ред.). Современные международные отношения и Мировая политика.] – М.: МГИМО–Университет, 2004. – 408 с.
5. Казанин М.В. Китай и Пакистан: военно-техническое и экономическое сотрудничество в начале XXI века. Москва: Институт Ближнего Востока, 2017 – 104 с.
6. Капица М.С. КНР: три десятилетия — три политики. // М.: Политиздат, 1979.—576 с.
7. Кузнецов В.С. Китайско-индийские отношения 1950–1963 гг. М.: ИДВ, 2013. – 272 с.
8. Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М.: Институт экономических стратегий, 2009. — 1224 с.
9. Ледков А.А., Лунёв С.И. История Непала. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – 384 с.
10. Лунёв С.И. Дипломатия в Южной Азии. М.: Наука, 1993.
11. Лунёв С.И. Индия и США. Межгосударственные отношения. М.: «Наука», 1987.
12. Лунёв С.И. Процессы регионализации в современном мире (на примере Индии и Южной Азии). Москва: НИУ ВШЭ, 2017. – 402 с.
13. Лунёв С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. – М.: Издательство Юрайт, 2019. — 304 с.
14. Лунёв С.И. Современные международные отношения. // Под. ред. А.В. Торкунова. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 584 с.
15. Лунёв С.И. Территориальные и пограничные проблемы Южной Азии. // Под ред. Д.В. Стрельцова. Территориальный вопрос в афро-азиатском мире. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс». 2013. – 319 с.
16. Лунёв С.И. Южная Азия и Китай. // Отв. ред. – Чуфрин Г.И. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М.: Наука, 2007 – 327 с.
17. Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949–1984 гг.). М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1986. – 348 с.
18. Юрлов Ф.Н. От Восхода до Заката: Династия Неру-Ганди. Книга первая. Мотилал и Джавахарлал Неру. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – 520 с.
19. Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. // Ф.Н. Юрлов, Е.С. Юрлова – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 920 с.

Англоязычные:

20. Acharya A. The Quest for Identity: International Relations of Southeast Asia. New York: Oxford University Press, 2001. – 188 p.
21. Ampiah K. The Political and Moral Imperatives of the Bandung Conference of 1955: The Reactions of the US, UK and Japan. // Global Oriental, 2007. – 264 p.

22. Bordone S. The Relations Between China and India from Bandung to the "New Silk Road". // ed. Beretta S., Berkofsky A., Zhang L. Understanding China Today: An Exploration of Politics, Economics, Society, and International Relations. Springer, 2017 – 357 p.
23. Brines R. The Indo-Pakistani Conflict. London: Pall Mall Press, 1968.
24. Buzan B.G., Weaver O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge University Press, 2003.
25. Chaudhuri S. Maoist Betrayal India: A Case Study. New Delhi: Sterling Publishers Pvt. Ltd., 1980.
26. Eekelen W. Indian Foreign Policy and the Border Dispute with China: A New Look at Asian Relationships. Leiden: BRILL, 2015. – 354 p.
27. Eslava L., Fakhri M., Nesiah V. Bandung, Global History, and International Law: Critical Pasts and Pending Futures. Cambridge University Press, 2017. – 701 p.
28. Fang T. The Past, Prospects and Problems of Forming the 'Chindia' Alliance. // Naidu G.V.C., Chen M., Narayanan R. India and China in the Emerging Dynamics of East Asia. Springer, 2014. – 178 p.
29. Frankel F. When Nehru Looked East: Origins of India-US Suspicion and India-China Rivalry. // Oxford University Press, 2019. – 384 p.
30. Ghosh P. International Relations. // New Delhi: PHI Learning Pvt. Ltd, 2013. – 512 p.
31. Gommans J. Mughal Warfare: Indian Frontiers and Highroads to Empire 1500–1700 (Warfare and History). London: Routledge, 2003.
32. Jaishankar D. Acting East: India in the Indo-Pacific. / Brookings Institution India Center, October 2019.
33. Jaishankar S. The India Way: Strategies for an Uncertain World. HarperCollins India, 2020. – 240 p.
34. Kantak M. The First Anglo-Maratha War, 1774-1783: A Military Study of Major Battles. Bombay: Popular Prakashan, 1993.
35. Kavic L.J. India's Quest for Security: Defence Policies, 1947-1965. // University of California Press, 1967. – 263 p.
36. Kux D. India and the United States: Estranged Democracies 1941-1991. Washington, DC: National Defense University Press, 1993. – 526 p.
37. Mathou T. The Growth of Diplomacy in Bhutan 1961-1991: Opportunities and challenges. // Ed. M. Aris, M. Hutt. Bhutan: Aspects of Culture and Development. Kiscadale Asia Research Series n°5, Gartmore, Stirlingshire, Scotland, 1994. – URL: https://core.ac.uk/download/pdf/33420336.pdf
38. McGarr P.M. The Cold War in South Asia: Britain, the United States and the Indian Subcontinent, 1945-1965. Cambridge University Press, 2013. – 391 p.
39. Mehta S. The Indo-Pacific Imperative. // Kaushiva A.P., Singh A. Geopolitics of the Indo-Pacific. KW Publishers Pvt Ltd, 2014. – 138 p.
40. Miller M.C. Wronged by Empire: Post-Imperial Ideology and Foreign Policy in India and China. Stanford University Press, 2013. – 192 p.
41. Mishra K. Rapprochement Across the Himalayas: Emerging India-China Relations in Post Cold War Period (1947-2003). Kalpaz Publications, 2004.

42. Mohan C.R. Samudra Manthan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. New Delhi: Oxford University Press, 2013. – 329 p.
43. Nepal and Bhutan: country studies. // Federal Research Division, Library of Congress; edited by Andrea Matles Savada. — 3rd ed., 1993. – 424 p.
44. Palit P.S. Analysing China's soft power strategy and comparative Indian initiatives. — New Delhi : India Sage Publ., 2017. – 369 p.
45. Patil R. Strangers across the Border: Indian Encounters in Boomtown China. HarperCollins, India, 2014. – 256 p.
46. Pillai K.R. The Political Triangle: Pakistan, India and Britain. // New Delhi: Abhinav Publications, 1970.
47. Po R.C. The Blue Frontier: Maritime Vision and Power in The Qing Empire. Cambridge University Press, 2018.
48. Ramachandran S. Decision-making in Foreign Policy. New Delhi: Northern Book Centre, 1996. – 297 p.
49. Reddy J.G. Dynamics of India and China Relations. Implications for New World Order: UGC Centre for Southeast Asian and Pacific Studies, Sri Venkateswara University, 2016. – 484 p.
50. Sali M.L. India-China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector. New Delhi: APH Publishing, 1998. – 313 p.
51. Sarvepalli G. Jawaharlal Nehru: A Biography. // Cambridge, MA: Harvard University Press, Vol. III, 1976.
52. Schofield J. Pakistan, Direct Militarization, and the 1965 War. // Militarization and War. Initiatives in Strategic Studies: Issues and Policies. Palgrave Macmillan, New York, 2007.
53. Scott D. Sino-Indian Territorial Issues: The "Razor's Edge"? / ed. Pant H.V. The Rise of China: Implications for India – New Delhi: Cambridge University Press India, 2012). – 270 p.
54. Sen T. India, China, and the World: A Connected History. London: Rowman & Littlefield, 2017. – 541 p.
55. Singh D.K. Stateless in South Asia: The Chakmas between Bangladesh and India. SAGE Publications India. 2010. – 320 p.
56. Singh P.K. Strategic Yearbook 2016. New Delhi: Vij Multimedia, 2016. – 236 p.
57. Talbott S. Engaging India: Diplomacy, Democracy, and the Bomb. Brookings Institution Press, 2006. – 270 p.
58. Tellis J.A., Mirski S. Crux of Asia. China, India and the Emerging World Order. / A.J. Tellis, S.Mirski. – Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2013. – 270 p.
59. Tripathi S. India's Foreign Policy Dilemma over Non-Alignment 2.0. SAGE Publishing India, 2019. – 220 p.
60. Whiting A.S. China Crosses the Yalu: The Decision to Enter the Korean War. Stanford: Stanford University Press, 1990. – 225 p.
61. Wolpert S. A New History of India. New York: Oxford University Press, 1997.

62. Xiaowen H. The 1950s in China–India relations. // Bajpai K., Ho S., Miller M.C. Routledge Handbook of China-India Relations, 1st Edition, London: Routledge, 2020. – 634 p.

Китаеязычные:

63. Weiping Zh. Bainian zhongyin guanxi. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, 2006. [Чжоу Вэйпин. Отношения между Китаем и Индией за 100 лет. 2006]. – 487 с.

Статьи в научных журналах

Русскоязычные

1. Канаев Е.А., Королев А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019; 12(1). – С. 26–43. URL: https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-1-26-43
2. Белокреницкий В.Я. Предпосылки и начальные этапы китайско-пакистанского экономического взаимодействия. // Восточная аналитика, 2018. № 3. – С. 19–28.
3. Богданов К.В. Ядерные силы и ядерная стратегия Китайской Народной Республики. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право, 2008. Т. 11. № 6. – С. 81–95.
4. Васильев Е.Л. К вопросу о территориальных спорах Китая. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2017. Т. 22. № 22. – С. 172–186.
5. Володин А.Г. Китай – Индия – константа неопределенности. // Круглый стол «Стратегия Китая в XXI веке». Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. №3 (13). – С. 6–25.
6. Волхонский Б.М. Индийский океан как арена геополитического соперничества Китая и Индии. // Международная политика. Проблемы национальной стратегии, 2014. № 1 (22). С. 31–45.
7. Галищева Н.В. Внешняя торговля Индии в 1950–2000х гг. // Вестник МГИМО–Университета – 2012. – № 1(22). – С. 181–186.
8. Галищева Н.В. Глобализация индийской экономики: тенденции и перспективы. // Вестник МГИМО–Университета. 2017; (2(53)). – С. 71–89. – URL: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-2-53-71-89
9. Галищева Н.В. Проблема дисбалансов в экономике Индии. // Вестник МГИМО–Университета. — 2015. — № 4 (43). – С. 242–254.
10. Замараева Н.А. Индия и проект Китайско-пакистанского экономического коридора. // Восточная аналитика. 2018. №3. С. 60–66.
11. Замараева Н.А. КНР на Ближнем и среднем Востоке и в Южной Азии (проект Китайско-пакистанского экономического коридора). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. № 24. – С. 207–224. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10012
12. Каменев С.Н. Рост населения Пакистана и его влияние на социальные процессы. // Доклад на конференции ЦИСБСВ 26.11.2018. С. 447–453.

13. Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949–2014 гг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 106–129. – URL: https://fmp.msu.ru/attachments/article/255/KASHIN_4_2013.pdf
14. Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение. // Сравнительная политика. 2018. № 3, Т. 9. С. 61–74.
15. Колдунова Е.В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН. // Международные процессы. 2017. Том 15, № 3. С. 46–55.
16. Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с "китайской спецификой". // Вестник МГИМО-Университета. 2010. Том 10. № 1. С. 221–236.
17. Корсун В.А. Эволюция подходов китайского руководства к проблемам современных границ КНР. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2013. № 2. С. 65–76.
18. Кузнецов В.С. Китайско-индийские торгово-экономические отношения в середине XX века. // Вестник НГУ, Том II, Вып. 10, 2012. – С. 100–105.
19. Куприянов А.В. Индийский океан как зона мира: устаревшая концепция или формат будущего? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. – С. 204–219. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-204-219
20. Лунёв С.И. Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. №17. С. 112–139.
21. Лунёв С.И. Россия и Индия в Индо-Тихоокеанском регионе и фактор США. // Актуальные проблемы Европы. 2020. Т. 27. № 1. – С. 182–212.
22. Перминова В.А. Идея колониализма и оценка результатов иностранного присутствия в Китае. // Кобзев А.И. и др. Общество и государство в Китае. Москва: ФГБУН ИВ РАН. 2012. – С. 176–182.
23. Стрельцов Д.В. Индийско-тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений. / Д.В.Стрельцов // Международная жизнь. — 2018. — №9. — С. 65–74.
24. Терехов В.Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние. // Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4. – С. 57–76.
25. Уянаев С.В. Китай–Индия: отношения в начале нового столетия. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. – С. 19–30.
26. Чжун Ж. Южный Тибет (Таванг) в китайско-индийских отношениях. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2015. – №1. – С. 99–118.
27. Шаумян Т.Л. Индийско-китайская граница: перспективы урегулирования проблемы. // Азия и Африка сегодня. 2001. № 9. – С. 27–32.
28. Шаумян Т.Л. Противостояние в Гималаях: территориальные проблемы в исторической перспективе. // Труды Института востоковедения РАН, № 12, 2018. – С. 287–306.

Англоязычные

29. Adler E. Seizing the Middle Ground: Constructivism in World Politics. // European Journal of International Relations, 1997, Iss. 3. – P. 319–363.
30. Ahmad, R., Mi, H., & Fernald, L. W. Revisiting the potential security threats linked with the China–Pakistan Economic Corridor (CPEC). // Journal of the International Council for Small Business, 2020. 1(1). – P. 64–80. doi:10.1080/26437015.2020.1724735
31. Anand D. Remembering 1962 Sino-Indian Border War: Politics of Memory. // Journal of Defence Studies, 2012. Vol. 6, Issue 4. – P. 229–248.
32. Bajpaee C. Dephasing India's Look East/Act East Policy. // Contemporary Southeast Asia, Vol. 39, № 2 (August 2017). – P. 348–372.
33. Bindra S.S. Chinese Strategy in South Asia. // The Indian Journal of Political Science, 2009. Vol. 70, № 4. – P. 1163–1178.
34. Chakravorty P.K., Kanwal G. Operation Gibraltar: An Uprising that Never Was. // Journal of Defence Studies, Vol. 9, № 3 (July-September 2015). – P. 33–52.
35. Cheema P.I. SIGNIFICANCE OF PAKISTAN – CHINA BORDER AGREEMENT OF 1963. // Pakistan Horizon, Vol. 39, № 4, Focus on: Sino-Pakistan Relations (Fourth Quarter 1986). – P. 41–52.
36. Conrad P.B. China's Access to Gwadar Port: Strategic Implications and Options for India. // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India, 2017. 13:1. – P. 55-62. DOI: 10.1080/09733159.2017.1317123
37. Daftari M. Sino-Indian Relations and "Encounters": Challenges and Opportunities in the Nineties. // China Report, 30(3) – 1994. – P. 283–293.
38. Datta S. Bangladesh's Relations with China and India: A Comparative Study. // Strategic Analysis, 2008. 32(5). – P. 755–772. DOI:10.1080/09700160802309134
39. Deshingkar G. India-China Relations: The Nehru Years. // China Report, 27(2) – 1999. – P. 85–100.
40. Devadason E.S. Enhancing China-India Trade Cooperation: Complementary Interactions? // China Review, vol. 12, № 2, 2012. – P. 59–83. – URL: www.jstor.org/stable/23462217
41. Fan L.S. The Economy and Foreign Trade of China. // 38 Law and Contemporary Problems. (Summer 1973). – P. 249–259. – URL: https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol38/iss2/7
42. Finnemore M., Sikkink K. Taking Stock: The Constructivist Research Program in International Relations and Comparative Politics. // Annual Review of Political Science, 2001. № 4. – P. 391–416.
43. Gelb A., Jefferson G., Singh I. Can Communist Economies Transform Incrementally? China's Experience. // NBER Macroeconomics Annual, 1993, Vol. 8. – P. 87–133. DOI: https://doi.org/10.1086/654211
44. Ghosh A. Before 1962: The Case for 1950s China-India History. // The Journal of Asian Studies, 76(03), 2017. – P. 697–727.
45. Gupta K. Sino-Indian Agreement on Tibetan Trade and Intercourse: Its Origin and Significance. // Economic and Political Weekly – Vol. 13, № 16 (Apr. 22, 1978). – P. 696–702.

46. Gupta R. Sikkim: The Merger with India. // Asian Survey, Vol. 15, № 9, 1975. – P. 786–798.
47. Gupta T.D. Maoism in India: Ideology, Programme and Armed Struggle. // Economic and Political Weekly, 2006. Vol. 41, № 29. – P. 3172–3176.
48. Haokip T. India's Look East Policy. // South Asian Survey, 18, 2 (2011). – P. 239–257.
49. Harsh P.V. India and Bangladesh: Will the Twain Ever Meet? // Asian Survey, Vol. 47, № 2 (March/April 2007). – P. 231–249.
50. Jacob J.T. China-Pakistan Relations: Reinterpreting the Nexus. // China Report, 2010. 46 (3) – P. 217–229.
51. Jian C. The Tibetan Rebellion of 1959 and China's Changing Relations with India and the Soviet Union. // Journal of Cold War Studies – Vol. 8, Issue 3, Summer 2006. – P. 54–101. – URL: https://sites.fas.harvard.edu/~hpcws/jcws.2006.8.3.pdf
52. Jyoti. India's Look East Policy: In its Second Phase. // Global Journal of Pharmaceutical Sciences and Education. Volume 2, Number 1 (2013). – P. 1–14.
53. Kant R. Nepal's China Policy. // China Report, 1994, 30(2). – P. 161–173. DOI:10.1177/000944559403000204
54. Kaura V. China's South Asia Policy Under Xi Jinping. // Central European Journal of International and Security Studies, 2018. 12(2). – P. 8–29.
55. Khan S., Liu G. The China–Pakistan Economic Corridor (CPEC): challenges and prospects. // Area Development and Policy, 2018. – P. 1–8. DOI:10.1080/23792949.2018.1534549
56. Khan Z., Changgang G., Afzaal M., et al. Debunking Criticism on the China-Pakistan Economic Corridor. // The Chinese Economy, 2020. – P. 1–11. DOI:10.1080/10971475.2020.1792065
57. Koirala B. Sino-Nepalese Relations. // China Report, 2010. Vol. 46, Iss. 3. – P. 231–242.
58. Kireeva A., Kupriyanov A. Russia and Quad Plus. Is There a Way Forward? // Journal of Indo-Pacific Affairs, 2020. Vol. 3, Iss. 5. – P. 210–228.
59. Kristensen H.M., Korda M. Chinese nuclear forces. // Bulletin of the Atomic Scientists – 2019, 75(4). – P. 171–178. DOI: 10.1080/00963402.2019.1628511
60. Kristensen H.M., Korda M. Indian nuclear forces. // Bulletin of the Atomic Scientists – 2018. 74(6). – P. 361–366. DOI: 10.1080/00963402.2018.1533162
61. Kugiel P. India's Soft Power in South Asia. // International Studies, 49, 3&4 (2012). – P. 351–376.
62. Kumar P. Sino-Bhutanese Relations: Under the Shadow of India–Bhutan Friendship. // China Report 46, 3 (2010). – P. 243–252.
63. Kumar S. China's Revisionism Versus India's Status Quoism: Strategies and Counter-strategies of Rivals in Doklam Standoff. // Jadavpur Journal of International Relations, 2020. 24(1). – P. 73–100. DOI: 10.1177/0973598420908843
64. Kumar S.Y.S. China's Footprints in Maldives: Concern for India? // Artha Journal of Social Sciences, 15, 4(2016). – P. 15–29. DOI: https://doi.org/10.12724/ajss.39.2

65. Ladwig W.C. III. Delhi's Pacific Ambition: Naval Power, “Look East,” and India's Emerging Influence in the Asia-Pacific. // Asian Security, 2009. 5:2. – P. 87–113, DOI: 10.1080/14799850902886476
66. Lo J. The Decline of the Early Ming Navy. // Oriens Extremus, 5(2), 1958. – P. 149–168.
67. Lüthi L. Sino-Indian Relations, 1954-1962. // Eurasia Border Review, V. 3, Special Issue, 2012. – P. 93–119. – URL: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/eurasia_border_review/Vol3SI/luthi.pdf
68. Majumdar A. Making Sense of India–Bangladesh Relations. // India Quarterly, 2014. 70(4). – P. 327–340.
69. Malone D.M., Mukherjee R. India and China: Conflict and Cooperation. // Survival, vol. 52, № 1, February–March 2010. – P. 137–158.
70. Mendez Z.H. Repression and Revolt in Balochistan: The Uncertainty and Survival of a People’s National Aspirations. // Journal of Indo-Pacific Affairs, Vol.3, Iss.3., 2020. – P. 43–61. – URL: https://media.defense.gov/2020/Aug/31/2002488092/-1/-1/1/MENDEZ.PDF
71. Mohanty M. Chinese Revolution and the Indian Communist Movement. // China Report, 1991. 27(1), 27–39. doi:10.1177/000944559102700103
72. Moneyhon M. China’s Great Western Development Project in Xinjiang: Economic Palliative, or Political Trojan Horse. // Denver Journal of International Law & Policy, 2020. Vol. 31. Number 3. – P. 491–519.
73. Moses A.D. The United Nations, Humanitarianism, and Human Rights: War Crimes/Genocide Trials for Pakistani Soldiers in Bangladesh, 1971–1974. // S. Hoffmann (Ed.), Human Rights in the Twentieth Century (Human Rights in History. – P. 258–280). Cambridge: Cambridge University Press. doi:10.1017/CBO9780511921667.017
74. Mulla A. (Re)inventing a People on the Sea: Instances of Creolization in Amitav Ghosh’s Sea of Poppies. // Angles, Iss. 9, 2019. – P. 1–14. DOI: https://doi.org/10.4000/angles.1156
75. Naidu G.V.C. Whither the Look East Policy: India and Southeast Asia. // Strategic Analysis, 2004. 28:2. – P. 331–346. DOI: 10.1080/09700160408450136
76. Nolte D. How to compare regional powers: analytical concepts and research topics. // Review of International Studies, 2010. 36(04). – P. 881–901. DOI:10.1017/s026021051000135x
77. Passin H. Sino-Indian Cultural Relations. // The China Quarterly, 1961. № 7. – P. 85–100.
78. Pattanaik S.S. India’s Policy Response to China’s Investment and Aid to Nepal, Sri Lanka and Maldives: Challenges and Prospects. // Strategic Analysis, 2019. 43(3). – P. 240–259. doi:10.1080/09700161.2019.1616372
79. Paul T.V. Chinese-Pakistani Nuclear/Missile Ties and the Balance of Power. // The Nonproliferation Review, 10 (2), 2003. – URL: https://www.nonproliferation.org/wp-content/uploads/npr/102paul.pdf

80. Pillania R.K. Indo-China Trade: Trends, Composition, and Future. // Journal of Applied Economic Sciences, Spiru Haret University, Faculty of Financial Management and Accounting Craiova, vol. 5(2(12)/Sum). – P. 129–137.
81. Pu X. Ambivalent accommodation: status signalling of a rising India and China's response. // International Affairs, 2017. 93:1. – P. 147–163. DOI: 10.1093/ia/iiw002
82. Rahman M.Z. Territory, Roads and Trans-boundary Rivers: An Analysis of Indian Infrastructure Building along the Sino-Indian Border in Arunachal Pradesh. // Eurasia Border Review. Spring 2014. Vol. 5. № 1. – P. 59–75.
83. Rajagopalan R. Evasive balancing: India's unviable Indo-Pacific strategy. // International Affairs, 2020. 96: 1. – P. 75–93. DOI: 10.1093/ia/iiz224
84. Rehman I. A Himalayan Challenge: India's Conventional Deterrent and the Role of Special Operations Forces along the Sino-Indian Border. // Naval War College Review. Winter 2017. Vol. 70. № 1. – P. 104–142.
85. Scott D. The Great Power 'Great Game' between India and China: 'The Logic of Geography'. // Geopolitics. Vol. 13. 2008. – P. 1–26.
86. Sharma B.P. China-Nepal Relations: A Cooperative Partnership in Slow Motion. // China Quarterly of International Strategic Studies, 2018, 04:03. – P. 439–455.
87. Singh P.K. China–Bangladesh Relations: Acquiring a Life of their Own. // China Report 46, 3 (2010). – P. 267–283.
88. Steele L., Kuo R. Terrorism in Xinjiang? // Ethnopolitics, 2007. 6(1). – P. 1–19. doi:10.1080/17449050600917072
89. Sultana S., Alqama S.K., Farooq M. U.S. Economics Assistance to India & Pakistan: A Comparative Study. // Pakistan Journal of Social Sciences, Vol. 33, № 1., 2013. – P. 25–35.
90. Waltz K.N. Structural Realism after the Cold War. // International Security, 2000. Vol. 25, № 1. – P. 5–41.
91. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics. // International Organization, 1992. Vol. 46, № 2. – P. 391–425.
92. Wolf S.O. The China-Pakistan Economic Corridor of the Belt and Road Initiative. // Contemporary South Asian Studies, 2020. – 395 p. DOI:10.1007/978-3-030-16198-9
93. Xuecheng L. Look Beyond the Sino-Indian Border Dispute. // China Report, 2011. Vol. 47, № 2. – P. 147–158.
94. Yuan J. Sino–Indian Economic Ties since 1988: Progress, Problems, and Prospects for Future Development. // Journal of Current Chinese Affairs, 2016. 45 (3). – P. 31–71.
95. Zurndorfer H. Oceans of History, Seas of Change: Recent Revisionist Writing in Western Languages About China and East Asian Maritime History During the Period 1500–1630. // International Journal of Asian Studies, 2016, 13(1). – P. 61–94.

Китаеязычные

96. Yángkuísōng. "Xīn zhōngguó de gémìng wàijiāo sīxiǎng yǔ shíjiàn". [Ян Куйсун «Идеи и практика революционной дипломатии в Новом Китае»]. – URL: http://ww2.usc.cuhk.edu.hk/PaperCollection/webmanager/wkfiles/7564_1_paper.pdf
97. Mingxing F. Qingmo minchu zhongying (yin) guanxi zhong de xizang wenti – Qingmo minchu zhongguo zhengfu weihu xizang zhuquan de nuli. // Chengdu:

Sichuandaxue, nanya yanjiu jikan, № 4. 2011. – P. 90-99. [Фань Минсин. Проблема Тибета в китайско-британских (индийских) отношениях в конце династии Цин и начале КР. // Ежеквартальный журнал исследований Южной Азии Сычуаньского университета. 2011. № 4. – С. 90–99].

Электронные ресурсы

Публикации в СМИ

Русскоязычные

1. Индия начала делать автоматы Калашникова вместо своих винтовок. // Lenta.ru – 03.2019. – URL: https://lenta.ru/news/2019/03/03/kalash/
2. Китай и Непал подписали меморандум о сотрудничестве в рамках «Пояса и пути». // Синьхуа – 05.2017. – URL: http://russian.news.cn/2017-05/12/c_136277637.htm
3. Синьцзян: современная жизнь и проблемы "нетипичного" Китая. // РИА Новости – 07.2015 – URL: https://ria.ru/20150718/1135310143.html
4. СМИ: Индия и Китай готовятся к новому раунду переговоров по ситуации в Ладакхе. // ТАСС – 08.04.2021. –URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11094219
5. Князев С. «Целый субконтинент стал жертвой насилия»: какую роль Британская Ост-Индская компания сыграла в мировой истории. // Russia Today на русском – 02.08.2018. – URL: https://russian.rt.com/science/article/541812-istoriya-ost-indskaya-kompaniya
6. Коростиков М. Власти Китая узаконили лагеря перевоспитания мусульман. // Коммерсант – 10.2018. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3766348#id1408741
7. Куприянов А.В. Регион, которого нет на карте. // Профиль – 2019. – URL: https://profile.ru/politics/region-kotorogo-net-na-karte-143683/
8. Пахомов Е. В гости к сыну Солнца: чего ждать от индийской космической программы? // Коммерсант – Огонёк. – 08.2019. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/4046336

Англоязычные

9. “Ports In India Need Overhaul” – Agam Berry, Quantified Commerce. // The Economic Times – 05.2019. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/https://economictimes.indiatimes.com/industry/transportation/shipping-/-transport/ports-in-india-need-overhaul-agam-berry-quantified-commerce/articleshow/63886226.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
10. 2020 to be 'India-China Cultural and People to People Exchanges' year. // The Economic Times – 10.2019. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/2020-to-be-india-china-cultural-and-people-to-people-exchanges-year/articleshow/71554468.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst

11. 9 Chinese Cities to Host Yoga Day Celebrations. // NDTV – 2016. – URL: https://www.ndtv.com/world-news/9-chinese-cities-to-host-yoga-day-celebrations-1420417
12. All you want to know about the Line of Actual Control (LAC). // The Times of India – 09.2014. – URL: https://timesofindia.indiatimes.com/all-you-want-to-know-about-the-line-of-actual-control-lac/listshow/42893743.cms
13. Amin H. United States Presence in Indian Ocean: Counter Strategy For China. // Modern Diplomacy – 01.2020 – URL: https://moderndiplomacy.eu/2020/01/14/united-states-presence-in-indian-ocean-counter-strategy-for-china/
14. Arora K., Saxena R. India-China Economic Relations: An Assessment. // South Asian Voices – 04.2018. – URL: https://southasianvoices.org/india-china-economic-relations-an-assessment/
15. Bajpai P. The 5 Fastest Growing Economies in the World. // NASDAQ – 07.2019 – URL: https://www.nasdaq.com/articles/the-5-fastest-growing-economies-in-the-world-2019-06-27
16. Banerjee V., Suhas P.H. Indian Air Strategy After Balakot: The China Factor. // The Diplomat – 03.2019 – URL: https://thediplomat.com/2019/03/indian-air-strategy-after-balakot-the-china-factor/
17. Bosu R.S. Dangal underlines popularity of Indian films in China. // China Daily – 2017 – URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2017-07/20/content_30186720.htm
18. Brautigam D., Rithmire M. The Chinese 'Debt Trap' Is a Myth. // The Atlantic – 06.02.2021 – URL: https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/02/china-debt-trap-diplomacy/617953/
19. Burns J.F. India Sets 3 Nuclear Blasts, Defying a Worldwide Ban; Tests Bring a Sharp Outcry. // The New York Times – 05.1998 – URL: https://www.nytimes.com/1998/05/12/world/india-sets-3-nuclear-blasts-defying-a-worldwide-ban-tests-bring-a-sharp-outcry.html
20. Chaudhury D.R. Chinese investment proposals more attractive: President Maldives. // The Economic Times, India – 09.03.2016 – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/chinese-investment-proposals-more-attractive-president-maldives/articleshow/51315449.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
21. China exhibits advanced drones, unmanned underwater vehicles in military parade. // Xinhua – 10.2019. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-10/01/c_138439078.htm
22. China is ready for an educational exchange programme with Kerala. // Kaumundi Online. – 02.2019. – URL: https://keralakaumudi.com/en/news/news.php?id=53314&u=china-is-ready-for-an-educational-exchange-programme-with-kerala-53314
23. Chopra D. India and China Space Programme comparison: All you need to know. // India Today – 09.2019 – URL: https://www.indiatoday.in/education-today/gk-current-affairs/story/india-and-china-space-programme-comparision-divd-1603816-2019-09-27

24. Desai S. 4 Lessons for India From China's October 2019 Military Parade. // The Diplomat – 12.2019 – URL: https://thediplomat.com/2019/12/4-lessons-for-india-from-chinas-october-2019-military-parade/
25. Ding Q. China emerges as a more popular education hub for Indian students. // CCTV: Exclusive – 2018 – URL: http://english.cctv.com/2018/06/01/ARTImmQZQN9kSAoshNAE0xCl180601.shtml
26. Finnigan C. Bangladesh-China relations have metamorphosed into a strategic partnership. // The London School of Economics and Political Science – 06.2019 – URL: https://blogs.lse.ac.uk/southasia/2019/06/20/bangladesh-china-relations-have-metamorphosed-into-a-strategic-partnership/
27. Frayer L. In Sri Lanka, China's Building Spree Is Raising Questions About Sovereignty. // NPR – 13.12.2019 – URL: https://www.npr.org/2019/12/13/784084567/in-sri-lanka-chinas-building-spree-is-raising-questions-about-sovereignty
28. Grossman D. The Quad Is Poised to Become Openly Anti-China Soon. // The Rand Blog – 2020 – URL: https://www.rand.org/blog/2020/07/the-quad-is-poised-to-become-openly-anti-china-soon.html?fbclid=IwAR2ibyCr_HLobLTCGSrSPI5OlH5qJVJPWci0Bz9ptnftdI4NGdYDaHu7DiQ
29. Gujral Doctrine. // Drishti IAS – 12.2019 – URL: https://www.drishtiias.com/daily-updates/daily-news-editorials/gujral-doctrine
30. Henry I. Finally, some plain talk on the Quad. // The Interpreter – 2019. – URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/finally-some-plain-talk-quad
31. Hickey C.K. New Data Shows Slowdown in Growth of International Students in the U.S. // Foreign Policy – 2019. – URL: https://foreignpolicy.com/2019/11/20/new-data-shows-slowdown-in-growth-of-international-students-in-the-u-s-china-india-saudi-arabia/
32. India and China discuss education cooperation, possibility of mutually recognising qualifications. // India Today – 2019 – URL: https://www.indiatoday.in/education-today/news/story/india-china-discuss-education-cooperation-at-first-joint-working-group-meet-1610062-2019-10-16
33. India Spends a Fortune on Defense and Gets Poor Value for its Money. // The Economist – 03.2018 – URL: https://www.economist.com/asia/2018/03/28/india-spends-a-fortune-on-defence-and-gets-poor-value-for-money
34. India wants to extend its ties with Russia's Far East: Swaraj. // The Hindu Business Line – 2017 – URL: https://www.thehindubusinessline.com/economy/india-wantsto-extend-its-ties-with-russias-far-eastswaraj/article9847330.ece
35. India, China sign 4 agreements to strengthen people-to-people ties. // India Today – 08.2019 – URL: https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-agreements-strengthen-ties-1580115-2019-08-12
36. India's Maoist rebels: An explainer. // Al-Jazeera News – 2017 – URL: https://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/04/india-maoist-rebels-explainer-170426132812114.html

37. Indian parliament approves citizenship bill, sparking protests. // Deutsche Welle – 12.2019 – URL: https://www.dw.com/en/indian-parliament-approves-citizenship-bill-sparking-protests/a-51631343
38. Indo-China political relations. // Hindustan Times – 11.2006 – URL: https://www.hindustantimes.com/india/indo-china-political-relations/story-wnbPhLjKjBQcM9QJw0H11J.html
39. INS Arihant completes India's nuclear triad, PM Modi felicitates crew. // The Economic Times – 12.2018 – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/ins-arihant-completes-indias-nuclear-triad-pm-modi-felicitates-crew/articleshow/66509959.cms?from=mdr
40. Jaishankar D. 1962's Other Crisis: India and China go to War. // The Diplomat – 20.10.2012 – URL: https://thediplomat.com/2012/10/seeing-china-through-indian-eyes-the-legacy-of-1962/
41. Jiangtao S., Zhou L. Wary China on 'Quad' bloc watch after officials from US, Japan, India and Australia meet on Asean sidelines. // South China Morning Post, 2017. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2119719/wary-china-quad-bloc-watch-after-officials-us-japan
42. Kondapalli S. How Indo-China media cooperation can help relations. // Rediff.com – 2013 – URL: https://www.rediff.com/news/column/how-indo-china-media-cooperation-can-help-relations/20130917.htm
43. Kotoky A., Bipindra N. C. After decades of neglect, India builds roads along China border. // The Economic Times – 07.2018 – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/after-decades-of-neglect-india-builds-roads-along-china-border/articleshow/58833597.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
44. Krishnan A. China is buying good press across the world, one paid journalist at a time. // The Print – 2018 – URL: https://theprint.in/opinion/china-is-paying-foreign-journalists-including-from-india-to-report-from-beijing/154013/
45. Krishnan A. Three Chinese reporters 'to be expelled' from India. // India Today – 2016 – URL: https://www.indiatoday.in/world/story/xinhua-news-agency-chinese-journalists-expelled-india-china-indo-china-relations-330950-2016-07-23
46. Kumar R., Narayan S. China's One Belt One Road Initiative in Nepal. // South Asia Journal – 12.2017 – URL: http://southasiajournal.net/chinas-one-belt-one-road-initiative-in-nepal/
47. Kuronuma Y. India takes on China with its own navigational satellites. // Nikkei Asian Review – 11.2017 – URL: https://asia.nikkei.com/Business/Technology/India-takes-on-China-with-its-own-navigational-satellites2
48. Maldives election: Opposition defeats China-backed Abdulla Yameen. // BBC News – 09.2018. – URL: https://www.bbc.com/news/world-asia-45623126
49. Manoj P. Containers handled at major ports up 8% at 9.876 million TEUs in FY19. // The Hindu: Business Line – 04.2019. – URL: https://www.thehindubusinessline.com/economy/logistics/containers-handled-at-major-ports-up-8-at-9876-million-teus-in-fy19/article26719290.ece#

50. Marlow I. India Slips Further Behind China During First Five Years of Modi. // Bloomberg – 04.2019 – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-27/india-slips-further-behind-china-during-first-five-years-of-modi
51. Mathur S. With eye on tourists from China, India revamps policy. // Times of India – 2019 – URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/73038706.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
52. Milenkovic A. China-Russia heavy helicopter cooperation: Making the rotorcraft of the future. // CGTN: Technology – 04.2019 – URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d674e7a4d544f33457a6333566d54/index.html
53. Mizokami K. Why a War Between China and India Is Not Unthinkable (And Would Be a Total Horror Show). // The National Interest – 06.2018 – URL: https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/why-war-between-china-india-not-unthinkable-would-be-total-26238
54. Mohan C.R. Connecting Asia: India Talks, China Builds. // Indian Express. 5.01.13. – URL: http://www.indianexpress.com/news/connecting-asia-india-talks-china-builds/1055014/0
55. Moorty N.S. Where from here 13-A? // The Colombo Gazzette – 10.02.2020 – URL: https://colombogazette.com/2020/02/10/where-from-here-13-a/
56. Most important countries of origin of foreign tourists in China in 2018. // Statista – URL: https://www.statista.com/statistics/234149/tourists-in-china-by-country-of-origin/#:~:text=All%20in%20all%2C%20approximately%2030.54,tourists%20visited%20China%20in%202018. Niazi S. India restricts university collaborations with China. // University World News – 2019 – URL: https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191010131823 24
57. Number of Indian students in China crosses 13,500. // The Economic Times – 05.2015 – URL: https://economictimes.indiatimes.com/nri/nris-in-news/number-of-indian-students-in-china-crosses-13500/articleshow/47420552.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
58. Pariona A. Top Source Countries for Tourists to China. World Atlas. // World Atlas – 01.08. 2017 – URL: https://www.worldatlas.com/articles/top-source-countries-for-tourists-to-china.html
59. Parthasarathy G. Beware the China-Pakistan nuclear axis. // The Hindu Business Line – 11.2017 – URL: https://www.thehindubusinessline.com/opinion/beware-the-china-pakistan-nuclear-axis/article22220540.ece1#
60. Patil R. India and China need a push to encourage more people to live across the border. // The Economic Times – 2015. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/blogs/et-commentary/india-and-china-need-a-push-to-encourage-more-people-to-live-across-the-border/
61. Peigen X., Yi C., Liqi X. Three cheers for civilization: China conference brings Asia together. // The Hindu – 15.05.2019 – URL: https://www.thehindu.com/brandhub/three-cheers-for-civilization-china-conference-brings-asia-together/article27135086.ece

62. Popham P. How Beijing won Sri Lanka's civil war. // The Independent – 23.10.2011 – URL: https://www.independent.co.uk/news/world/asia/how-beijing-won-sri-lanka-s-civil-war-1980492.html
63. Port of Shanghai: World's busiest container port for 2019. // Safety4Sea – 01.2020. – URL: https://safety4sea.com/port-of-shanghai-worlds-busiest-container-port-for-2019/
64. Pushkar. If 'Study in India' Is to Be a Hit, We Must Get Right What China Has Perfected. // The Wire: Education – 2018. – URL: https://thewire.in/education/if-study-in-india-is-to-be-a-hit-we-must-get-right-what-china-has-perfected
65. Radziszewski E., Hanson B., Khalid S. India's Response to China's Cyber Attacks. // The Diplomat – 07.2019. – URL: https://thediplomat.com/2019/07/indias-response-to-chinas-cyber-attacks/
66. United Nations Adopts PM Modi's Proposal, Declares an International Yoga Day. 2014. // NDTV. – URL: https://food.ndtv.com/food-drinks/united-nations-adopts-pm-modis-proposal-declares-an-international-yoga-day-712099
67. Ramachandran S. India's Vaccine Diplomacy: A Potent Card? // The Diplomat – 26.01.2021 – URL: https://thediplomat.com/2021/01/indias-vaccine-diplomacy-a-potent-card/
68. Safi M. Chinese and Indian troops face off in Bhutan border dispute. // The Guardian – 06.2017. – URL: https://www.theguardian.com/world/2017/jul/06/china-india-bhutan-standoff-disputed-territory
69. Shen S. How China's 'Belt and Road' Compares to the Marshall Plan. // The Diplomat – 02.2016. – URL: https://thediplomat.com/2016/02/how-chinas-belt-and-road-compares-to-the-marshall-plan/
70. Shrivastava S. 1971 India Pakistan War: Role of Russia, China, America and Britain. // The World Reporter – 30.10.2011. – URL: http://www.theworldreporter.com/2011/10/1971-india-pakistan-war-role-of-russia.html
71. Shukla A. Boots on the Ground Need Bucks in the Wallet. // Business Standard – 06.2019 – URL: https://www.business-standard.com/article/opinion/boots-on-the-ground-need-bucks-in-the-wallet-119062500030_1.html.
72. Srivastava A. Here are five most common myths about India-China bilateral trade. // Foreign Trade, The Economic Times of India – 04.2018. – URL: economictimes.indiatimes.com/articleshow/63954787.cms?from=mdr&utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
73. Weinraub B. India Becomes 6th Nation to Set off Nuclear Device. // The New York Times – 05.1974 – URL: https://www.nytimes.com/1974/05/19/archives/india-becomes-6th-nation-to-set-off-nuclear-device-india-signed.html
74. Wuthnow J., Limaye S., Samaranayake N. Doklam, One Year Later: China's Long Game in the Himalayas. // War on the Rocks – 06.2018 – URL: https://warontherocks.com/2018/06/doklam-one-year-later-chinas-long-game-in-the-himalayas/
75. Xiaoyong H. Cooperation or confrontation? The way ahead for the region. // The Straits Times, 2020. – URL: https://www.straitstimes.com/opinion/cooperation-or-confrontation-the-way-ahead-for-the-region

76. Xinying Z. More Indians studying in China. // China Daily: Education – 2015 – URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/25/content_20807203.htm
77. Yau E. Why Indian films like Dangal and Toilet are so popular in China: similar problems. // South China Morning Post – 2018. – URL: https://www.scmp.com/culture/film-tv/article/2177193/why-indian-films-dangal-and-toilet-are-so-popular-china-similar
78. Yuwei H. China, India resume annual counter-terrorism exercise amid improved military trust. // The Global Times English Edition: China, World – 2018. – URL: http://www.globaltimes.cn/content/1133407.shtml
79. Zhaohui L. I believe connectivity is the key to addressing the India-China trade deficit. // Hindustan Times – 05.2019. – URL: https://www.hindustantimes.com/analysis/i-believe-connectivity-is-the-key-to-addressing-the-india-china-trade-deficit/story-B0oUzoeQOpLRlya56n3ZXP.html

Китаеязычные

80. Синьцзан гунлу [Синьцзян-Тибетское шоссе]. // Baidu – URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%96%B0%E8%97%8F%E5%85%AC%E8%B7%AF
81. Yuánxiǎobīn. Fādá guójiā duì huá yuánzhù bù shǒuruǎn [Юань Сяобинь. Развитые страны без колебаний помогают Китаю]. 2013. – URL: http://view.163.com/special/reviews/aidtochina1219.html

Статьи и доклады на сайтах аналитических и исследовательских центров

Русскоязычные

1. Виноградов А. Внешняя политика Китайской Народной Республики в 1949 – 1976 гг. // Перспективы – 08.2016 – URL: http://www.perspektivy.info/history/vneshnaja_politika_kitajskoj_narodnoj_respubliki_v_1949__1976_gg_2016-08-15.htm
2. Гамов М., Малинина А. Обеспечение деятельности ВМС НОАК в рамках концепции «Нить жемчуга». // Зарубежное военное обозрение. — Москва, 2017. — Январь (№ 1). — С. 71–79. – URL: http://factmil.com/publ/strana/kitaj/obespechenie_dejatelnosti_vms_noak_v_ramkakh_koncepcii_nit_zhemchuga_2017/59-1-0-1122
3. Евстафьев Г.М. Неприменении ядерного оружия первыми. // ПИР-Центр – URL: http://www.pircenter.org/sections/view/section_id/147
4. Куприянов А.В. Индия в эпоху кибервойн. // РСМД: Аналитические статьи – 07.2019 – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-v-epokhu-kibervoyn/
5. Куприянов А.В. Индо-Пацифика и Россия: не упустить свой шанс. // Клуб «Валдай» – 11.2018 – URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/indo-patsifika-rossiya/
6. Ломанов А. Чжунго Хэпин Цзюэци (Мирное возвышение Китая). // Россия в глобальной политике – 10.01.2005 – URL: https://globalaffairs.ru/articles/chzhungo-hepin-czzyueczi-mirnoe-vozvyshenie-kitaya/
7. Лунёв С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов. // Портал Перспективы – 04.2010 – URL:

http://www.perspektivy.info/book/vneshnaja_politika_indii_i_vozdejstvije_na_neje_vnutrennih_faktorov_2010-04-21.htm
8. Маслов А.А. Что случилось с йогой в Китае? // Центр Шаолинь – 2010. – URL: https://centrshaolin.ru/question-joga.html
9. Наркевский Д. Чем опасен Доклам? Маленький конфликт с большими последствиями. // РСМД – 08.2017. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chem-opasen-doklam-malenkiy-konflikt-s-bolshimi-posledstviyami/
10. Рагхаван П.Ш. Сотрудничество на фронте Индо-Тихоокеанской безопасности. // Клуб «Валдай» – 11.2018 – URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/front-indo-tikhookean/
11. Сумский В. Трамп, АТЭС, АСЕАН и азиатско-тихоокеанская (дез)интеграция. // Клуб «Валдай» – 11.2017 – URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tramp-ates-asean/
12. Унникришнан Н. Перспективы индийско-китайских отношений. // РСМД – 08.2014 – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-indiysko-kitayskikh-otnosheniy/

Англоязычные

13. Bhattacharjee J. Decoding China-Bangladesh relationship. // Raisina Debates, ORF – 06.2018 – URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/41935-decoding-china-bangladesh-relationship/
14. Baru S. The Asian Mirror for the Far East: an Indian Perspective. // Russia in Global Affairs, 2019. – URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/the-asian-mirror-for-the-far-east-an-indian-perspective/
15. Bhutani R. Integrated Theatre Commands for the Indian Armed Forces. // Centre for Joint Warfare Studies – 09.2018 – URL: https://cenjows.gov.in/upload_images/pdf/8.%20Bhutanui-Integrated%20Theatre%20Commands%20for%20India.pdf
16. China’s Air Force: from Shield to Sword. // Russian International Affairs Council – 01.2016. – URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/vvs-kitaya-ot-shchita-k-mechu/
17. Chinese investment in the Maldives: Appraising the String of Pearls. // The Asia Maritime Transparency Initiative and The Center for Strategic and International Studies – 04.09.2020. – URL: https://amti.csis.org/chinese-investment-in-the-maldives-appraising-the-string-of-pearls/
18. Cordesman A.H., Kendall J. Estimates of Chinese Military Spending. // Center for Strategic and International Studies – 09.2016. – URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/160928_AHC_Estimates_Chinese_Military_Spending.pdf
19. D’Ambrogio E., v.d. Vegt J., Nicklas H. Nepal, Bhutan and Their Neighbours. // European Parliamentary Research Service: Briefing – 04.2019 – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/637908/EPRS_BRI(2019)637908_EN.pdf

20. Dalton T., Zhao T. At a Crossroads? China-India Nuclear Relations After the Border Clash. // Carnegie Endowment for International Peace – 08.2020. – URL: https://carnegieendowment.org/2020/08/19/at-crossroads-china-india-nuclear-relations-after-border-clash-pub-82489
21. Dangra A. The Missing Piece in India's Economic Growth Story: Robust Infrastructure. // S&P Global – 02.08.2016. – URL: https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/the-missing-piece-in-indias-economic-growth-story-robust-infrastructure
22. Das S. The Sino-Indian Border Dispute: What Role for The European Union? // European Institute for Asian Studies – 02.2014. – URL: http://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/02/EIAS_Briefing_Paper_2014-2_Das.pdf
23. Gabuev A. Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis. // Carnegie Moscow Center – 2016 – URL: https://carnegie.ru/2016/06/29/friends-with-benefits-russian-chinese-relations-after-ukraine-crisis-pub-63953
24. Ganapathy V. Military Lessons of the 1965 Indo-Pakistan War. // Scholar Warrior – Autumn 2014 – URL: http://www.claws.in/images/journals_doc/1959557320_VGanapathy.pdf
25. Heitzman J., Worden R. Bangladesh: A Country Study (China and Other Asian Nations). // Washington: GPO for U.S. Library of Congress, 1989. – URL: http://countrystudies.us/bangladesh/108.htm
26. History of India-Nepal Relations. // South Asia Program, Hudson Institute – URL: http://www.southasiaathudson.org/history#:~:text=The%20History%20of%20India%2DNepal,1950%20Peace%20and%20Friendship%20Treaty.&text=1950%20also%20saw%20the%20signing,Commerce%20between%20India%20and%20Nepal.
27. Horimoto T. India’s Wars: The Indo-Pakistani Wars and the India-China Border Conflict. // 2015 International Forum on War History: Proceedings – 07.2015. – URL: http://www.nids.mod.go.jp/english/event/forum/pdf/2015/07.pdf
28. Jha T. China and Its Periferies: Limited Objectives in Bhutan. // Institute of Peace and Conflict Studies, 2013 – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/168057/IB233-TilakJha-ChinaPeriphery-Bhutan.pdf
29. Joshi M. For a Quad strategy. // Observer Research Foundation – 11.2019 – URL: https://www.orfonline.org/research/for-a-quad-strategy-58136/
30. Kelkar A. What the defence budget 2019 says about the Indian Army. // Observer Research Foundation – 02.2019 – URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/what-the-defence-budget-2019-says-about-the-indian-army-48210/
31. Kesavan K.V. India’s ‘Act East’ policy and regional cooperation. // Observer Research Foundation – 02.2020 – URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/indias-act-east-policy-and-regional-cooperation-61375/
32. Khurana G.S. The ‘Indo-Pacific’ Concept: Retrospect and Prospect. // National Maritime Foundation, 2017. – URL: http://maritimeindia.org/View%20Profile/636215922419657386.pdf

33. Kliman D., Rehman I., Lee K, Fitt J. Imbalance of Power: India's Military Choices in an Era of Strategic Competition with China. // Center for a New American Security – 10.2019 – URL: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/CNAS-Report_ImbalanceofPower_DoS-Proof+(1).pdf
34. Kliman D., Rehman I., Lee K., Fitt, J. Imbalance of Power. // Cnas.org. – 2019 – URL: https://www.cnas.org/publications/reports/imbalance-of-power
35. Kumar R. Panchsheel was noble, but did China embrace it ever? // IDSA – 08.2017 – URL: https://idsa.in/idsacomments/panchsheel-was-noble-but-did-china-embrace-it-ever_rkumar_180817#footnote7_9dsag89
36. Mohanty S.K. India-China Bilateral Trade Relationship. // Research and Information System for Developing Countries. – 01.2014. – URL: http://ris.org.in/images/RIS_images/pdf/India%20china%20report.pdf
37. Palit A., Nawani S. India-China Trade: Explaining the Imbalance. // ISAS Working Paper № 95, National University of Singapore. – 10.2009. – URL: https://www.files.ethz.ch/isn/109224/94.pdf
38. Pant V.H. The limits of informality. // Observer Research Foundation – 10.2019 – URL: https://www.orfonline.org/research/the-limits-of-informality-56585/
39. Pranav D. India-China Investment Corridor — Dangal and Business Goes Hand-in-Hand. // Invest India, National Investment Promotion & Facilitation Agency – 07.2018. – URL: https://www.investindia.gov.in/team-india-blogs/india-china-investment-corridor-dangal-and-business-goes-hand-hand
40. Prospects for Exports from India. // PhD Research Bureau, PhD Chamber of Commerce and Industry – 03.2019. – URL: https://www.phdcci.in/wp-content/uploads/2019/04/Prospects-for-Exports-from-India-Five-Pronged-Strategy-to-Achieve-USD-700-Billion-Merchandise-Exports-by-2025.pdf
41. Rajagopalan R. India's Strategic Choices: China and the Balance of Power in Asia. // Carnegie India, 2017. – URL: https://carnegieindia.org/2017/09/14/india-s-strategic-choices-china-and-balance-of-power-in-asia-pub-73108
42. Rajendram D. India's new Asia-Pacific strategy: Modi acts East. // Lowy Institute Analyses – 18.12.2014. – URL: http://www.lowyinstitute.org/files/indias-new-asia-pacific-strategy-modi-acts-east.pdf
43. Sahoo N. India, China and the ironies of Maoism. // Observer Research Foundation – 05.2017. – URL: https://www.orfonline.org/expert-speak/indian-china-ironies-of-maoism/
44. Samaranayake N. China's Engagement with Smaller South Asian Countries. // United States Institute of Peace, 2019. № 446.
45. Shearer A. Quad Redux: A New Agenda for Asia's Maritime Democracies. // Lowyinstitute.org – 2017. – URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/quad-redux-new-agenda-asia-maritime-democracies
46. Starr J.K. 5 Facts about Buddhists around the World. // Pew Research Center, 2019. – URL: https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/04/05/5-facts-about-buddhists-around-the-world/
47. Strachan A.L., Kang H.K, Sinha T., Sikri R. India's Look East Policy: A Critical Assessment: Interview with Amb. Rajiv Sikri. // Southeast Asia Research Programme,

Institute of Peace and Conflict Studies – 01.10.2009 – URL: https://www.jstor.org/stable/resrep09289
48. Tanner M.S., Bellacqua J. China’s Response to Terrorism. // U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2016. – 208 p. – URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/Chinas%20Response%20to%20Terrorism_CNA061616.pdf

Китаеязычные

49. Zhāngxùtōng. Xīyóu jì duì zhōngguó rén sīxiǎng de yǐngxiǎng [Чжан Сюйтун "Влияние "Путешествия на Запад" на китайскую мысль"]. – URL: http://www.zhongguozhihui.com/discourses/articles/TopicArticle2.html